

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

Тема номера:
**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ГОСУДАРСТВО**

2022 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д-р юрид. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. — канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Алешкова И. А. — канд. юрид. наук, доц., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва);

Антонян Ю. М. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбрустер К. — доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Глотов С. А. — д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, МГИМО (У) МИД РФ;

Долинская В. В. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Моравчикова М. — PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. — д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Субочев В. В. — д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ;

Хатчинсон С. К. — доктор права, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. — PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. — д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва);

Шматков И. И. — канд. юрид. наук, доц., Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Республика Беларусь)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2022. — № 2. — 114 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence"
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of Moscow Region, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Prof., MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Ambrewster – Doctor of Law, Prof., University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Prof., Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State Social University (Moscow);

V. V. Subochev – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

S. Ch. Hutchinson – PhD, Prof., University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Prof., Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow);

I. I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Vitebsk State University named after P. M. Masharov (Republic of Belarus)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

The Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is registered in the Federal Service for supervision of legislation observance in the sphere of mass communications and cultural heritage protection (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2022. – No. 2. – 114 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

- Певцова Е. А.* Теоретико-правовые аспекты взаимодействия гражданского общества и государства в решении социальных задач развития России в период экономических бойкотов и запретов. 7
- Мупендана П. К., Сапогов В. М.* Тенденции и проблемы развития постколониального права и государства в Африке. 15
- Куликов М. А.* Юридические цели и средства как основа механизма правового регулирования. 25
- Раков К. А.* Значение и место законности в концепции формальных и содержательных оснований правопорядка. 34
- Писарев А. Н.* Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России. 42

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Прудников А. С.* Состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере реализации права граждан на пенсионное обеспечение. 51
- Символоков О. А.* Правовой режим бесхозяйного имущества в энергетической сфере. . . 58
- Кирпичев А. Е.* Оферта, акцепт и момент заключения договора между присутствующими. 69
- Горенская Е. В.* К вопросу обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов. 79

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Антонян Ю. М.* Основные черты преступности. 89
- Плешаков А. М.* Уголовная ответственность за применение зоологического насилия к представителю власти. 100
- Теренков И. Е.* Особенности этапа установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда уголовно-охраняемому объекту при юридической оценке применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны. . . . 107

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue	6
--	---

CIVIL SOCIETY AND THE STATE

<i>E. Pevtsova.</i> Theoretical and Legal Aspects of Interaction between Civil Society and the State in Solving Social Problems of Russia's Development During the Period of Economic Boycotts and Bans	7
<i>P. Mupendana, V. Sapogov.</i> Post-Colonial Law and State Trends and Challenges in Africa ..	15
<i>M. Kulikov.</i> Legal Goals and Means as the Basis of the Mechanism of Legal Regulation ...	25
<i>K. Rakov.</i> The Meaning and Place of Legality in the Concept of Formal and Substantive Grounds for Law and Order	34
<i>A. Pisarev.</i> Constitution as a Guarantor of Continuity Development of Domestic Statehood and National Values Determining the Constitutional Identity of Russia	42

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>A. Prudnikov.</i> State and Prospects of the Russian Federation Legislation Development in the Sphere of Realization of Citizens' Right to Pension Provision	51
<i>O. Simvolokov.</i> Legal Regime of Mismanaged Property in the Energy Sector	58
<i>A. Kirpichev.</i> Offer, Acceptance and the Moment of the Contract Formation between Those Present	69
<i>E. Gorenskaya.</i> On the Issue of Ensuring Economic Security by the Internal Affairs Bodies in the Sphere of Oil and Petroleum Products Turnover	79

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>Yu. Antonyan.</i> The Main Features of Crime	89
<i>A. Pleshakov.</i> Criminal Liability for the Use of Zoological Violence against a Representative of Power	100
<i>I. Terenkov.</i> Peculiarities of the Stage of Establishing and Studying the Actual Circumstances of Inflicting Harm to the Criminal Protected Object During the Legal Assessment of the Use of Firearms by Police Officers in a State of Necessary Defense	107

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

Гражданское общество и государство

Вопросы взаимоотношений гражданского общества и государства всегда волновали человечество. Современный опыт развития многих стран подтверждает фактор влияния власти и государства на процесс становления российского гражданского общества. Многие авторы в своих исследованиях уже давно доказали, что одним из признаков современного социального государства является установление гармонии в отношениях власти и человека.

В текущем номере журнала учёные из разных стран выдвигают не только законодательные инициативы, которые могут быть успешно применены в практике для решения проблемных вопросов, но и научно обосновывают результативность сотрудничества институтов гражданского общества и государства в современном мире. Например, африканские коллеги, представляя результаты своих научных исследований, в частности, приходят к выводу, что «воссоздание в первозданном виде африканского государства невозможно без предоставления широких прав участия в управлении делами государства африканским семьям и их объединениям».

На страницах текущего выпуска журнала учёные рассуждают о важности поддержания правопорядка в мире, анализируют состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере реализации социальных прав граждан, в частности, на пенсионное обеспечение.

Авторы подчёркивают, что Конституция выступает гарантом сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей. В частности, современные задачи, которые ставит государство, требуют совершенствования подходов ко многим ключевым процессам в гражданском обществе, в том числе и в области развития институтов образования. Российская система образования должна в полной мере содействовать достижению национальных целей, обеспечивающих суверенитет государства, а образование должно иметь глубочайшее ценностно-смысловое содержание. Эти и многие другие задачи возможно эффективно решить при активном взаимодействии гражданского общества и государства.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-7-14

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКИХ БОЙКОТОВ И ЗАПРЕТОВ

Певцова Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить новые направления взаимодействия институтов гражданского общества и государства в части решения социальных вопросов общества для представления предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

Процедура и методы. В проведенном исследовании сделан акцент на анализ нормативных правовых актов и текущей ситуации в области социальной политики страны, применены методы исторического, формально-логического подхода к изложению основных тезисов.

Результаты. Внесены предложения в законодательство, в частности, обоснована необходимость правового закрепления в практику института общественного наставничества для эффективного взаимодействия государства и традиционных религиозных конфессий России. Предложено включить в функционал общественного наставника, представляющего традиционную конфессию, сопровождение детей-сирот, вступающих в наследство, для профилактики противоправных действий третьих лиц.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы, сделанные в ходе исследования, направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения и защиты прав отдельных категорий граждан в Российской Федерации, обозначена роль Русской православной церкви в решении вопросов социальной политики государства, оказания помощи беженцам в период реализации санкционной политики отдельных стран. Результаты работы могут быть использованы не только в правоприменительной деятельности, но и в процессе преподавания теории государства и права.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие РПЦ и государства, социальная функция государства

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND THE STATE IN SOLVING SOCIAL PROBLEMS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT DURING THE PERIOD OF ECONOMIC BOYCOTTS AND BANS

E. Pevtsova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

© CC BY Певцова Е. А., 2022.

Abstract

Aim. Identify new areas of interaction between civil society institutions and the state in terms of solving social issues of society to submit proposals for improving the legislation of the Russian Federation.

Methodology. The study focused on the analysis of regulatory legal acts and the current situation in the field of social policy of the country. The methods of a historical, formal-logical approach to the presentation of the main theses were applied.

Results. Proposals have been made to the legislation; in particular, the need for legal consolidation in the practice of the institution of public mentoring for the effective interaction of the state and traditional religious faiths of Russia is justified. It is proposed to include in the functionality of a public mentor representing a traditional denomination, accompanying orphans, who inherit, to prevent illegal actions of third parties.

Research implications. The conclusions made in the course of the study are aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of ensuring and protecting the rights of certain categories of citizens in the Russian Federation, the role of the Russian Orthodox Church in resolving issues of the state's social policy, and providing assistance to refugees during the implementation of the sanctions policy of individual countries is indicated. The results of the work can be used not only in law enforcement, but also in the process of teaching the theory of state and law.

Keywords: civil society, interaction of the Russian Orthodox Church and the state, social function of the state

Введение

2022 г. был ознаменован усилением политики экономических бойкотов и санкций в отношении России, что позволило российскому государству актуализировать вопросы импортозамещения, поддержки отечественных товаропроизводителей. В этих условиях неминуемо возникает проблема решения важных социальных задач, направленных на развитие институтов гражданского общества, в т. ч. семьи, школы, которые являются основополагающими акторами правовой социализации человека с момента его появления на свет. Вот почему важно для юридической науки, в первую очередь теории государства и права, выработать механизм правовых рекомендаций по развитию и совершенствованию партнёрства гражданского общества и государственных органов [11].

Историко-правовые факты санкций и запретов в отношении государств

В истории права известны многочисленные факты попыток добиться политических целей, ограничивая и ведя информационные и санкционные войны с оппонентами и конкурентами. Например, в Древней Греции в 432 г. до н. э. была принята *Мегарская псефизма* – таким словом называли решение народа. В Мегарах поселились беглые афин-

ские рабы, которые вспахали священные земли, и это стало всего лишь поводом для принятия своего рода санкций для купцов из этого города. В отличие от закона, который распространялся на всех, псефизма применялась в единичных случаях в виде индивидуального правового акта в отношении конкретных лиц и ситуаций [14]. Инициатором указанной псефизмы стал известный в истории права общественный деятель Перикл, который предложил на Народном Собрании свой законопроект. Согласно этому документу, запрещалась торговля Мегар с городами Афинского морского союза. Это и стало одним из поводов Пелопонесской войны, в результате которой Афины проиграли. А вот другой пример из истории права. В период правления Ивана Грозного в ответ на активность Великого князя европейцы ввели санкции на поставку меди и бронзы для Московского государства. А после Крымской войны Россию на некоторых картах обозначали и вовсе в виде осьминога-чудовища, провоцируя в отношении неё холодные войны и новые санкционные запреты.

Исследователи всё больше погружаются в изучение вопроса правовых ограничений и публикуют различные сенсационные факты о наложении запрета на сотрудничество с каким-либо государством [9; 15; 17]. Всем известна в истории права «золотая блокада»

1925 г., когда США, а также европейские государства перестали торговать с Советским союзом за золото. В 1930 г. появился запрет на импорт товаров из СССР. Исключение отдали только зерну. Любые санкции и правовые запреты провоцировали кризис и многочисленные экономические последствия, которые сказывались на правовой системе общества.

Шли годы, но так называемая санкционная политика отдельных государств совершенствовалась¹. Вот лишь некоторые примеры. Стали известны деяния британцев, которые экономически пытались подавить конкурентов, защищая свои преимущества в производстве отдельных видов товаров. В 1973 г. страны Арабского мира как экспортеры нефти ввели эмбарго на поставку нефтепродуктов в США. Так они выступили против американской поддержки Израиля, что породило энергетический кризис. В послевоенный период в США был создан Координационный комитет по экспортному контролю, чтобы контролировать экспорт оборудования в СССР и провоцировать «технологическое отставание» Советского союза. В последующем в отношении отдельных товаров вводились высокие тарифы, что делало их невыгодными для ввоза на территорию нашей страны. Усиливается и давление на отдельных людей. Новый масштабный виток санкций начался в 2014 г.

Россия по количеству введённых против неё санкций фактически стала страной-лидером. Общее количество антироссийских санкций с 2014 по 2022 гг. составило 10 128. Максимальное их количество ввели США – 1858, Великобритания – 1360, Швейцария – 1359, Канада – 1198, ЕС – 1190, Франция – 1179, Австралия – 1010, Япония – 761². Однако следует признать, что санкции имеют следствием не только экономические проблемы, но и духовно-нравственные, в

т. ч. те, которые находятся в поле правового регулирования. И вот здесь возникает большая потребность разобраться в особой роли гражданского общества в стабилизации общества, оказания помощи людям в кризисный период. Вопросы предотвращения дезорганизации в таких условиях может решить, например, церковь.

Степень изученности темы

Вопросам взаимодействия церкви и государства, определения её социальной роли в решении важных государственных задач было посвящено немало научных трудов, причём данная проблема исследовалась как с позиции теории государства и права, так и учёными-политологами, историками, философами. Так, в работах М. Г. Анохина, М. Н. Грачева, А. И. Демидова, В. Д. Зотова и др. сформирован категориальный аппарат и тезаурус этой проблематики [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8]. Зарубежные учёные (см. труды Г. Алмонда, М. Дюверже, Д. Истона, Т. Парсонса, П. Шарана, Р. Ж. Шварценберга) представили направления взаимодействия церкви и государства в рамках правовой системы общества [4; 11; 12; 16]. Например, учёным удалось дать определение таким конструкциям, как «государственно-религиозные отношения», «государственно-церковные отношения»³ [7; 9; 13]. Был сделан вывод, что действительность подобных отношений предполагает отражение интересов институтов гражданского общества и государства в нормативных правовых актах⁴.

³ Леонова О. Г. Роль Церкви в гражданском обществе // *Studia Humanitatis: международный электронный научный журнал*. 2013. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/leonova-og-rol-cerkvi-v-grazhdanskom-obshchestve> (дата обращения: 06.06.2022).

⁴ Скокова Ю. Православная церковь и гражданское общество // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/68114961.html> (дата обращения: 06.06.2022); Кутай А. Церковь как институт гражданского общества // *Русская народная линия*: [сайт]. https://ruskline.ru/analitika/2020/07/20/cerkov_kak_institut_grazhdanskogo_obwestva (дата обращения: 06.06.2022).

¹ Еремина Н. Краткая история санкций. Часть I // *Деловой Петербург*: [сайт]. URL: https://www.dp.ru/a/2018/04/16/Kratkaja_istorija_sankcij (дата обращения: 06.06.2022).

² Володин подсчитал количество санкций против России // *РИА Новости*: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220508/sanktsii-1787471086.html> (дата обращения: 06.06.2022).

Взаимодействие Русской православной церкви и государства в сфере социальной защиты населения: светское и религиозное измерение

Поправки в Конституцию 2020 г. внесли ряд принципиально важных положений по регулированию нематериальной составляющей общественной жизни. Были акцентированы вопросы ценностно-смыслового позиционирования России, без чего невозможно говорить об идентичности российского общества. В Конституцию России были включены слова о Боге. Таким образом был устранён диссонанс Конституции с текстом гимна, где апелляция к Богу содержалась и раньше. Включение слов о Боге в Основной закон государства столкнулось с критикой приверженцев радикальной секулярности. Хотя, как известно, слова о Боге содержит большинство конституций стран мира, включая Германию, Швейцарию, Ирландию, Грецию, Венгрию, Польшу. Существуют конституции, в которых конкретизируется религиозное учение: швейцарская говорит о Троице, ирландская – о Господе Иисусе Христе.

Опосредованно с религией были связаны и другие новые положения Конституции России: о духовном воспитании и традиционных семейных ценностях. Но внесением изменений в Конституцию конституционный процесс не заканчивается. Необходимо, чтобы новые положения практически заработали, был создан механизм их реализации в государственной и общественной жизни.

Значение поправок в Конституцию с точки зрения рассматриваемого вопроса состояло в преодолении крайностей секуляризма. Россия не перестала быть светским государством, но крайности секулярного подхода, подрывающие потенциалы самого государства, были сглажены. Открываются в развитии духа конституционных поправок перспективы формирования новой модели государственно-религиозного взаимодействия в решении актуальных проблем общества.

С позиции теории и истории права очевидны 4 такие модели:

- 1) *византийская*, симфоническая, имевшая место в средневековой Руси;
- 2) *синодальная*, существовавшая в период Российской империи;
- 3) *советская*, характеризующаяся конфликтом мировоззренческих целеполаганий между церковью и государством;
- 4) *либеральная*, установившаяся на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и отразившая время обрушения норм социального общежития.

Сейчас в повестке оказывается вопрос о формировании пятой исторической модели – *союза церкви и государства* как самостоятельных институций при опоре на единство в понимании высших ценностно-смысловых ориентиров.

В чём может заключаться сегодня роль церкви в реализации функций социальной защиты населения? Эта роль может осмысливаться с точки зрения как религии, так и интересов общества¹. С точки зрения религии главная функция церкви – борьба за спасение души человека. Эту функцию можно описать словами из «Братьев Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Фактически это функционал борьбы со злом, и указание на этот функционал имеет принципиальное значение. К сожалению, эти базовые категории – добро и зло – ушли из актуального общественного дискурса, не обнаруживаются они и в образовательных программах. А между тем с разграничения добра и зла и начинается социогенез. Устанавливается в обществе, что есть хорошо и что есть плохо.

Когда-то важнейшей социальной функцией церкви являлась функция печалования перед властями. Духовные лица обращались на основании своего авторитета с ходатайством к светским властям о помиловании осуждённых. Прервал эту традицию в своё время Пётр I, отказа-

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

вший, несмотря на представление патриарха, помиловать стрелцов. Но запрос на эту функцию печалования перед властями не только в отношении осуждённых, но и шире – в отношении несправедливых деяний со стороны «сильных мира сего» – крайне высок.

Другая функция церкви состоит в защите человека от деструктивного воздействия внешней среды. Наряду со здоровьем физическим, есть, как известно, здоровье психическое и нравственное. Церковь должна, может и многое делает для блокировки разрушительных для человека и общества концептов, образов поведения. Многочисленные случаи суицида среди молодёжи, прецеденты склуштинга, распространение буллинга – всё это требует противодействия. Запреты в борьбе с этими явлениями проблемы не решают. Нужна иная система ценностей и смыслов, которая даёт человеку церковь.

Традиционно в качестве важнейшей функции религии рассматривается коммуникационная функция. Сегодня в России и мире происходит процесс создания новых сетевых сообществ. Многие из этих сообществ оказываются в оппозиции к «большому обществу». Одни из них вовлекаются в воронку криминальной субкультуры, другие используются как инструмент в политической борьбе. Есть и опасность вовлечения молодых людей в тоталитарные секты или религиозно-экстремистские группировки, включая группировки джихадистские. Традиционный институт церкви оказывается в этом отношении противовесом деструктивным сетевым сборкам.

История России фактически сопряжена с историей российских традиционных религий. Можно согласиться с позицией, что основания российской цивилизации были заложены принятием в X в. князем Владимиром православия. Связь с цивилизационногенезом России определяет в качестве одной из важнейших функций церкви – сбережение российской цивилизационной идентичности. Русская православная церковь активно включается сегодня в борьбу

против дискредитации российской истории, в защиту исторической памяти народа. Как известно, положение о защите исторической правды было в 2020 г. также включено в Конституцию Российской Федерации. Безусловно, защита ценностей российского общества должна рассматриваться в общем пакете защиты граждан. Формирование же цивилизационной идентичности молодёжи имеет также огромное значение как противовес тенденциям индивидуализации, «цифровой эмиграции», феномена хикикомори (домашнего затворничества).

В религиоведении принято указывать также на компенсаторную функцию религии, которую можно определить как социально-психологическую функцию. Верующий человек гораздо реже, как свидетельствуют психологи, впадает в депрессивное состояние, легче справляется с социальным напряжением. Как следствие, меньше озлобленности, больше доброты в межличностных отношениях. Психологически ввергнуть сообщество верующих в состояние аномии невозможно, так как ценности его находятся вне мира сего.

Религиозное просвещение имеет и составляющую защиты семьи. Положение о защите традиционных семейных ценностей внесено в Конституцию России, и они сопряжены именно с той традицией брака и семьи, которая сформировалась посредством религиозных норм и освящалась церковью. Не будет открытием сказать, что детность в религиозных сообществах оказывается принципиально выше, нежели в сообществах, дистанцировавшихся от религиозных традиций.

Законодательные предложения

Что следует предпринять в практическом плане для формирования новой модели союза государства и церкви на уровне социальной защиты населения? В интегративном плане это мог бы быть федеральный закон «О традиционных религиях России». Внести соответствующие поправки в ныне действующий Федеральный закон «О сво-

боде совести и религиозных объединениях» было бы проблематично, т. к. предмет регулирования в данном случае другой – не право исповедовать любую религию, или не исповедовать никакой, а поддержка через религию традиционных ценностей. Речь идёт, конечно, не о поддержке любой формы религиозности (есть, как известно, религии, деструктивные, которые должны или быть запрещены на территории РФ, или как минимум лишены поддержки). Традиционные же религии России как институции, укрепляющие заявленные в Конституции ценности, должны быть законодательно поддержаны целевым образом. На региональном уровне могут быть приняты соответствующие нормативно-правовые акты, отражающие конфессиональную специфику регионов. Вопрос о таком законе, как известно, поднимался и ранее. Но на сегодня для его принятия есть основания в виде соответствующих поправок в Конституцию России.

Одним из разделов нового закона мог бы стать раздел о взаимодействии церкви со светскими образовательными учреждениями. Понятно, что на настоящее время существуют определённые проблемы для такого взаимодействия, задаваемые традицией, идущей ещё от декрета 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

В некоторых высших учебных заведениях страны имеется опыт взаимодействия с Русской православной церковью по широкому кругу вопросов просветительской, воспитательной и социальной деятельности. Например, в Московском государственном областном университете в следующем году будет первый в стране выпуск педагогов по профилю «История и основы религиозной культуры». Существует и площадка обсуждения контента программ по проблематике преподавания вопросов, связанных с историей религии, богословием, религиозными традициями, религиозным сознанием. Таким образом, важно сфокусировать внимание законодателя на следующих аспектах: Федеральному Собранию Российской Федерации ввести

в Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»¹ правовую дефиницию «общественный наставник». Закрепить функции общественных наставников для сопровождения разных категорий молодёжи, нуждающихся в социальной поддержке, в том числе:

- лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- лиц, находящихся в конфликте с законом;
- лиц с ОВЗ и инвалидностью, прочих лиц.

Ввести институт общественного наставничества в практику взаимодействия государства и традиционных религиозных конфессий России.

Рассмотреть возможность включения в функционал общественного наставника, представляющего традиционную конфессию, сопровождение детей-сирот, вступающих в наследство, для профилактики противоправных действий третьих лиц.

Федеральному Собранию Российской Федерации обеспечить реализацию поправок в Конституцию Российской Федерации, внесённых в 2020 г., в части ценностных ориентиров граждан России.

Правительству Российской Федерации открыть кафедры теологии во всех педагогических вузах России, подведомственных Минпросвещения России.

Правительству Российской Федерации дать экспертную оценку возможности разработки, принятия и реализации федеральной целевой программы «Традиционные религии России».

Разработать совместную программу и «дорожную карту» сотрудничества и сотрудничества Русской православной церкви, Минобрнауки России, Минпросвещения России и Российского общества «Знание» по направлению развития духовного просветительства граждан России.

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

Минобрнауки России – разработать и организовать реализацию программ дополнительного профессионального образования (профессиональной переподготовки и повышения квалификации) лиц, обеспечивающих социальное служение.

Минпросвещения России включить в ФГОС основного общего образования

компетенции, направленные на формирование представлений обучающихся, осваивающих программы основного общего образования, о роли традиционных конфессий в решении социальных вопросов населения России.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. М.: Инфомарт, 1996. 305 с.
2. Виноградова О. П. Религиоведение и правоведение: вместе или порознь? // Право и государство: теория и практика. 2008. № 1 (37). С. 137–141.
3. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 1995. 236 с.
4. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. / сост. Г. Ю. Семигин и др. Т. II. М., 1997. С. 644–655.
5. Касаткин П. И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1 (10). С. 257–251.
6. Кугай А. И. Русская православная церковь как институт гражданского общества // Власть. 2021. № 3. С. 217–225.
7. Мчедлов М. П. Социальная концепция православия // Свободная мысль – XXI. 2001. № 7. С. 17–30.
8. Николин А. Церковь и государство (история правовых взаимоотношений). М.: Сретенский монастырь, 2022. 429 с.
9. Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
10. Осавелюк А. М. Размышление о светском государстве (в свете изменений 2020 г. в Конституцию России) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 32–42.
11. Певцова Н. С. О новых подходах формирования высших органов законодательной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 32–36.
12. Петров В. Ю. Религия и государство: этика власти // Религия и нравственность в секулярном мире: материалы научной конференции. СПб., Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 73–77.
13. Прокопенко Е. Е. Тенденции и рубежи взаимовлияния государства и религиозной организации как структурного элемента гражданского общества в современных российских условиях // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 6А. С. 267–285.
14. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.
15. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов. М.: Славянский правовой центр, 2001. 1456 с.
16. Чуприна Я. С., Лавриненко Н. И. Взаимодействие государства и гражданского общества до 2030 г.: проблемы и перспективы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1276–1280.
17. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: ДЕАН+АДИА-М, 2000. 216 с.

REFERENCES

1. Anokhin M. G. *Politicheskkiye sistemy: adaptatsiya, dinamika, ustoychivost* [Political systems: adaptation, dynamics, stability]. Moscow, Infomart Publ., 1996. 305 p.
2. Vinogradova O. P. [Religious studies and jurisprudence: together or apart?]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2008, no. 1 (37), pp. 137–141.
3. Garadzha V. I. *Sotsiologiya religii* [Sociology of religion]. Moscow, Aspect-press Publ., 1995. 236 p.
4. Duverger M. [Political institutions and constitutional law]. In: Semigin G. Yu. et al., comps. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. T. II* [Anthology of world political thought. Vol. 2. Moscow, 1997, pp. 644–655.
5. Kasatkin P. I. [On the role of religious actors in modern world political processes]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2010, no. 1 (10), pp. 257–251.

6. Kugai A. I. [Russian Orthodox Church as an institution of civil society]. In: *Vlast* [Power], 2021, no. 3, pp. 217–225.
7. Mchedlov M. P. [The social concept of Orthodoxy]. In: *Svobodnaya mysl – XXI* [Free thought – XXI], 2001, no. 7, pp. 17–30.
8. Nikolin A. *Tserkov i gosudarstvo (istoriya pravovykh vzaimootnosheniy)* [Church and state (history of legal relations)]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2022. 429 p.
9. Odintsov M. I. *Gosudarstvo i tserkov v Rossii. XX vek* [State and church in Russia. 20th century]. Moscow, Luch Publ., 1994. 171 p.
10. Osavelyuk A. M. [Reflection on a secular state (in the light of the 2020 changes to the Constitution of Russia)]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, vol. 15, no. 8 (117), pp. 32–42.
11. Pevtsova N. S. [On new approaches to the formation of the highest bodies of legislative power in Russia]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2018, no. 8, pp. 32–36.
12. Petrov V. Yu. [Religion and the state: the ethics of power]. In: *Religiya i npravstvennost v sekulyarnom mire: materialy nauchnoy konferentsii* [Religion and morality in the secular world: materials of the scientific conference]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2001, pp. 73–77.
13. Prokopenko E. E. [Trends and boundaries of mutual influence of the state and a religious organization as a structural element of civil society in modern Russian conditions]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political research], 2016, vol. 5, no. 6A, pp. 267–285.
14. Pospelovsky D. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 509 p.
15. Pchelintsev A. V., Ryakhovsky V. V., Chugunov S. V., comps. *Religioznyye obyedineniya. Svoboda sovesti i veroispovedaniya* [Religious associations. Freedom of conscience and religion]. Moscow, Slavyanskiy pravovoy tsentr Publ., 2001. 1456 p.
16. Chuprina Ya. S., Lavrinenko N. I. [Interaction between the state and civil society until 2030: problems and prospects]. In: *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal «Concept»], 2014, vol. 14, pp. 1276–1280.
17. Shkarovsky M. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov pri Staline i Khrushchove (gosudarstvenno-tserkovnyye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow, DEAN+ADIA-M Publ., 2000. 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, ректор Московского государственного областного университета;

e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Prof., Rector, Moscow Region State University;

e-mail: ea.pevtsova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Е. А. Теоретико-правовые аспекты взаимодействия гражданского общества и государства в решении социальных задач развития России в период экономических бойкотов и запретов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 7–14. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-7-14

FOR CITATION

Pevtsova E. A. Theoretical and Legal Aspects of Interaction between Civil Society and the State in Solving Social Problems of Russia's Development During the Period of Economic Boycotts and Bans. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 7–14. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-7-14

УДК 34.01

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-15-24

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В АФРИКЕ

Мупендана П. К.¹, Сапогов В. М.²

¹Университет Параку

BP 123, г. Параку, Республика Бенин

²Псковский государственный университет

180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить ряд актуальных аспектов и тенденций исторического и современного развития права и государственности в Африке.

Процедура и методы. При проведении исследования применены историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и диалектический методы.

Результаты. В исследовании выделены особенности генезиса и развития права на африканском континенте в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды. Выводы, полученные в ходе исследования, позволили определить причины противоречий между социальными регуляторами коренных африканских народов и европейского права, возникновения кризисов в сфере управления государством, связанных с колонизацией и не являющихся результатом естественной эволюции африканских обществ. Выдвинуты предложения по осуществлению африканизации африканского права и государства посредством изменения правовой идеологии на основе предоставления широких прав участия в управлении делами государства африканским семьям и их объединениям, юридического образования и организации отраслевых юридических исследований.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию права и сравнительного правоведения, создавая предпосылки для развития теории и типов правового понимания и дальнейшего углублённого концептуального изучения теоретико-правовых категорий.

Ключевые слова: африканское право, африканское государство, африканское постколониальное право, традиционное право

POST-COLONIAL LAW AND STATE TRENDS AND CHALLENGES IN AFRICA

P. Mupendana¹, V. Sapogov²

¹Parakou University

BP 123, Parakou, Borgou, Benin

²Pskov State University

pl. Lenina 2, Pskov 180000, Russian Federation

Abstract

Aim. Identify a number of relevant aspects and trends in the historical and modern development of law and statehood in Africa.

Methodology. During the study, the historical-legal, comparative-legal method, formal-logical and dialectical methods were applied.

Results. The study highlighted the features of the genesis and development of law on the African continent in the pre-colonial, colonial and post-colonial periods. The conclusions obtained during the study made it possible to determine the reasons for the contradictions between the social regulators of indigenous African peoples and European law, the emergence of crises in the field of state management related to

colonization and not resulted from the natural evolution of African societies. Proposals have been put forward to implement the Africanization of African law and the State through a change in legal ideology through the granting of broad participation rights in the management of the affairs of the State to African families and their associations, legal education and the organization of sectoral legal research.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of law and comparative law, creating the prerequisites for the development of theory and types of legal understanding and further in-depth conceptual study of theoretical and legal categories.

Keywords: African law, African state, African post-colonial law, traditional law

Введение

Современное право африканских государств, как отмечается в теоретико-правовых исследованиях, является результатом соединения 2-х историй: африканской и европейской [3].

Обращаясь к его прошлому, отметим, что африканское колониальное и постколониальное право является результатом слияния европейского права и африканского права, благоприятствующего колониальному предпринимательству.

Постколониальное африканское право оказывается между 2-мя цивилизациями, развитие которых оно не может полностью охватить нормативным регулированием. Как справедливо подчёркивает М. Тшиембе, «раздираемое двумя противоречивыми волями, колониальное управление не могло ни переоценить институты, созданные африканской цивилизацией, которые лишили бы "цивилизационную миссию" её существования, ни систематически заменить её демократическими институтами, созданными европейской цивилизацией, которая привела бы к разрыву уз суверенитета, поставив колонию под легальную опеку метрополии» [10, p. 16].

Правовая система, распространённая на африканском континенте, должна была и в настоящее время является правом меньшинства, потому что она отвечала интересам колонизатора и благоприятствует тем, кто пришёл на смену. С помощью оружия она включала право эксплуатации, потому что благодаря ему колонизатор, а также африканец облачались в свой «юридический костюм», обеспечивая монополию на эксплуатацию товаров и услуг людей, подвергшихся колониальному игу, опиралась

на государственный закон, устанавливающий сегрегацию и дискриминацию в обществе, закон, разрушающий африканское общество, закон подражания и, наконец, закон, отрицающий традиционное африканское право.

Свойственное африканской культуре преобладание семьи в управлении социальными отношениями в настоящее время отодвигается на второй план в пользу меньшинства, которое доминирует в африканском обществе. На наш взгляд, чтобы эта аномалия прекратилась, необходимо предоставить семьям и их объединениям больше прав в управлении делами государства.

Дискурс исследований государственно-правового развития африканских территорий последнего десятилетия связан с поиском причин противоречий между социальными регуляторами коренных африканских народов и европейского права, возникновения кризисов в сфере управления государством, не являющихся результатом естественной эволюции африканских обществ [1].

По мнению Е. Г. Емельяненко, Африка, основываясь на своём прошлом, защищая свои интересы и ценности, в т. ч. в сфере образования, способна найти пути дальнейшего государственно-правового развития [4]. Развитию юридического образования на основе традиционного африканского права в этом процессе следует уделить наибольшее внимание.

Исследователи проблем эволюции африканских права и государства указывают на их зависимость от процессов глобализации и неокOLONиализма [6; 11], сохраняющихся форм традиционного управления, представляющих собой, по сути, параллельное

официально установленной политической власти правление иерархии старейшин и вождей [2], соотношения формального земельного права с обычными системами землевладения [5].

Как нам представляется, «африканизация» африканского права и государства возможна посредством изменения правовой идеологии современных африканских государств, выработанной на основе социально-политико-правовой философии африканских народов, а также на основе модернизации юридического образования и организации отраслевых юридических исследований, в частности, в области традиционного африканского права и африканской семьи.

Право меньшинства, эксплуатации, сегрегации и дискриминации в колониальную и постколониальную эпоху развития государственности в Африке

С началом колонизации территорий африканского континента в сфере регулирования социальных отношений происходит сопряжение 2-х правовых систем, одна из которых была традиционной и определяла характер социальных отношений в африканском обществе, а другая, навязанная колониальной властью, пользователями которой были колонизаторы или их уполномоченные лица.

В доколониальную эпоху традиции и обычаи занимали преобладающее место в управлении обществом. Отметим, что обычай имеет настолько глубокие основы в системе управления африканским обществом, что всё ещё присутствует в системе современных социальных регуляторов.

Колониальное и постколониальное право в определённых областях общественных отношений установило сегрегацию и дискриминацию, что нашло отражение в правовых текстах колониальных актов.

Почти все африканские колониальные постановления предусматривают, что традиционное африканское право должно применяться в первую очередь: ко всем во-

просам брака, землевладения, наследования, завещания и, конечно, традиционных функций и институтов, таких как институт вождя; ко всем другим инструментам, сторонами которых являются африканцы, или в которых объект конфликта обычно не регулируется английским, бельгийским или французским законодательством, а также тем же законом в соответствии с волей сторон; в случае, если одна сторона является африканцем, а другая – нет; в случаях, когда обычное право не противоречит никакому правовому тексту или принципам естественной справедливости и добросовестности. Из этого мы можем сделать вывод, что неестественным образом соединено право коренных жителей и право иностранных лиц в одной правовой системе и на одной и той же национальной территории.

Африканское население классифицировалось колонизаторами исходя из расы, племени, этнической принадлежности и т. д. Колонизация в Руанде и Бурунди, например, увеличила разрыв, существующий между различными этническими группами этих стран. Весь период немецкой колонизации Руанды сопровождался усложнением социально-политических отношений между народностями хуту и тутси. Во-первых, колонизаторы основывали свою власть на принципе непрямого правления, тем самым укрепляя гегемонию существующей административной и политической системы из представителей тутси над большинством хуту. Во-вторых, они выделили этническую группу тутси в привилегированное положение, создав и управляя до 1907 г. в Ньянзе Школой сынов вождей, которая была основана с целью предоставить стране лидеров, умеющих писать и читать, и, следовательно, посредников между колонизатором и местной властью, чтобы укрепить колониальную власть. Таким образом, народность хуту была исключена из этой административной и политической жизни государства и, следовательно, оказалась под двойным господством: колонизаторов и тутси.

Их преемники бельгийцы не уменьшили неравенства между 2-мя этническими группами. В 1928 г. они создали школу – школьную группу Астрида, где могли обучаться только дети лидеров тутси. С тех пор доступ к образованию был только у детей власть имущих лиц. В отчёте о школах викариата Руанды за 1928 г. говорится, что курсы французского языка в 4-х миссиях Кабгайи, Кигали, Канси и Савэ организованы в пользу «молодых тутси».

Кроме того, в период бельгийской колонизации культивировалась политика косвенного правления, которая, таким образом, увековечивала сегрегацию в управлении государственными делами [8, р. 26–28]. Последствия данной политики на Африканском континенте – кровопролитие в Руанде 1994 г., первая (1996–1997 гг.) и вторая конголезская (Великая африканская, 1998–2003 гг.) войны.

В вопросах брака белая женщина, вышедшая замуж за чернокожего, страдала от ужасной дискриминации, а её дети подвергались насилию со стороны колониального сословия. Именно этому противодействовал Бартеlemi Боганда, отец независимости Республики Убанги-Шари (ныне Центральноафриканская Республика), когда он осудил французских колонизаторов, которые на 2 дня похитили его белую жену и его 6-летнюю дочь. Единственный факт, в котором их обвиняли, заключался в том, что белая вышла замуж за макаку, а её дочь родилась от макаки» [9, р. 182].

На земле своих предков африканцам нередко запрещали посещать значимые для них места или жить в них, что особым образом отразилось в политике апартеида.

Когда политические права стали доступны коренному населению Африки, право голоса было предоставлено лишь меньшинству. Так, в Мойен-Конго (будущее Конго-Браззавиль) к участию в голосовании сначала были допущены только грамотные, а затем, в 1951 г., все, у кого были определённые документы, удостоверяющие личность.

Подводя некоторые итоги, отметим, что колониальные законы, установившие сегрегацию, закрепляли её в привычках и обычаях африканцев и долгое время действовали после обретения независимости.

Генезис постколониального африканского права, имитирующего право метрополий и противоречащего традиционному африканскому праву

Было бы неправильно заявить, что колониальные и постколониальные законы сыграли дезорганизующую роль в развитии социума на африканском континенте. В действительности, первое и деструктивное влияние колониального и постколониального права – это вытеснение африканского коммунизма западным индивидуализмом. По этому поводу Дж. Гасталди справедливо отмечает, что до колонизации «... понятия индивидуализма, автономного предпринимательства, эмансипации в семье, монетизации обменов, переданные миграциями, закон колониализма и информации, заняли своё место в Африке. В результате поведение нарушает традиционные авторитеты и иерархические отношения» [7].

Внедрённый в социальные отношения индивидуализм, гарантирующий право на частную собственность, вскоре посеет разлад между братьями из одной семьи. При этом солидарность, традиционно характеризующая африканское общество, нивелируется, а земля, являющаяся основой производственных отношений и единства африканской семьи, становится источником разногласий и многогранных конфликтов. Роль земельного вождя, совета старейшин уменьшается. Память о земле и о мужчинах, которым довелось быть хранителями прав из поколения в поколение, исчезает. Таким образом, традиционное право в отношении землепользования уступает место земельному праву колониального происхождения.

В то время как традиционный закон, касающийся земли, был призван гарантировать социальное процветание и баланс, ко-

лониальная земельная практика, с другой стороны, была направлена на установление форм контроля над землей. Африканцам, как новичкам подобного рода отношений, необходимо было обеспечить себе гарантии иного характера, нежели те, которые основывались на признании закона только сельскими властями.

В западных обществах частная собственность на землю удостоверяется при наличии доказательства покупки, а частная собственность, какой бы она ни была, определяется законом. Регистрация этого права в публичном реестре, который ведётся под контролем административного органа, обеспечивает его исковую силу. В традиционных африканских обществах земля принадлежит большой семье, и управление землепользованием принадлежит только ей. Любое отчуждение этих земель строго запрещено. В африканских обществах с переходной экономикой цель земельных планов или программ, финансируемых международными организациями и бывшими метрополиями, состоит в том, чтобы заставить сельское население регистрировать землю, которая уже была застроена. Если бы реальная цель заключалась в переходе к европейской модели землепользования, необходимо было бы действовать другим путём, потому что, подрывая этот гарант единства семьи, мы разрушаем единство всего народа и, следовательно, мы обрекаем африканские общества к медленному и прогрессивному разрушению основы их естественного развития.

В нынешней ситуации очень трудно определить, в сторону какой модели земли будет развиваться большинство африканских государств.

В области традиционного семейного права, особенно в вопросах наследования, спровоцированные колониальным правовым регулированием конфликты могут разрушить африканское общество по причинам, которые заключаются в следующем. Традиционно женщины теоретически не имели наследства. Однако её не игнорировали. Фактически, при перераспреде-

нии земли, когда умирал глава семьи, всем мальчикам предоставлялся участок земли. Новый глава семьи получал, помимо прочего, часть земли, предназначенную для удовлетворения потребностей женщин, рождённых в этой семье, включая тех, которые были изгнаны из числа родственников мужа и были вынуждены присоединиться к своей первоначальной семье. В ситуации возвращения женщины в прежнюю семью она пользуется соответствующей землей, а её дети становятся полноправными членами семей своих дядей и получают наследство, как и все остальные. Таким образом, такое положение дел создавало сплочённость между всеми членами семьи, и делало её ответственной перед каждым из её членов.

Как ни странно, введение в африканское общество правовых правил европейских государств настраивает женщин против их собственных семей. Их требования основываются на равных правах мужчин и женщин. Традиционное африканское право решало эту проблему очень просто, но эффективно: женщина призвана интегрироваться в другую семью, которая обязана предоставить ей защиту и уважение. Но когда женщина больше не может жить с этой семьей, она имеет право вернуться в свою первоначальную семью, которая должна ей обеспечить имущественное содержание до конца её жизни или её следующего повторного брака. В этой связи напрашивается вопрос, должны ли африканские сообщества принять принципы правового регулирования рассматриваемых отношений из источников бывших метрополий или вернуться к традиционным способам регулирования, улучшая их за счёт заимствования положительного иностранного правового опыта?

Бытует мнение, что традиционная Африка никогда не знала «благотворного управления». Если «хорошее управление» характеризуется следующими признаками: эффективное государство; мобилизованное гражданское общество; эффективный частный сектор, подотчётность, прозрачность, борьба с коррупцией, совместное

управление и благоприятные правовые и судебные рамки, то мы можем обнаружить африканские аналоги: семейные воссоединения, непосредственное общение, традиционное урегулирование социальных конфликтов, которые колонизация «стёрла» из африканской общественной жизни.

В нескольких случаях, чаще всего в первое десятилетие после обретения независимости, постколониальное государство устраняло плюрализм права, характерный для периода национально-освободительных движений, путём разработки объединяющего законодательства, которое больше не оставляло даже доколониальные права в полуавтономном пространстве. Это была эпоха семейных «кодексов» и перераспределения систем землевладения, которые были вскоре признаны составляющими больше программные документы, чем законодательные акты, практически применимые к населению.

В правовой модели, импортированной колонизатором в Африку, законы заменили понятие «владение священного происхождения» владением государства или национальным владением. Но замена не была произведена должным образом и полностью. В современной африканской правовой действительности мы являемся свидетелями сопряжения правовых систем, одна из которых имеет европейское происхождение и навязывается добровольно или с применением силы подавляющему большинству африканского населения; другая – традиционная африканская.

Колониальные державы были вынуждены создать на территориях, находящихся под их господством, первоначальный «правовой порядок», сочетающий в себе право колонизирующей страны, право колонизированной страны и новое право, возникшее как колониальный феномен.

Правовая модель, которая была представлена африканским юристам во время и после колонизации, помогла существенно оторвать их от правовой действительности, свойственной их согражданам, а затем дистанцироваться от африканского населения.

Это привело к разрыву между правом, применяемым колониальными и постколониальными юрисдикциями, и традиционными способами урегулирования отношений, одобряемыми подавляющим большинством африканского населения. В итоге появляются совершенно нелепые судебные решения, не имеющие ничего общего с обыденной жизнью африканцев, когда судья пытается разрешить семейный спор между супругами, живущими в деревне в его стране, не овладев всеми обычаями и традициями, связанными с браком. Происходит непонимание прокурорами, почему убийство, например, главы семьи неизбежно приводит к мести. Судья и прокурор игнорируют тот факт, что индивид в африканском обществе – это, прежде всего, коллективное существо семьи, племени, этнической принадлежности, расы, региона, нации.

Существование африканского обычного права оспаривалось миссионерами, колониальными чиновниками, антропологами и косвенно конституциями новых квази-независимых африканских государств.

Миссионеры, особенно в XIX в., обычно видели африканские законы и обычаи ненавистными аспектами «язычества» и считали своим долгом искоренить их во имя христианской цивилизации.

Юристы-антропологи сформировали необъективные взгляды на традиционное африканское право. В то время как одни без сомнений утверждают, что африканское право не существует или почти не существует, и решительно настаивают на том, что в африканских обществах царит обычай, другие, опираясь на результаты сравнительно-правовых исследований, признают, что африканское право является правом в полном его понимании, хотя при сравнении его с правом других правовых систем присутствуют различия, связанные с социальной и экономической средой, в которой это право эволюционировало и действует.

Интересно отметить, что в этой последней группе один из защитников существования африканского традиционного

права осмеливается заявить, что «среди населения Африки примитивная юриспруденция достигла своего наиболее полного развития. По точности и масштабу их кодекс конкурирует с кодексом Ифугао, за исключением того, что африканцы повсюду применяли определённую процедуру в установленных судах. Это свидетельствует о замечательном вкусе к юридической казуистике и остром удовольствии от судебного красноречия» [9, р. 404].

Вопреки африканской традиции преобладания общего блага над индивидуальным, конституции квазинезависимых африканских государств «освящали» институт частной собственности, игнорируемый африканскими народами. При этом отметим, что эти конституции были приняты народами и для народов и являлись воспроизведением конституций метрополий.

В 1960 г. Конституция Кот-д'Ивуара установила, что режим собственности подпадает под действие закона, и землю, если она принадлежала общине, можно приватизировать. Право на частную собственность также закреплено в Конституции Камеруна 1996 г. и Конституции Сенегала 2000 г. Конституция Нигерии 1992 г., устанавливающая частную собственность, носит новаторский характер. Сельский кодекс Нигерии 1993 г. определяет, что собственность может быть приобретена с помощью источников как современного, так и обычного права. В частности, он содержит конкретные положения в пользу прав отгонного скота.

Развитие африканского права и государственности на современном этапе

Будущее африканского права остаётся неопределённым до тех пор, пока не будут предприняты конкретные действия по его освобождению от отживших и противоречивых правовых форм, превращению его в подлинно африканское, по возложению на него своей организующей миссии, а не

деструктивной роли африканского общества.

Существует фундаментальная африканская данность, которую, независимо от того, учитываем мы её или нет, будет трудно обойти – это африканская семья.

Возрождающемуся африканскому государству требуется изменить подходы к организации отправления правосудия для восстановления доверия населения к судебным органам, которые долгое время действовали на основе чуждых африканскому населению законов и исключительно в защиту интересов власти имущих. Работа, которую необходимо выполнить, сложна и потребует много времени.

В этой связи следует подумать об организации африканского права и африканского государства путём их совершенствования с учётом африканских обычаев и традиций посредством обучения традиционному африканскому праву и проведения комплексных научных исследований в этой области. Это масштабное мероприятие невозможно представить без реформы системы преподавания права в африканских образовательных организациях и глубоких отраслевых научных исследований. Можно сказать, что Африке крупно повезло, что не канули в лету носители африканских правовых традиций, обычаев и мудрости. И эти хранители правовой культуры совместно с современными юристами вполне способны систематизировать африканское традиционное право, которое может быть адаптировано к современным социально-политическим и правовым реалиям африканских государств.

Юридическое образование в африканских вузах на уровне магистратуры может содержать профили подготовки, включающие модуль по праву европейского происхождения (например, воздушное право, страховое право, коммерческое право, телекоммуникационное право, IT-право и др.) и модуль, сопряжённый с традиционным африканским правом, касающийся семейного, сельскохозяйственного, конституционного права и др.

Согласимся с выводами Дж. Вандерлиндена, что «мы должны набраться смелости, чтобы попросить большинство африканских юристов, обученных, если можно так выразиться, подобно западным юристам, полностью обновить концепцию права, которую представили им юридические факультеты. Не пора ли убедить их в том, что западная система, которую им хвалили западные юристы, сама находится в глубоком кризисе во многих странах» [12, р. 4]. И в настоящее время мы являемся свидетелями многочисленных правовых проблем на европейском континенте в сфере правосудия, миграционного права и др.

Глобализация ухудшает ситуацию на политико-правовой карте мира, поскольку она всё в большей степени ведёт к усилению неравенства и дискриминации среди стран и народов, причём Африка становится самой большой жертвой. Эти неравенство и дискриминация выражаются в социальной поляризации сельских и городских районов, состоятельных людей и неимущих, а также в низведении отдельных регионов, стран и народов до ранга инструментов производства. В этой связи напрашивается вопрос, не является ли глобализация новой формой колонизации?

Смелым заявлением выступает рекомендация африканским сообществам поврать с «правовой колонизацией западных стран», отвергнув правовые стандарты, которые не соответствуют социально-политико-правовой философии африканцев, заменив последние на те, которые лучше всего отвечали бы африканским реалиям, а именно, адаптируя их к современной правовой действительности африканских государств.

Отказ от колониального и постколониального права, его замена новым не является самоцелью. Вопрос состоит в достижении требуемого результата и адаптации права к африканским реалиям не искусственным путём, как это происходило в колониальную эпоху, а через изменение правосознания населения.

Заключение

Итак, воссоздание в первоизданном виде африканского государства невозможно без предоставления широких прав участия в управлении делами государства африканским семьям и их объединениям. Однако те, кто считает, что восстановление африканского государства полезно или даже необходимо, сталкиваются с альтернативой: либо перестроить его с определёнными модификациями образа того, каким оно было в тот день, когда колонизаторы отбросили его регулирующие начала, и позволить ему быстро развиваться до сегодняшнего состояния, либо заново изобрести его.

Как только традиционное африканское право получит своё развитие, а африканские семьи – политико-правовые возможности, будут сгармонизированы отношения в африканских обществах, и, следовательно, в политико-правовом плане сформируется не что иное как государство.

Как известно, можно воспроизвести заново только то, что больше не существует, но традиционное африканское государство, хотя и призрачным образом, всё же существует, и важно, на наш взгляд, оживить его. Реконструкция прочного и подлинно африканского государственного здания будет возможна только с учётом того, что само население сохранило за прошедший период, и не по рецептам восстановления, которые приходят или придут из-за пределов Африки. Вместе с тем обученное по европейским юридическим стандартам меньшинство ещё пока не может разработать правовые регуляторы, способные урегулировать все реальные и объективные отношения многоликого африканского общества.

Уверены, что африканские народы, лишённые установок неокOLONиалистской идеологии, способны реконструировать африканское государство, т. е. выдвинуть иную концепцию права и его генезиса, другую форму обучения юристов, принимая за основу обычаи и традиции, историю, политическую и юридическую философию, культуру африканцев.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. 268 с.
2. Бёрджесс М. Федерализм в Африке: о взаимоотношении культурного разнообразия, развития и демократии // Новое литературное обозрение. 2020. № 133. С. 87–112.
3. Гавристова Т. М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80–85. DOI: 10.31857/S032150750008720-4
4. Емельяненко Е. Г. Постколониальная Африка: проблемы и перспективы // Мировая политика. 2020. № 2. С. 86–101. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33344
5. Крассов О. И. Земельное право в странах Африки. М.: Норма, ИНФРА-М, 2019. 415 с.
6. Морозенская Е. В. «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (4). С. 209–227.
7. Gastaldi J. «Le plan foncier rural», sur le site de la Fédération Internationale pour les Etudes Foncières [Электронный ресурс]. URL: http://www.foncier.org/liste_articles.html (дата обращения: 06.06.2022).
8. Harroy J. P. Rwanda: de la féodalité à la démocratie 1955–1962. Bruxelles, Hayez ed., 1984. 512 p.
9. Lowrie R. H. Primitive Society. London: Routledge & Kegan Paul, 1921. 453 p.
10. Tshiyembe M. Questions africaines post-guerre froide. Paris: L'Harmattan, 2016. 259 p.
11. Sanmarco L. Le colonisateur colonisé. Paris: Éditions A.B.C., 1983. 229 p.
12. Vanderlinden J. Production pluraliste du Droit et Reconstruction de l'Etat africain [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dhdi.free.fr/recherches/etatdroitjustice/articles/vanderli2.pdf> (дата обращения: 06.06.2022).

REFERENCES

1. Gavristova T. M., Khokholkova N. E., eds. *Afrika: postkolonialnyy diskurs* [Africa: post-colonial discourse] Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2020. 268 p.
2. Burgess M. [Federalism in Africa: on the relationship of cultural diversity, development and democracy]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], 2020, no. 133, pp. 87–112.
3. Gavristova T. M. [Africa: «post-colonial library»]. In: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2020, no. 3, pp. 80–85. DOI: 10.31857/S032150750008720-4
4. Emelianenko E. G. [Post-colonial Africa: problems and prospects]. In: *Mirovaya politika* [Global politics], 2020, no. 2, pp. 86–101. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33344
5. Krassov O. I. *Zemelnoye pravo v stranakh Afriki* [Land law in African countries]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2019. 415 p.
6. Morozenskaya E. V. [«New regionalism» in Africa: a form of adaptation to globalization or an attempt to counter modern neo-colonialism?]. In: *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 2019, no. 12 (4), pp. 209–227.
7. Gastaldi J. «Le plan foncier rural», sur le site de la Fédération Internationale pour les Etudes Foncières. Available at: URL: http://www.foncier.org/liste_articles.html (accessed: 06.06.2022).
8. Harroy J. P. Rwanda: de la féodalité à la démocratie 1955–1962. Bruxelles, Hayez ed., 1984. 512 p.
9. Lowrie R. H. Primitive Society. London, Routledge & Kegan Paul, 1921. 453 p.
10. Tshiyembe M. Questions africaines post-guerre froide. Paris, L'Harmattan, 2016. 259 p.
11. Sanmarco L. Le colonisateur colonisé. Paris, Éditions A.B.C., 1983. 229 p.
12. Vanderlinden J. Production pluraliste du Droit et Reconstruction de l'Etat africain. Available at: URL: <http://www.dhdi.free.fr/recherches/etatdroitjustice/articles/vanderli2.pdf> (accessed: 06.06.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мупендана Пьер Клавер – кандидат юридических наук, профессор факультета политологии и международных отношений, факультета права и политологии Университета Параку, адвокат Международного уголовного трибунала по Руанде – Аруша – Танзания, адвокат кооператива ТРАФИПРО, Кигали, Руанда, президент Ассоциации Бенина «Миссионеры мира и развития Африки – МИПДА», исполнительный секретарь Африканского центра исследований и образования в интересах мира и демократии (CAREP) в Гоме (Демократическая Республика Конго);
e-mail: prof.mupendana.claver@gmail.com

Сапогов Владимир Митрофанович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права института права, экономики и управления Псковского государственного университета;
e-mail: dikbul@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pierre C. Mupendana – Cand. Sci. (Law), Prof., Faculty of Political Science and International Relations, Faculty of Law and Political Science, University Paraku (Benin), lawyer, the International Criminal Tribunal for Rwanda–Arusha–Tanzania, the TRAFIPRO Cooperative, Kigali, Rwanda, President of the Benin Association «Missionaries of Peace and Development of Africa – MIPDA», Executive Secretary of the African Center for Research and Education for Peace and Democracy (CAREP) in Goma (Democratic Republic of the Congo);
e-mail: prof.mupendana.claver@gmail.com

Vladimir M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of State and Legal Disciplines and Theory of Law, Institute of Law, Economics and Management, Pskov State University;
e-mail: dikbul@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мупендана П. К., Сапогов В. М. Тенденции и проблемы развития постколониального права и государства в Африке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 15–24.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-15-24

FOR CITATION

Mupendana P. K., Sapogov V. M. Post-Colonial Law and State Trends and Challenges in Africa. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 15–24.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-15-24

УДК: 34.01

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-25-33

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И СРЕДСТВА КАК ОСНОВА МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Куликов М. А.*Московский государственный институт международных отношений МИД РФ
119454, г. Москва, пр-т. Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать юридические цели и средства через призму их диалектического сосуществования в механизме правового регулирования.

Процедура и методы. Основополагающим методом исследования выступила материалистическая диалектика, которая, в частности, позволила всесторонне проанализировать сосуществование целей и средств в механизме правового регулирования, их взаимосвязь и взаимозависимость. Формально-юридический метод в сочетании с законами формальной логики позволили сформулировать авторскую дефиницию механизма правового регулирования с акцентом на инструментальном подходе к рассматриваемой категории, а также последовательно рассмотреть роль и значение юридических целей и средств на всех этапах механизма правового регулирования. Использовался также структурно-функциональный подход, анализ и синтез, активно применялись положения герменевтики, что позволило автору вычленить функции юридических целей и средств в правовом регулировании.

Результаты. Понятие и основные элементы (этапы) механизма правового регулирования проанализированы с акцентом на ту роль, которую в их осуществлении играют юридические цели и средства. Обосновывается вывод, согласно которому эффективность механизма правового регулирования предопределена юридическими целями и средствами в их социально-обусловленном развитии и теми результатами, к которым приводит использование юридических средств.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обосновано, что неверно сформулированные, социально необусловленные или заведомо искажённые юридические цели изначально подрывают потенциал любых юридических средств и, тем самым, снижают эффективность механизма правового регулирования. Одновременно с этим аргументируется вывод, что неэффективное и не обусловленное социальными реалиями использование юридических средств подрывает потенциал любой юридической цели, делает её практически недостижимой, не приводящей к требуемому результату, что также нивелирует востребованные возможности механизма правового регулирования. Данные выводы и обобщения вносят вклад в развитие теории государства и права, правового инструментализма, а также способствуют более эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: юридическая цель, юридическое средство, механизм правового регулирования, интерес, право, норма права, результат

LEGAL GOALS AND MEANS AS THE BASIS OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

M. Kulikov*MGIMO University
prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze legal goals and means through the prism of their dialectical coexistence in the mechanism of legal regulation.

Methodology. The fundamental research method was materialistic dialectics, which, in particular, made it possible to comprehensively analyze the coexistence of goals and means in the mechanism of legal regulation, their interconnection and interdependence. The formal legal method in combination with the laws of formal logic made it possible to formulate the author's definition of the legal regulation mechanism with an emphasis on the instrumental approach to the category under consideration, as well as to consistently consider the role and significance of legal goals and means at all stages of the legal regulation mechanism. The article also used a structural-functional approach, analysis and synthesis, actively applied the provisions of hermeneutics, which allowed the author to isolate the functions of legal goals and means in legal regulation.

Results. The concept and main elements (stages) of the mechanism of legal regulation are analyzed with an emphasis on the role that legal goals and means play in their implementation. The conclusion is substantiated, according to which the effectiveness of the mechanism of legal regulation is predetermined by legal goals and means in their socially conditioned development and also by the results to which the use of legal means leads to.

Research implications. It is emphasized that incorrectly formulated, socially unconditioned or deliberately distorted legal goals initially undermine the potential of any legal means and, thereby, reduce the effectiveness of the mechanism of legal regulation. At the same time, it is noted that the inefficient use of legal means that is not conditioned by social realities undermines the potential of any legal goal, makes it practically unattainable, does not lead to the required result, which also eliminates the demanded capabilities of the mechanism of legal regulation. These conclusions and generalizations contribute to the development of the theory of state and law, legal instrumentalism, and also lead to more effective law-making and law enforcement activities.

Keywords: legal goal, legal means, mechanism of legal regulation, interest, law, legal norm, result

Введение

Механизм правового регулирования воплощает в себе природу и функциональное назначение права – регулировать общественные отношения и достигать социального баланса, компромисса в процессе реализации и защиты прав, свобод и законных интересов участников правоотношений. Вне механизма правового регулирования не представляется возможным осуществление 2-х важнейших функций права – регулятивной и охранительной, т. к. право, будучи инструментом социального управления, должно регулировать общественные отношения в соответствии с поставленными целями.

В отмеченной связи анализ механизма правового регулирования через призму юридических целей и средств, лежащих в его основе, представляется наиболее удачным подходом к исследованию его эффективности, потенциала, равно как и социальной обусловленности.

К вопросу о содержании механизма правового регулирования

Традиционно механизм правового регулирования понимают как взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [2, с. 9; 4, с. 8], как систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений, содействия удовлетворению интересов субъектов права [10, с. 501; 11, с. 203].

Вместе с тем, полагаем, что определение механизма правового регулирования должно содержать указание на систему не только юридических средств, но и целей, которые данные средства предопределяют и сообщают им свойства значимости, целесообразности и правомерности в процессе использования.

Таким образом, механизм правового регулирования можно трактовать как диалектическое единство юридических целей и средств их достижения, которые призваны упорядочить общественные отношения и содействовать максимально возможному удовлетворению интересов субъектов права.

Исходя из данной дефиниции, проанализируем диалектику взаимодействия целей и средств на различных этапах (стадиях) механизма правового регулирования, к которым предлагаем относить:

- 1) нормы и принципы права;
- 2) юридические факты (фактические составы);
- 3) правоотношение;
- 4) акты реализации прав и обязанностей;
- 5) правоприменительные акты.

Анализ элементов механизма правового регулирования через призму юридических целей и средств

Следует подчеркнуть, что именно юридические цели и планируемые средства их достижения предопределяют первый этап механизма правового регулирования – создание норм права и закрепление соответствующих правовых принципов деятельности субъектов правоотношений. Юридические цели субъектов правотворчества институционализируются, детализируются в правовых предписаниях, создавая ту модель поведения, которая становится желательной или необходимой в обществе на данном этапе его развития.

При этом как само правотворчество, так и его основной результат – правовая норма, будучи формальным закреплением юридических целей, может как объективно отражать существующие социальные реалии, так и неверно их трактовать или даже искажать в угоду интересам отдельных государственных структур или группы лиц.

В данном случае можно говорить о том, что те цели, которые преследует правотворчество, во многом определяют его эффективность. Именно юридические цели, которые находят отражение в правовых нормах и становятся нормативным ори-

ентиром для участников общественных отношений, свидетельствуют о том, какие интересы ставит субъект правотворчества во главу угла [13, с. 29]. Это могут быть объективно существующие интересы личности, общества или государства, неверно понимаемые правотворцем интересы, собственные интересы правотворческого органа или намеренно искажаемые интересы субъектов права, необходимые для постановки манипулятивных юридических целей.

Наиболее ярким примером значимости юридических целей в процессе нормотворчества может выступить проводимая в настоящее время коллективным Западом политика, направленная на сдерживание развития России, выдавливание её из мирового гуманитарного пространства, которая опирается не только на политическую волю осуществляющих её субъектов, но и на конкретные нормативно-правовые акты, придающие данной политике соответствующий «легальный», «правовой» статус. Заведомо антигуманные, корыстные и коррупционные цели, положенные в основу принятых нормативно-правовых актов, содержащих в себе очередные «пакеты» антироссийских санкций, не только определяют вектор проводимой Западом агрессивной стратегии, но и формируют соответствующее отношение к России и её культурно-историческим ценностям у миллионов жителей, населяющих страны коллективного Запада, что может иметь далеко идущие негативные последствия.

Исходя из сказанного, подчеркнём, что интересы участников правоотношений и юридическая цель – основа принимаемой правовой нормы. Правовая норма не может существовать вне контекста юридической цели. Она закрепляет юридическую цель, которая способствует реализации социально-значимых, актуальных и объективно существующих потребностей и интересов личности, общества и государства, либо такую юридическую цель, которая демонстрирует как неспособность субъекта правотворчества данные потребности и интересы учесть и правильно отразить, так и его стремление намеренно исказить

социальные реалии в угоду субъективному, узкогрупповому, сиюминутным интересам.

Юридическая цель, закреплённая в правовой норме, влияет на дальнейший процесс правового регулирования, определяя как юридические цели субъектов правореализационного процесса, так и систему юридических средств-установлений (инструментов) и средств-деяний (технологий), которыми эти цели будут достигаться.

Следует подчеркнуть, что даже социально-обусловленная юридическая цель, грамотно сформулированная субъектом правотворческого процесса, может достигаться с использованием неэффективных или *заведомо* неприемлемых для её достижения юридических средств, которые формально не вступают в противоречие с правовой нормой. Тем более очевидно, что если сама юридическая цель устанавливается в результате искажённого представления об истинных потребностях и интересах личности, общества и государства, то какие бы эффективные средства её достижения не использовались, они вряд ли приведут к удовлетворению интересов участников правоотношений.

Норма, закрепляя юридические цели, придавая им определённую и общеобязательность, одновременно является и важнейшим юридическим средством. Именно посредством установленного правила поведения достигаются юридические цели, а норма права эти правила и формулирует. В отмеченной связи следует согласиться с А. В. Малько и К. В. Шундиковым, подчёркивающими, что именно норма права, будучи моделью реальных правоотношений, «объединяет разнообразные юридические цели и средства в логическую систему, связывает их в единую модель, в ту схему правового регулирования, которая должна быть реализована на практике. В такой модели каждая правовая цель и инструмент занимают своё место и выполняют свои функции. Весь процесс правового регулирования уже на начальной его стадии оказывается таким образом запрограмми-

рованным посредством юридической нормы» [9, с. 108].

Сказанное позволяет сделать вывод, что правовая норма представляет собой синтез юридических целей и средств, которые предопределяют, «программируют» дальнейший процесс правового регулирования. Следует также отметить, что эффективность последующего правового регулирования будет полностью зависеть от социальной обусловленности и адекватности установленных юридических целей и закреплённых юридических средств их достижения.

Важнейшим средством достижения юридических целей выступает юридический факт, который также можно рассмотреть как диалектическое единство целей и средств правового регулирования. В указанном отношении следует помнить, что факты реальной действительности сами по себе не обладают каким-то имманентным свойством быть или не быть юридическими фактами [1, с. 163]. Этим качеством определённой юридической силой их наделяет государство или уполномоченные им субъекты, признавая за конкретными событиями или действиями способность выступать основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений [5, с. 52].

Таким образом, юридический факт, отражая юридическую цель субъектов правотворческого процесса, является в то же самое время и средством, при помощи которого реализуются нормативно-установленные предписания. Юридический факт предопределяет то реальное жизненное обстоятельство (поведение или действие), которое претворяет в жизнь правовые предписания, является основанием конкретного правоотношения. Устанавливая юридическую цель, субъект правотворчества указывает на определённую совокупность обстоятельств как на юридически значимую, которая и является средством реализации данных целей.

Правоотношение, будучи юридической связью между субъектами посредством субъективных прав и юридических обя-

занностей, складывается, как известно, по поводу обладания конкретным благом [12, с. 40; 15, с. 20]. Правоотношение возникает, с одной стороны, как средство реализации тех юридических целей, которые были установлены субъектами правотворческого процесса (т. к. для их возникновения заведомо предусмотрен определённый юридический факт, и они не могут возникнуть «сами по себе»), с другой стороны, создание правоотношений и их регулирование само по себе выступает целью как государства и им уполномоченных органов, так и конкретных субъектов, социальных отношений.

Помимо сказанного, правоотношение выступает органическим единством как юридических целей, так и средств их достижения его участниками. В правоотношение субъекты вступают ради достижения юридических целей (как установленных или санкционированных государством, так и их собственных целей) и в силу этого правоотношение является важнейшим юридическим средством. С другой стороны, установление правоотношений, их регулирование, равно как и стимулирование или ограничение определённой активности субъектов является юридической целью.

Таким образом, правоотношение можно рассматривать как диалектическое единство юридических целей и средств. Диалектика соотношения юридических целей и средств в правоотношении заключается в том, что:

а) использование средств-установлений (инструментов), предусмотренных субъектом правотворческого процесса, может являться целью субъектов правореализационной деятельности;

б) стимулирование определённой правовой активности субъектов, что, по сути, тождественно стимулированию использования средств-деяний (технологий), как правило, и является целью субъектов правотворческого процесса;

в) средства-установления (инструменты), равно как и средства-деяния (технологии), могут не привести к реализации

юридических целей как субъектов правотворчества, так и правореализации;

г) юридические цели, как субъекты правотворчества, так и правореализации, могут не отражать истинных потребностей участников правоотношений, что нивелирует эффективность любых из используемых правовых средств.

Следовательно, правоотношение является формой сосуществования и в то же самое время синтезом юридических целей и средств.

Акты реализации прав и обязанностей как важнейший элемент (этап) механизма правового регулирования связан с практической реализацией, воплощением в жизнь правовых предписаний. Именно соблюдение, исполнение и использование права являются формой жизни последнего, той целью, ради которой нормы права изначально создавались.

На данном этапе правового регулирования цели субъектов правотворческого процесса либо находят воплощение в целях субъектов правореализационной деятельности, либо такого ожидаемого отражения не получают, что провоцирует как злоупотребление правом, так и правонарушения. Именно на данном этапе средства-установления (инструменты) должны воплощаться в средствах-деяниях (технологиях), причём данные виды юридических средств не только взаимообусловлены, но и могут друг в друга трансформироваться. К примеру, правоприменительный акт, реализующий конкретную норму права, является средством-деянием, воплощающим в жизнь конкретное средство-установление (существующее правомочие должностного лица). Вместе с тем, данное средство-деяние может выступить средством-установлением для целого ряда участников правореализационной деятельности (так, правоприменительный акт, возлагающий на конкретное лицо определённые обязанности, является уже средством-установлением, предполагающим, в свою очередь, соответствующие средства-деяния, направленные на исполнение возложенных обязанностей).

Помимо сказанного, данный этап правового регулирования характеризуется несовпадением и зачастую противоборством интересов участников правоотношений, что определяет значительное количество взаимоисключающих юридических целей, которые, однако, не могут противоречить нормативно закреплённым целям. К примеру, реализация законных интересов различных субъектов, даже в случае их противоречия друг другу – правомерное поведение (которое предполагает наличие у данных субъектов прямо противоположных юридических целей), однако цели каждого из данных субъектов не могут вступать в противоречие с правовой нормой и установленной ею целью, что в противном случае не позволит трактовать данные интересы как законные, а подобное поведение как правомерное [8, с. 4; 14, с. 38].

Другими словами, установленная субъектом правотворчества юридическая цель может порождать самые разнообразные цели у непосредственных участников правореализационной деятельности, которые при определённом стечении обстоятельств (например, столкновении законных интересов) могут друг другу противоречить, что тем не менее не означает их противоречия правовой норме и нормативно зафиксированной цели. Сказанное особенно характерно для диспозитивного метода правового регулирования, предусматривающего свободу усмотрения сторон правоотношений и их возможность выбора любого варианта поведения из непротиворечащих норме права.

В отмеченном отношении будет вполне логичным заключить, что акты реализации прав и обязанностей также являются диалектическим единством юридических целей и средств, что предполагает взаимообусловленность и трансформацию средств-установлений (инструментов) в средства-деяния (технологии) и наоборот, а также не исключает наличия противоречащих друг другу юридических целей субъектов правоотношений.

Правоприменительные акты, будучи властной деятельностью компетентных субъектов и важнейшим юридическим средством, призваны содействовать реализации как нормативно установленных юридических целей, так и целей самих компетентных органов и иных участников правореализационной деятельности. Вместе с тем грамотное и эффективное правоприменение само по себе является важнейшей юридической целью, ради достижения которой используется значительное количество как юридических, так и иных (экономических, политических, обобщающих и т. д.) средств.

Как оперативно-исполнительные, так и правоохранительные акты применения права выступают в качестве юридических фактов, влияя на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, порождают субъективные права и юридические обязанности сторон, непосредственно связаны с существованием и реализацией законных интересов, что с уверенностью позволяет утверждать, что именно сосуществование юридических целей и средств наполняет данный этап механизма правового регулирования особым содержанием.

Рассмотрев диалектику сосуществования юридических целей и средств на различных стадиях (этапах) механизма правового регулирования через призму правового инструментализма, следует подчеркнуть, что данные категории являются его основой вне зависимости от того, с позиции какого подхода рассматривается сущность и природа механизма правового регулирования в целом.

Так, Ю. Г. Арзамасов справедливо подчёркивает, что применение только одного инструментального подхода в исследовании механизма правового регулирования не способствует выделению всех его элементов, в связи с чем внимание также должно уделяться как психологическому, так и социальному аспектам механизма правового регулирования [3, с. 22].

Психологический подход к механизму правового регулирования основное

внимание фокусирует на формировании и действии мотивов поведения участников правоотношений, трансформации их интересов и целей в результате правового воздействия, что также подчёркивает значимость правильно подобранных юридических целей и средств, как для правообразования, так и для всех иных форм реализации права.

Не менее значимо адекватное сочетание юридических целей и средств их достижения с позиции социологического подхода к изучению механизма правового регулирования, при использовании которого основной акцент делается на доведении правовых предписаний до всеобщего сведения, формировании правосознания и правовой культуры в обществе, готовности участников правоотношений следовать предписанным государством или им санкционированным шаблонам поведения.

Более того, значимость юридических целей (равно как и юридических средств их достижения) в механизме правового регулирования обусловила существование телеологического подхода к изучению как права в целом, так и правового регулирования, в частности. Именно цели принятия правовых норм, правоприменительных и правоинтерпретационных актов, а также юридические цели самих участников правоотношений определяют содержание правового регулирования, так и тот его механизм, посредством которого оно будет реализовываться в данной системе общественных отношений.

Заключение

Следует особо подчеркнуть, что основным критерием эффективности механизма правового регулирования является то, насколько полно удовлетворены интересы участников правоотношений, насколько прочен достигнутый баланс интересов личности, общества и государства. По нашему мнению, данный критерий практически полностью тождественен тому, насколько полно достигнуты юридические цели участников правоотношений, на-

сколько эффективно использовались при этом юридические средства и насколько полученный результат удовлетворяет потребности и интересы субъектов права.

Эффективность механизма правового регулирования предопределена юридическими целями и средствами в их социально-обусловленном развитии и теми результатами, к которым приводит использование юридических средств.

Отсутствие динамизма в системе юридических целей и средств с неизбежностью выльется в то, что достигнутый результат будет не полностью способен (или вовсе не способен) удовлетворить интересы субъектов права, т. к. данные интересы, равно как и потребности, их породившие, подвержены постоянным изменениям и трансформациям.

В силу сказанного, потенциал юридических целей и эффективность юридических средств заключается в их способности к изменениям, динамизму, социально-обусловленному системному сосуществованию, ведь само право «меняется по мере того, как меняется характер вопросов, подлежащих регламентированию» [6, с. 199], и его стабильность тесным образом связана с потенциалом его динамизма и развития [7, с. 25].

Изменение права справедливо определяется как непрерывный процесс изменений как правовых норм, так и форм их реализации, а также иных правовых явлений [16, с. 27], что с неизбежностью предполагает динамизм и отчасти нелинейность развития системы юридических целей и средств их достижения. Помимо сказанного, само изменение права во многом и объясняется меняющимся характером и содержанием юридических целей и средств.

Таким образом, юридические цели и средства выступают основой механизма правового регулирования и в целом определяют потенциал правового воздействия на общественные отношения.

Неверно сформулированные, социально необусловленные или заведомо искажённые юридические цели изначально подрывают потенциал любых юридических

средств и тем самым снижают эффективность как механизма правового регулирования, так и права как регулятора общественных отношений в целом.

Одновременно с этим неэффективное, неграмотное, не обусловленное социальными реалиями использование юридических средств подрывает потенциал любой юридической цели, делает её практически недостижимой, не приводящей к требуемому результату, что также нивелирует

востребованные возможности механизма правового регулирования.

В силу сказанного критически важным представляется обеспечение слаженного и гармоничного функционирования системы юридических целей и средств как основы эффективного и социально-обусловленного правового регулирования общественных отношений.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
3. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 480 с.
4. Бакулина Л. Т. Механизм договорного правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 7–12.
5. Бенькович К. С. Юридические факты в механизме правового регулирования // Новый университет. 2011. № 2. С. 51–54.
6. Бержель Ж. Л. Общая теория права / под ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000. 574 с.
7. Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.
8. Малько А. В., Субочев В. В. Законный интерес и юридическая обязанность: актуальные вопросы соотношения // История государства и права. 2004. № 5. С. 2–5.
9. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 294 с.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2011. 528 с.
11. Рукавишников С. М. Структура механизма административно-правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 201–208.
12. Спирин М. Ю. Механизм правового регулирования: место источников и истоков права в его структуре // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1 (59). С. 37–45.
13. Субочев В. В. Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. 2007. № 2 (21). С. 27–31.
14. Субочев В. В. Сущность законных интересов // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 35–55.
15. Суханова А. А. Механизм правового регулирования как основа формирования отраслевых и специальных регулятивных механизмов в праве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4. С. 18–22.
16. Чаннов С. Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. 2021. № 3. С. 24–35.

REFERENCES

1. Aleksandrov N. G. *Zakonnost i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* [Legitimacy and legal relations in the Soviet society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.
2. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. T. 2* [General theory of law. Vol. 2]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 360 p.
3. Arzamasov Yu. G. *Teoriya i praktika vedomstvennogo normotvorchestva v Rossii* [Theory and practice of departmental rule-making in Russia]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2013. 480 p.
4. Bakulina L. T. [The mechanism of contractual legal regulation] In: *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice], 2019, no. 2, pp. 7–12.
5. Benkovich K. S. [Legal facts in the mechanism of legal regulation]. In: *Novyy universitet* [New University], 2011, no. 2, pp. 51–54.

6. Bergel J. L. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Nota Bene Publ., 2000. 574 p.
7. Bondar N. S. [«Eternal» constitutional ideals: how unchanged they are in a changing world]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 6, pp. 20–34.
8. Malko A. V., Subochev V. V. [Legitimate interest and legal obligation: topical issues of correlation] In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2004, no. 5, pp. 2–5.
9. Malko A. V., Shundikov K. V. *Celi i sredstva v prave i pravovoj politike* [Goals and means in law and legal policy]. Saratov, 2003. 294 p.
10. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 528 p.
11. Rukavishnikov S. M. [The structure of the mechanism of administrative and legal regulation]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 2021, no. 3 (46), pp. 201–208.
12. Spirin M. Yu. [The mechanism of legal regulation: the place of sources and origins of law in its structure]. In: *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice], 2020, no. 1 (59), pp. 37–45.
13. Subochev V. V. [Legitimate interests and principles of law: aspects of the correlation]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2007, no. 2 (21), pp. 27–31.
14. Subochev V. V. [Essence of legitimate interests]. In: *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* [Leningrad legal journal], 2007, no. 2 (8), pp. 35–55.
15. Sukhanova A. A. [The mechanism of legal regulation as a basis for the formation of sectoral and special regulatory mechanisms in law]. In: *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2021, no. 4, pp. 18–22.
16. Channov S. E. [Changes, evolution, transformation of law: correlation of concepts]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2021, no. 3, pp. 24–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликов Михаил Алексеевич – кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации;
e-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Kulikov – Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the International Bureau for cybersecurity «CYBERPOL», doctoral student, MGIMO University;
e-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куликов М. А. Юридические цели и средства как основа механизма правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 25–33.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-25-33

FOR CITATION

Kulikov M. A. Legal Goals and Means as the Basis of the Mechanism of Legal Regulation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 25–33.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-25-33

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-34-41

ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО ЗАКОННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ФОРМАЛЬНЫХ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВОПОРЯДКА

Раков К. А.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить место и значение законности в предлагаемой концепции формальных и содержательных оснований правопорядка.

Процедуры и методы. В работе использованы различные как обще-, так и частнонаучные методы: формально-логический, диалектический, анализа, историко-правовой, формально-юридический. Используется также оригинальное сочетание социологической и аксиологической методологий.

Результаты. Произведя осмысление категории «законность» с различных позиций, автор приходит к выводам, что: рассматриваемое явление представляет собой выражение формальных оснований правопорядка; некорректным является соединение законности с различными содержательными характеристиками (социалистическая или буржуазная законность и т. п.); деятельность государства по укреплению законности может носить как функциональный, так и дисфункциональный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие одного из фундаментальных разделов науки теории государства и права – проблему законности и правопорядка, а также их соотношения.

Ключевые слова: законность, правопорядок, формальные основания правопорядка, государство, право, общество, социалистическая законность, революционная законность, укрепление законности

THE MEANING AND PLACE OF LEGALITY IN THE CONCEPT OF FORMAL AND SUBSTANTIVE GROUNDS FOR LAW AND ORDER

Rakov K. A.

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117437, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To identify the place and significance of legality in the proposed concept of formal and meaningful grounds for law and order.

Methodology. The work uses various both general and private scientific methods: formal-logical, dialectical, analysis, historical-legal, formal-legal. An original combination of sociological and axiological methodologies is also used.

Results. Having tried to comprehend the category «legality» from various positions, the author comes to the conclusion that the phenomenon in question is an expression of the formal foundations of law and order; it is incorrect to combine legality with various substantive characteristics (socialist or bourgeois legality, etc.); the state's activities to strengthen legality can be of both functional and dysfunctional character.

Research implications. The results of the study make a certain contribution to the development of one of the fundamental branches of science of the theory of state and law - the problem of law and order, as well as their relationship.

Keywords: legality, law and order, formal foundations of law and order, state, law, society, socialist legality, revolutionary legality, strengthening of legality

Введение

Категория «законность» впервые начала фигурировать в научно-публицистической литературе в XIX в. и служила идеологическим средством выражения политических интересов [7, с. 6–9]. Именно за счёт сильной идеологизации и политизации категория «законность» имеет довольно серьёзный «разброс» значений. Так, например, М. С. Строгович характеризовал «законность» как «черту», «свойство», «метод», «средство», «орудие», «элемент», «принцип», «условие» [9, с. 15].

Среди всей «гаммы» характеристик законности в современной теоретико-правовой мысли преобладают 3 основных значения: законность как режим, как принцип и как требование (неукоснительного соблюдения всеми субъектами права требований его позитивных норм). Говоря о режиме законности, подразумевается некоторое искусственное, временное состояние, существование которого полностью зависит от субъекта формирования этого режима. В таком понимании не исключено некоторое смешение смыслов, ведь категория «правопорядок» в одном из значений представляет собой нечто подобное определению законности как режима.

Определения законности как требования, предъявляемого ко всем социальным и правовым субъектам и основополагающего правового принципа, на наш взгляд, во многом схожи, с той разницей, что принцип выступает в качестве оформленного требования, если не юридически, то, по крайней мере, доктринально, и в этом смысле «приближается» в своём значении к понятию правовой нормы.

Для нашего исследования наиболее адекватным является определение законности как основного выражения формального основания правопорядка – нормативного строя права, представляющего собой степень исполняемости норм позитивного права в рамках конкретного правопорядка.

Характеристики законности

Законность, будучи оценочной категорией, не может подразумевать некоторую абсолютную величину, равно как правопорядок не может быть совершенным. Поэтому состояние законности определяет уровень правопорядка, но не определяет его содержательные характеристики – справедливость, демократичность, адаптивность, прогнозируемость и т. д. По состоянию законности (т. е. степени соблюдения субъектами правоотношений требований позитивных правовых норм) можно судить о формальных качествах правопорядка, в первую очередь о его устойчивости.

Законность не является самостоятельным основанием правопорядка как условия его формирования и развития, несмотря на слова некоторых авторов, что «в отечественной юриспруденции ещё в советский период сложился и доминирует до настоящего времени методологический подход, согласно которому условием формирования и устойчивости правопорядка выступает именно законность» [10, с. 50]. Если рассматривать связь оснований с самим правопорядком через систему «условие – следствие», законность выступает скорее следствием, выражением существования и действия нормативного строя права (первичного формального основания правопорядка). Вместе с тем вопрос о роли законности в рамках исследования оснований правопорядка важен по ряду причин.

Во-первых, соблюдение законности основано, в числе прочего, на дисциплине субъектов общественных отношений. Именно дисциплина является важным слагаемым, в определённом смысле составным элементом законности. Несмотря на существующую в современной юридической литературе традицию ассоциирования дисциплины в основном с трудовыми и военными отноше-

ниями (трудовая и воинская дисциплина), в контексте законности как выражения формального основания правопорядка следует придавать данной категории, на наш взгляд, более широкое значение. Дисциплина как реализуемая социальными акторами способность к самостоятельному контролю по поводу соблюдения действующих в обществе правил является своего рода фундаментом, который при получении юридической надстройки приобретает форму законности. Именно элемент самостоятельной рефлексии субъектов правоотношений по поводу своего поведения вносит серьёзный вклад в устойчивость правопорядка – реализацию его главной формальной характеристики.

Во-вторых, важной характеристикой законности является «вплетённость» в неё важного обеспечительного инструмента – *правового принуждения*. Правовое принуждение, представляющее собой совокупность мер, направленных на обеспечение исполнения участниками правоотношений требований действующего права, ассоциируется в первую очередь с принуждением государства. Действительно, меры принудительного характера наиболее актуализируются в рамках функционирования государственного правопорядка с целью обеспечения исполнения требований норм юридического права государства. Это объясняется, во-первых, сегодняшним доминированием данной формы права, во-вторых, заочно общепринятой доктриной о монополии государства на применение силы принудительного воздействия. Вместе с тем элементы правового принуждения можно наблюдать в механизме функционирования практически всех форм права. Так, например, принуждение к исполнению норм обычного права имеет место в правопорядке гражданского общества (с помощью различных мер общественного воздействия), а институт бойкотирования и санкций в международном праве также свидетельствует о наличии механизма правового принуждения к исполнению действующих норм и в рамках международного правопорядка.

Предельно наглядно и конкретно механизм принуждения в международном

праве описал И. Валерстайн, рассказав об экономическом и политическом давлении (при помощи правового обеспечения таких манипуляций) «сильных» государств на «слабых», основанном на создании выгодной для первых структуры международной торговли и обеспечения прихода к власти в «слабых» странах удобной для «сильных» политической элиты: «сильные государства оказывают давление на слабых и не позволяют им закрывать границы на пути продвижения факторов производства, выгодных фирмам сильных государств».

Отношения строятся таким образом, что слабые государства не могут рассчитывать на взаимность в ответ. Так, в ходе дебатов по вопросам мировой торговли Соединенные Штаты и Европейский Союз постоянно требуют от остальных государств открыть свои границы их товарам и услугам. Но сами они вовсе не собираются распахивать свои границы навстречу сельхозпродукции и текстилю из стран периферии, которые составят серьёзную конкуренцию их собственной продукции.

Сильные государства могут позволить себе привести к власти в слабых государствах приемлемых для них людей, которые позже вместе с ними будут давить слабые государства и добиваться, чтобы те придерживались политического курса, удобного сильным государствам» [1, с. 141].

Не являются также исключениями относительно обеспечения требований права принуждением корпоративная или групповая среда, где максимальная узость интересов членов группы, в которой действует групповое право, взятое в конкретности своего существования, делает принуждение максимально эффективным и безапелляционным. Вероятно, лишь на уровне индивидуального права не может идти речь о правовом принуждении, а лишь скорее о самопринуждении [2].

В-третьих, законность является *переменной величиной*. Сложно представить «абсолютную законность» (по крайней мере, в условиях современного политически организованного общества), а именно состояние, при котором требования позитивного

права реализуются повсеместно и безусловно. Однако именно такое гипотетическое состояние является ориентиром для субъектов, формирующих и контролирующих правопорядок. Ориентация на другое состояние законности неизбежно влечёт за собой планомерное снижение её уровня и дестабилизацию правопорядка.

Важным является адекватное понимание законности как явления, отграничение его смысла от смежных категорий, таких как «право» и «правопорядок». Законность выражает лишь формальную результативность нормативного строя права, является выражением формального основания правопорядка. Понятие законности не включает в себя содержательных характеристик, таких как справедливое качество правопорядка, его гуманистический и демократический потенциал, т. е. не связана с легитимностью правового порядка. По состоянию законности можно судить лишь о качестве проведения в жизнь требований позитивного права. Поэтому утверждения некоторых учёных о том, что «внедрение правовых норм в систему общественных отношений, достижение массового правомерного поведения и правовой результативности в условиях тоталитарных режимов происходят вне законности» [4], не соответствуют действительности.

Напротив, тоталитарные режимы зачастую отличаются значительно более высоким уровнем законности по сравнению с режимами демократическими. Это показатель того, что формальные основания правопорядка могут компенсировать, но лишь отчасти, недостаточность содержательных оснований. Более того, в ряде случаев тоталитарная власть вполне легитимна, что в совокупности с традиционно высоким уровнем законности делает правопорядок в тоталитарном государстве не только устойчивым, но и полноценно действительным.

В приведённом выше высказывании налицо теоретическая подмена формальных оснований правопорядка содержательными, которые не имеют своего выражения в законности. Именно поэтому также совершенно невозможно представить, каким

образом «состояние законности позволяет судить о том, каков характер осуществления права – происходит ли это на основе сознательности, высокого уровня правосознания и правовой культуры или же преобладают начала запретов, санкций, государственного принуждения» [4, с. 164–168].

Законность совершенно индифферентна содержательным характеристикам правопорядка. Уровень законности, её качественное состояние зависят только от действительности формальных условий функционирования правопорядка – его формальных оснований. Ценностно-бедный, слабо социально-ориентированный или основанный на неправовых законах порядок вполне способен отличаться высоким уровнем законности. Вместе с тем история и практика подсказывают, что такого рода порядок неизбежно обречён на крушение, в чём и проявляется уникальная взаимосвязь формальных и содержательных оснований [6].

Следует отметить, что кризис законности аксиоматически неизбежно влечёт деструкцию правопорядка (именно в этом заключается важность формальной составляющей). Несмотря на то, что содержательные основания правопорядка представляются ведущими, именно кризис формальных оснований демонстрирует деструктивные последствия для системы.

Законность и правопорядок

Законность (в широком смысле) есть единственная цель существования любой социальной формы. Примером могут служить специфические виды порядков, в которых форма имеет определяющее значение. Так, например, воинский порядок отличается чрезвычайно высоким требованием соблюдения законности. И неслучайно в военной среде столь высока роль традиций, ритуалов и обязанностей формального свойства. То же самое можно сказать о спортивных коллективах, а также разного рода сектах и закрытых клубах. В обществе, где нет идейно-ценностного плюрализма (в силу односторонности

интересов его членов), где отсутствует возможность дискуссии по данному поводу, всё внимание сосредотачивается на достижении максимального уровня законности. Есть и обратная сторона этого явления: строгий контроль за законностью обеспечивает для таких обществ возможность самосохранения и способность эффективно реализовывать свою деятельность, ведь ориентированы они (в отличие от больших обществ) на вполне конкретный и всем известный результат.

Законность в этом смысле есть наиболее императивная составляющая правопорядка, и её требования актуализированы в тех сферах общественной жизни, где наименее существенен дискуссионный момент. Это касается и типовых особенностей отраслей правового регулирования. Категорически недопустимы отступления от требований позитивного закона (а законность является выражением именно этого формального основания правопорядка) в уголовном и административном праве – отраслях, использующих императивный метод правового регулирования. В гражданском же праве, где значительная часть норм являются диспозитивными, где существенная часть правоотношений носит договорный характер, контроль за неукоснительным соблюдением законности не столь значителен. Недаром первоочередной задачей правоохранительных органов является охрана норм уголовного и административного права.

Подтверждая состоятельность теоретической дифференциации законности по отраслевому критерию, существенным для настоящего исследования будет обратить внимание на неуместность разделения указанной категории на виды на основании содержательных характеристик. Так, например, представители политико-правовой мысли советского периода, наряду с формированием многих удачных и состоятельных научных концепций допустили, на наш взгляд, ощутимую теоретическую ошибку. Речь идёт о введении в научный оборот понятия «социалистическая законность» и развития на его основе соответствующей юридической концепции. Выше было ар-

гументированно обосновано, что идейно-ценностный компонент не следует включать в смысл понятия законности, в связи с чем признак «социалистичности» или «буржуазности», равно как любых идеологических терминов, лишает рассматриваемую категорию её ключевой характеристики – формальности, в данном случае являющейся синонимом нейтральности.

В этом контексте имеет смысл согласиться с мнением О. П. Сауляка, который отмечает, что идеологизированный подход, господствовавший в юридической науке того времени, как неперемнное условие научного анализа социальных явлений, препятствовал всестороннему исследованию сущности и содержания законности, объективной оценке её реального (фактического) состояния в различных сферах общественной жизни [8, с. 5]. Получая идеологическое наполнение, категория законности «впитывает» в себя содержательные характеристики и в таком случае уже претендует на приобретение значения правопорядка. В этой связи теоретически более грамотно было бы говорить о возможности классификации правопорядка по идеологическому критерию.

Вместе с тем теоретически допустимы различные содержательно-нейтральные характеристики законности, такие как получивший свою востребованность на этапе становления Советского государства термин «революционная законность». Данное понятие выражало в основном более строгие требования по соблюдению советских законов и в известной степени бескомпромиссное отношение к вопросу принуждения и санкций, обусловленные особой, нестабильной обстановкой в новом государстве, т. е. шаткостью формируемого правопорядка.

Укрепление законности

Соглашаясь с мнением некоторых исследователей о неоднозначности вопроса, связанного с укреплением правопорядка [3, с. 106–110], следует сказать, что касаясь законности эта проблема выглядит более-менее очевидной. Дело в том, что существующая в научном дискурсе концепция

разделения правопорядка на должный и реальный основана на упомянутой ранее дискуссионности в отношении содержательных оснований правопорядка. Иными словами, укрепление правопорядка, основанного на идеях, ценностях, стратегиях, не отвечающих требованиям тех или иных социальных групп, т. е. не соответствующих их представлению о должном правопорядке (социальным ожиданиям), выглядит заблуждением, способным привести к негативным социальным последствиям. Однако законность (и в данном случае уместно понимание её как базового общеправового принципа), будучи содержательно-нейтральным требованием, подлежит укреплению до тех пор, пока действующих на её основе правопорядок не утратил своей легитимности.

В этой связи представляется важным устранение непродуктивной теоретической «путаницы», связанной с многозначностью понятия законности (возможности понимания её как законности-легальности и законности-легитимности). Закон (в частности, в юридическом его значении) подлежит исполнению до тех пор, пока он официален, и до тех пор, пока не отменён – именно он является гарантией правопорядка. Именно законность является критерием для необходимости исполнения подзаконных директив, подтверждением чего, например, является возможность отказа от выполнения незаконного приказа военнослужащим. Что же касается легитимности, то её условия вытесняются в пространство правового дискурса, а значит, выступают в роли содержательных оснований правопорядка.

Говоря о деятельности, направленной на укрепление законности, правильным будет вести речь также об укреплении формальных оснований правопорядка в целом. В контексте укрепления формальных и содержательных оснований правопорядка, безусловно, наиболее реальной представляется деятельность, направленная на укрепление первых. Действительно, «укрепление» наиболее релевантно «форме» нежели «содержанию». Вопрос этот, в принципе, сложный, в большей степе-

ни – философский. «Укрепить» возможно лишь то, что каким-либо образом оформлено, сформировано. Вместе с тем и у содержания есть своя форма, в частности у его элементов. В таком случае происходит укрепление содержания, в нашем случае содержательных оснований, которые имеют форму правовых стратегий, правовых ценностей, правовой идеологии.

Но проанализируем сначала наиболее традиционный с теоретической точки зрения вид правоохранительной деятельности, направленной на укрепление формальных оснований правопорядка.

Конечно, говорить о том, что правоохранительная деятельность направлена на укрепление нормативного строя права (первичного формального основания правопорядка) не совсем верно. Правоохрана скорее имеет своей целью защиту общественных отношений, регулируемых правовыми нормами, и в таком случае, можно сказать, защите самих норм (в широком смысле). Таким образом, укрепляется не сам нормативный строй действующего права, но адресуемые им участникам общественных отношений модели правомерного поведения. И здесь мы выходим на второе формальное основание – устойчивые формы правового поведения. Такая логическая последовательность в анализе возможности укрепления формальных оснований правопорядка свидетельствует об их тесной взаимосвязи и невозможности воздействия на одно без реакции другого. В отношении деятельности правоохранительных органов верным будет говорить об укреплении нормативного строя права через воздействие на правовое поведение субъектов общественных отношений.

Укрепление формальных оснований правопорядка, по сути, тождественно укреплению законности, являющейся их непосредственным выражением. И поскольку законность представляет собой индикатор устойчивости правопорядка (главной формальной его характеристикой), деятельность, направленная на укрепление формальных оснований, способствует развитию данного качества. Укрепление

формальных оснований правопорядка – это комплекс мер, направленных на повышение качественно-количественных показателей, характеризующих состояние исполняемости требований правовых предписаний субъектами общественных отношений.

И здесь проявляется одна из актуальных проблем правоохранительной деятельности – стремление к достижению результатов, выраженных в количественных показателях в ущерб качеству. Данная тенденция объясняется достаточно просто: количественные показатели более наглядны в ближайшей перспективе. Соответственно, подобный эффект способствует легитимации деятельности государственных органов среди населения. Однако игнорирование количественных показателей результатов правоохранительной деятельности имеет обратный негативный эффект, заключающийся в снижении её интенсивности, маскируемым за «работой на качество», которое, к сожалению, проверяется несколько сложнее. Отечественная правоохранительная система сегодня находится в поиске разрешения указанной дилеммы.

Заключение

Весьма адекватное понимание законности, определение её как выражения формального основания правопорядка – нормативного строя права, отображено в следующем высказывании: «В конечном итоге смысл правовой пропаганды – во внедрении идеи законности как реального выражения права, уважения к праву, уважения к правам и обязанностям граждан и передаче практических знаний о правозащитном механизме, о юридических средствах реализации права должностными лицами и гражданами» [5]. Действительно, законность как принцип и есть, в сущности, выражение идеи уважения – уважения объективного закона и субъективных прав. В совокупности с навыками реализации права они формируют второе формальное основание правопорядка – устойчивые формы правового поведения, являющиеся предметом отдельного исследования.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 246 с.
2. Малахов В. П. Общая теория права и государства: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2018. 271 с.
3. Малахов В. П., Клименко А. И. Актуальные проблемы правовой теории государства: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2013. 183 с.
4. Працко Г. С. Право и законность как основа правопорядка // Философия права. 2018. № 2 (85). С. 164–168.
5. Придворов Н. А., Теткин Д. В. Законность как реальное выражение права // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 7–18.
6. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка: проблема оптимального соотношения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27). С. 152–156.
7. Рыбаков В. А. Законность: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 2 (35). С. 6–9.
8. Сауляк О. П. Законность в правоприменительной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 370 с.
9. Строгович М. С. Социалистическая законность в советском обществе // Вопросы советского государства и права. М.: Из-во АН СССР, 1957. С. 269–300.
10. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А., Залоило М. В. др. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. Т. 1. М.: ИНФРА-М, 2019. 348 с.

REFERENCES

1. Wallerstein I. *World-system analysis: Introduction* (Rus. ed.: Tukina N., transl. Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 246 p.).
2. Malakhov V. P. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state: a course of lectures]. Moscow, UNITI Publ., 2018. 271 p.
3. Malakhov V. P., Klimenko A. I. *Aktualnyye problemy pravovoy teorii gosudarstva* [Actual problems of the legal theory of the state]. Moscow, UNITI Publ., 2013. 183 p.
4. Pratsko G. S. [Law and legality as the basis of the rule of law]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2018, no. 2 (85), pp. 164–168.
5. Pridvorov N. A., Tetkin D. V. [Legality as a real expression of law]. In: *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Juridical Journal], 2008, no. 4, pp. 7–18.
6. Rakov K. A. [Formal and substantive foundations of the rule of law: the problem of the optimal ratio]. In: *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2021, no. 1 (27), pp. 152–156.
7. Rybakov V. A. [Legality: on the question of the concept]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2013, no. 2 (35), pp. 6–9.
8. Saulyak O. P. *Zakonnost v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti: diss. ... kand. yurid. nauk.* [Legitimacy in law enforcement: Cand. Sci. thesis in legal sciences]. Moscow, 2001. 370 p.
9. Strogovich M. S. [Socialist legality in Soviet society]. In: *Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava* [Questions of the Soviet state and law]. Moscow, Iz-vo AN SSSR Publ., 1957, pp. 269–300.
10. Chernogor N. N., Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., et al. *Obshcheye ucheniye o pravovom poryadke: voskhozhdeniye pravoporyadka. T. 1* [The general doctrine of the legal order: the ascent of the rule of law. Vol. 1]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 348 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раков Кирилл Андреевич – кандидат юридический наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;
e-mail: rakoffkirill@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Rakov – Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Theory of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot;
e-mail: rakoffkirill@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Раков К. А. Значение и место законности в концепции формальных и содержательных оснований правопорядка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 34–41.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-34-41

FOR CITATION

Rakov K. A. The Meaning and Place of Legality in the Concept of Formal and Substantive Grounds for Law and Order. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 34–41.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-34-41

УДК 342.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-42-50

КОНСТИТУЦИЯ КАК ГАРАНТ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

Писарев А. Н.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, Новочеремушкинская ул., д. 69, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить актуальные проблемы теории и методологии отражения в конституционном законодательстве понятия, сущности и содержания новой юридической дефиниции «преемственность в развитии Российского государства». Провести анализ положений ст. 67.1 Конституции с точки зрения того, в какой мере закреплённые там общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности отражают преемственное развитие важнейших отечественных публично-правовых институтов российской государственности, обеспечивают их целостный исторический контекст и являются показателем конституционной идентичности России, что является особенно показательным на фоне всё более явной глобализации международных отношений.

Процедура и методы. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический). Их применение позволило сформулировать сущностные характеристики преемственности в развитии отечественных публично-правовых институтов.

Результаты. Раскрыты теоретико-методологические и научно-практические вопросы формирования и развития методологии преемственности Российского государства в качестве фундаментальных правовых регуляторов, определяющих конституционную идентичность России. Даны оценка и прогнозы эволюции и систематизации в конституционном законодательстве общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей в условиях усиления санкционной политики объединённого Запада, направленной на политическую, экономическую, социальную, культурную, правовую изоляцию России от остального мира. В конституционно-правовом аспекте проанализированы процессы, связанные со стремлением Российской Федерации противопоставить отдельным современным «западным ценностям» традиционные многовековые социальные основы организации русского общества.

Теоретическая и /или практическая значимость. Сделанные выводы могут быть положены в основу дальнейшего научного осмысления конституционного-правового развития, способствовать последующим общетеоретическим исследованиям проблем в плоскости формирования правовой политики. Предполагается также возможным использование результатов исследования в учебном процессе при преподавании курса конституционного права.

Ключевые слова: конституционное право, преемственность, конституционные ценности, нравственность, конституционная идентичность, конституционная идентификация, конституционная культура

CONSTITUTION AS A GUARANTOR OF CONTINUITY DEVELOPMENT OF DOMESTIC STATEHOOD AND NATIONAL VALUES DETERMINING THE CONSTITUTIONAL IDENTITY OF RUSSIA

A. Pisarev

Russian State University of Justice

Novocheremushkinskaya ul., 69, Moscow 117418, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the actual problems of the theory and methodology of reflection in the constitutional legislation of the concept, essence and content of the new legal definition of «continuity in the development of the Russian state»; to conduct an analysis of the provisions of Art. 67.1 of the Constitution in terms of the extent to which the national, historical, cultural, spiritual values enshrined there reflect the successive development of the most important domestic public law institutions of the Russian statehood, provide their integral historical context and are an indicator of the constitutional identity of Russia, which is especially significant against the background of ever more pronounced globalization of international relations.

Methodology. The work uses general scientific methods (system analysis, dialectical, formal-logical) and special research methods (systemic-legal, comparative-legal, historical-legal, formal-legal). Their application made it possible to formulate the essential characteristics of continuity in the development of domestic public law institutions.

Results. Theoretical-methodological and scientific-practical issues of the formation and development of the methodology of the succession of the Russian state as fundamental legal regulators that determine the constitutional identity of Russia are revealed. An assessment and forecasts of the evolution and systematization in the constitutional legislation of national, historical, cultural, spiritual values are given in the context of the sanctions policy strengthening by the united West, aimed at the political, economic, social, cultural, legal isolation of Russia from the rest of the world. In the constitutional and legal aspect, the processes associated with the desire of the Russian Federation to oppose to individual modern «Western values» the traditional centuries-old social foundations of the organization of Russian society are analyzed.

Research implications. The conclusions made in the article can be used as the basis for further scientific understanding of the constitutional and legal development, contribute to subsequent general theoretical studies of problems in the sphere of legal policy formation. It is also assumed that it is possible to use the results of the research in the educational process when teaching the course of constitutional law.

Keywords: constitutional law; continuity; constitutional values; morality, constitutional identity; constitutional identification, constitutional culture

Введение

Актуальность избранной темы исследования, его цели, задачи и методология определяется целым рядом факторов. Во-первых, это необходимость осмысления и глубокого научного и правового анализа поправок к Конституции 2020 г. в части её дополнения ст. 67.1, прежде всего с точки зрения того, в какой мере закреплённые там общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности отражают *преемственное развитие* важнейших отечественных публично-правовых институтов в хронологическом и сущностном аспекте, обеспечивают

целостный исторический контекст принципов конституционного права и являются показателем конституционной идентичности России, что является особенно показательным на фоне всё более явного кризиса международных отношений.

Во-вторых, вполне объяснимым является стремление Российской Федерации, возникающее из-за усиления в последнее время санкционной политики коллективного Запада, направленной на политическую, экономическую, социальную, культурную, правовую изоляцию России от остального мира, обеспечить свой государственный

суверенитет, опираясь, прежде всего, на закреплённые в поправках к Конституции 2020 г. общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности, особая значимость которых была подтверждена в послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г.¹.

В-третьих, необходимостью рассматривать Конституцию России не только в качестве особого вида нормативного правового акта в государстве, в целях реализации новых положений которого, предстоит принять или изменить 338 законодательных актов, включая 29 федеральных конституционных законов², но и в качестве важнейшего идеологического документа, определяющего и гарантирующего осуществление стратегии государственной политики, направленной на дальнейшее развитие основополагающих общенациональных, исторических, культурных, духовных ценностей, которые должны объединять и сплачивать многонациональный народ Российской Федерации, в т. ч. перед лицом внешних вызовов и угроз.

В-четвёртых, всё более отчётливым стремлением российского общества противопоставить таким современным «западным ценностям», как разрешение на однополые браки, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, соответствующее половое воспитание в школах, развитие ювенальной юстиции в направлении разрушения семьи и традиционных семейных ценностей воспитания детей, и другим такого рода «правам человека» многовековые социальные основы организации русского общества: приоритет общественных интересов на личными; определение роли индивида с точки его полезности для общества; развитие общественной этики и морали, основанных на взаимопомощи и поддержке; приоритет чести,

достоинства над меркантильными потребительскими интересами; вера в справедливость и правослабие, отвечавшее коллективистским устремлениям русского общества, способствующее его консолидации и развитию нравственности и культуры и др.

Постановка научной проблемы

Трудно переоценить роль Конституции 1993 г., с принятием которой в конституционном законодательстве Российской Федерации оказались востребованными основополагающие для конституционного права зарубежных стран и чуждые для советской государственно-правовой системы такие конституционные установки, как многопартийность, принцип правового государства, разделение властей, право частной собственности, идеологическое многообразие и др.

Вместе с тем следует признать, что в Конституции 1993 г. не в полной мере оказались востребованными общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности, отражающие конституционную идентичность России. Существовавшая в 90-е гг. прошлого века увлечённость отечественных учёных и практиков ценностями буржуазной либеральной демократии во многом способствовала тому, что при формировании современного конституционного законодательства Российской Федерации была нарушена преемственность развития важнейших отечественных публично-правовых институтов, что сегодня очевидно в силу обозначенных выше факторов.

В целях восполнения указанных пробелов в процессе конституционной реформы 2020 г. Конституция России была дополнена ст. 67.1, в котором был легализован юридический термин (дефиниция) «преемственность в развитии Российского государства» и обозначены общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности, которые характеризуют российскую государственность на всех этапах её развития.

С учётом указанных выше фактов, определяющих актуальность исследуемой проблематики, положения ст. 67.1 требуют глубокого научного осмысления в целях

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2020. № 7 (8061).

² Хабриева Т. Я. Доклад для выступления на заседании клуба (Совета) заслуженных юристов Российской Федерации 17.11.2021 // ФПА: [сайт]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/napravleniya-razvitiya-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 30.04.2022).

выработки теоретических выводов и предположений по их детализации и конкретизации в соответствующих нормах конституционного законодательства.

Общие вопросы теории и методологии исследования преемственности в развитии Российского государства

В конституционно-правовом развитии России всегда сохраняются элементы преемственности, обеспечивающие сохранение конституционной самобытности и конституционной идентичности государства [2; 22].

Традиционно под преемственностью в правоведении понимают связь между явлениями, которая заключается в сохранении особо значимых элементов и способствует обогащению традиционных институтов и ценностей права¹.

В советский период в правоведении акцент делался лишь на преемственности в праве, а не на преемственности государственных институтов [14, с. 10].

В современный период проблематика, связанная с характеристикой преемственности, является весьма востребованной. При этом предметом исследования являются не только правовые, но и государственные (публичные) институты, которые рассматриваются, во-первых, с учётом существующей между ними связи на различных этапах развития; во-вторых, с позиций их взаимосвязи как с конституционным законодательством, так и основных институтов государственного права [21]. Преемственность способствует сохранению положительного опыта прошлого, выявлению конституционных принципов, устойчиво сохраняющихся в конституционном праве, обеспечивает формирование конституционной идентичности, а также создаёт основу для передачи социальных и культурных ценностей от поколения к поколению. С. А. Глотов и И. А. Алешкова справедливо подчёркивают важность принципов конституционного права как

элементов, способствующих преемственности и сохранению преобладающих в обществе и государстве нравственных и правовых ценностей [6, с. 102–104].

Преемственность между этапами развития имеет особое значение, ибо при заимствовании предыдущего опыта сохраняются концептуальные конструкции, положенные в основу развития новых государственно-правовых институтов, определяющих конституционную идентификацию России [8, с. 128]. Однако с тем, чтобы конституционные институты и конституционное право в целом были нацелены на будущее, необходимо не допускать «крайностей», которые иногда в истории конституционного развития встречаются [1; 16; 19; 24].

Таким образом, важно подчеркнуть, что преемственность следует сохранять в регулировании правоотношений, т. к. с её помощью обеспечивается не только системность, но и прогрессивность устойчивого развития. Нарушение преемственности в развитии государственно-правовой мысли опасно для общественного развития, ибо может быть утрачена конституционная идентичность [8, с. 128]. Соответственно, необходимо с целью недопущения утраты преемственности уделять внимание как правовому просвещению [15], так и формированию конституционного мировоззрения [3; 4], которые создают преграду для искажения сущностного в праве.

Конституционно-правовые аспекты преемственности в развитии важнейших отечественных публично-правовых институтов в качестве показателей конституционной идентичности России

Тектонические сдвиги, происходящие в постиндустриальном (информационном) обществе и порождённые глобализацией, далеко не все являются благом, т. к. многие из них создают огромные риски для устойчивого развития государственных институтов. Именно конституционно-правовые аспекты преемственности позволяют ми-

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 105.

минимизировать такие риски, сохранить конституционную идентичность государств, в т. ч. и скорректировать внутригосударственное правовое регулирование, когда наступает кризис во взаимоотношениях (например, кризис, который затронул взаимодействие международного и внутригосударственного права) [9; 12].

В Российской Федерации посредством конституционных реформ, начиная с 2014 г., наблюдается стремление обеспечить преемственность в развитии институтов конституционного права с целью сохранения конституционно-правовой идентичности.

В современный период выражение «конституционная идентичность» характеризуется как определённое свойство, особенность, отличающая или характеризующая тождественность того или иного явления, объекта их группы и т. д. [10, с. 476]. Как правовое явление конституционная идентичность имеет ряд взаимосвязей с принципами конституционного права [22].

Т. И. Ряховская преемственность в государственном праве рассматривает как элемент конституционной самобытности и предлагает учитывать сущностную взаимосвязь преемственности с традициями [17, с. 34].

В целях сохранения конституционной идентичности в ходе реформы 2020 г. ст. 125 Конституции России дополнена п. «б» ч. 5.1, в соответствии с которыми Конституционному Суду России предоставлено право решать вопрос о возможности исполнения РФ решений межгосударственных органов, принятых на основании положений её международных договоров, а также решений иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Россию, в случае их признания противоречащем Конституции и основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Таким образом, конституционные поправки 2020 г. снимают некоторую неопределённость конституционных положений

закреплённых в ч. 4 ст. 15 относительно иерархии источников национального и международного права в правовой системе Российской Федерации.

Кроме этого, в положениях п. «б» ч. 5.1. ст. 125 Конституции определены основания, по которым Российская Федерация может отказаться от исполнения указанных решений в случае их противоречия: во-первых, Конституции; во вторых, основам публичного правопорядка РФ.

Таким образом, в настоящее время посредством конституционных поправок произошли серьёзные изменения в части обеспечения государственного суверенитета. На первый план поставлена независимость государства, которая, несмотря на появление нового правового регулирования, сохраняет в себе элементы ранее бережно охраняемой политической самостоятельности, а также не допускающая подчинённости и зависимости общества и государства от внешних факторов.

Преемственность между советской и российской моделью правового регулирования не должна пониматься только как передача правовых, социальных и культурных ценностей, она напрямую связана с сохранением конституционной идентичности [10, с. 174].

В условиях современного общества вопрос о преемственности между советским, постсоветским и российским рассматривается как одно из обязательных условий устойчивого развития государства и общества.

Под преемственностью понимается последовательный переход от одной ступени государственного развития к другой, выражающийся в сохранении и постепенном изменении содержания, форм, методов и технологий правового регулирования. Представляется обоснованной точка зрения учёных, что «западный концепт гражданского общества в России не может быть воспринят в своём изначальном виде, он должен быть переосмыслен, трансформирован, адаптирован к таким базовым составляющим российского менталитета (российской национальной и конституци-

онной идентичности) как коллективизм, державность и патриотизм» [11, с. 54]. Таким образом, наблюдается преемственность подходов, к которым вернулись.

Формирование конституционной идентичности России представляется значимым и необходимым. В этом случае Конституция РФ должна рассматриваться не только как нормативный правовой акт, имеющий прямое действие и высшую юридическую силу, её следует воспринимать как универсальный документ, с одной стороны, создающий основу для прогресса в содержании целостного исторического контекста, с другой стороны, сохраняющий преемственное развитие российской государственности как в целом, так и в отдельных государственно-правовых институтах: российской власти [13; 20; 23], российского федерализма [18], правового статуса депутата [5], организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [7] и др.

Заключение

Преемственность, являясь результатом взаимосвязи между прошлым и будущим, как для конституционного законодательства, так и для важнейших государственно-правовых институтов, имеет стратегическое значение, т. к. формирует векторы управления в фокусе конституционного права, способствует сохранению достигнутых позитивных результатов, позволяет минимизировать риски и угрозы, а также

создаёт основу для устойчивого развития и сохранения конституционной идентичности России.

В последнее время из-за весьма агрессивной санкционной политики коллективно-Запада, направленной на политическую, экономическую, социальную, культурную, правовую изоляцию России от остального мира, в Российской Федерации становится устойчивой тенденция по обеспечению своего государственного суверенитета, опираясь, прежде всего, на закреплённые в поправках к Конституции 2020 г. общенациональные, исторические, культурные, духовные ценности.

В соответствии с закреплёнными в преамбуле и ст. 67.1 Конституции социальными ценностями должна быть разработана общенациональная идеология, прямо влияющая на процесс осмысления, отстаивания и сохранения своей конституционной идентичности.

В качестве общих параметров преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей следует выделить: темпоральные основания изменений, происходящие в государстве, конституционную идентичность как конструкцию, сохраняющую традиции и принципы конституционного права, а также связь между конституционными реформами и государственными преобразованиями.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В. К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102–107.
2. Белослудцев О. С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3. С. 39–62.
3. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3–12.
4. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3–10.
5. Варлен М. В. К вопросу о преемственности института депутатского мандата в государственном (конституционном) праве // Евразийский юридический журнал. 2011. № 1 (32). С. 66–71.

6. Глотов С. А., Алешкова И. А. Принципы конституционного права как элемент исторической и правовой памяти // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 102–104.
7. Дубовик В. Н. Организация законодательной власти в городе Москве: преемственность, новеллы, специфика // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 5. С. 131–141.
8. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск: Электротипография Ф. Туникова, 1912. 312 с.
9. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: Доктрина и практика: доклад на Международной конференции в Конституционном Суде РФ (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (38). С. 1–12.
10. Зражевская Т. Д. Преемственность развития некоторых конституционных институтов в России // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 174–178.
11. Исмаилов Р. Ф., Романовская Л. Р., Сальников П. П. Предпосылки формирования и институционализации гражданского общества в России // Юридическая наука: История и современность. 2015. № 7. С. 51–59.
12. Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 120–141.
13. Мохов В. П. Проблема преемственности и изменений современной российской власти // Россия и современный мир. 2003. № 1 (38). С. 88–106.
14. Неновски Н. Преемственность в праве / пер. с болг. В. М. Сафронова. М.: Юридическая литература, 1977. 167 с.
15. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. М.: Проспект, 2019. 272 с.
16. Писарев А. Н. Актуальные проблемы конституционного (государственного) права Российской Федерации: учебник. М.: Московский городской университет управления Правительства Москвы, 2009. 352 с.
17. Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 30–44.
18. Савин В. И. Этапы российского федерализма: преемственность и развитие // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 64–72.
19. Стучка П. И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. М.: Соцакадемия, 1923. 153 с.
20. Тихомиров Ю. А. Государство: Преемственность и новизна. М.: Юриспруденция, 2011. 77 с.
21. Третьякова Е. С. Традиции и преемственность в организационно-правовом обеспечении внешнеполитической деятельности Российского государства в XIX – начале XX вв. // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 212–222.
22. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип национальной идентичности российского государства и общества: содержание и особенности реализации // Культура: управление, экономика, право. 2021. № 1. С. 9–15.
23. Чудинова И. М. Преемственность власти // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 46–53.
24. Шульженко Ю. Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. С. 5–42.

REFERENCES

1. Babaev V. K. [On the continuity between socialist and past types of law]. In: *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1975, no. 12, pp. 102–107.
2. Belosludtsev O. S. [Theoretical and legal nature of the concept of constitutional identity]. In: *Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review], 2021, no. 3, pp. 39–62.
3. Bondar N. S., Barinov E. E. [Axiology of the constitutional worldview. Part I. Constitutional worldview in the value dimension of the updated Constitution of Russia]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 12, pp. 3–12.
4. Bondar N. S., Barinov E. E. [Axiology of the constitutional worldview. Part II. Value measurement of the constitutional worldview in the coordinates of constitutional justice]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2022, no. 2, pp. 3–10.

5. Varlen M. V. [On the question of the succession of the institution of a deputy mandate in state (constitutional) law]. In: *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian legal journal], 2011, no. 1 (32), pp. 66–71.
6. Glotov S. A., Aleshkova I. A. [Principles of constitutional law as an element of historical and legal memory]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2020, no. 11 (191), pp. 102–104.
7. Dubovik V. N. [Organization of legislative power in the city of Moscow: continuity, novels, specifics]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2008, no. 5, pp. 131–141.
8. Zakharov N. A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti. Yuridicheskoye issledovaniye* [The system of Russian state power. Legal research]. Novocherkassk, Electrotypography F. Tunikova Publ., 1912. 312 p.
9. Zorkin V. D. [The constitutional identity of Russia: Doctrine and practice: report at the International Conference in the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, May 16, 2017)]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 4 (38), pp. 1–12.
10. Zrazhevskaya T. D. [Continuity in the development of some constitutional institutions in Russia]. In: *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2011, no. 5, pp. 174–178.
11. Ismailov R. F., Romanovskaya L. R., Salnikov P. P. [Prerequisites for the formation and institutionalization of civil society in Russia]. In: *Yuridicheskaya nauka: Istoriya i sovremennost* [Legal Science: History and Modernity], 2015, no. 7, pp. 51–59.
12. Morozov A. N., Kashirkina A. A. [Constitutional reforms in the Russian Federation and the interaction of international and domestic law: continuity and novelty]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2022, no. 1, pp. 120–141.
13. Mokhov V. P. [The problem of continuity and changes in modern Russian power]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2003, no. 1 (38), pp. 88–106.
14. Nenovsky N. *Continuity in law* (Rus. ed.: Safronov V. M., transl. Preyemstvennos v prave. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1977. 167 p.).
15. Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya. *Pravovoye prosveshcheniye v Rossii: sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya* [Legal education in Russia: state, problems and development prospects]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 272 p.
16. Pisarev A. N. *Aktualnyye problemy konstitutsionnogo (gosudarstvennogo) prava Rossiyskoy Federatsii* [Actual problems of the constitutional (state) law of the Russian Federation]. Moscow, Moskovskiy gorodskoy universitet upravleniya Pravitelstva Moskvyy Publ., 2009. 352 p.
17. Ryakhovskaya T. I. [Continuity in constitutional law in the context of constitutional identity]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2021, no. 2, pp. 30–44.
18. Savin V. I. [Stages of Russian federalism: continuity and development]. In: *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2006, no. 1, pp. 64–72.
19. Stuchka P. I. *Revolutsionnaya rol prava i gosudarstva: obshcheye ucheniye o prave* [The revolutionary role of law and the state: a general doctrine of law]. Moscow, Sotsakademiya Publ., 1923. 153 p.
20. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo: Preyemstvennost i novizna* [State: Continuity and novelty]. Moscow, Jurisprudenciya Publ., 2011. 77 p.
21. Tretyakova E. S. [Traditions and continuity in the organizational and legal support of the foreign policy activities of the Russian state in the 19th – early 20th centuries]. In: *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian legal journal], 2021, no. 1, pp. 212–222.
22. Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. [The principle of national identity of the Russian state and society: the content and features of implementation]. In: *Kultura: upravleniye, ekonomika, pravo* [Culture: management, economics, law], 2021, no. 1, pp. 9–15.
23. Chudinova I. M. [Continuity of power]. In: *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2010, no. 6, pp. 46–53.
24. Shulzhenko Yu. L. [Pre-revolutionary domestic science of state law and modernity]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2013, no. 3, pp. 5–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писарев Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия;
e-mail: a.n.pisarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Pisarev – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional Law named after N. V. Vitruk, Russian State University of Justice;
e-mail: a.n.pisarev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Писарев А. Н. Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 42–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-42-50

FOR CITATION

Pisarev A. N. Constitution as a Guarantor of Continuity Development of Domestic Statehood and National Values Determining the Constitutional Identity of Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 42–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-42-50

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 342.951

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-51-57

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Прудников А. С.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать проблемы, возникающие при реализации права граждан на пенсионное обеспечение.

Процедуры и методы. При проведении исследования использованы методы анализа, сравнения, диалектики, прогнозирования.

Результаты. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с правом на выбор пенсии, классификации пенсий, условия назначения пенсий, устанавливаемых за выслугу лет различным категориями граждан, в т. ч. федеральным государственным гражданским служащим и сотрудникам правоохранительных органов. Проанализированы точки зрения российских и зарубежных исследователей. пенсионное обеспечение как вид социального обеспечения населения со стороны государства. Сделаны выводы, что на государственном уровне необходимо внести изменения в действующее законодательство для устранения пробелов, связанных с социальным обеспечением сотрудников правоохранительных органов, выехавших за пределы Российской Федерации на постоянное место жительства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в науку публичного и трудового права и организацию пенсионного обеспечения на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, пенсия, обеспечение, регулирование, выплаты, страховой стаж, страховые и накопительные пенсии

THE STATE AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION LEGISLATION DEVELOPMENT IN THE FIELD OF REALIZATION OF CITIZENS' RIGHT TO PENSION PROVISION

A. Prudnikov

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117437, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the problems arising in the implementation of the right of citizens to pension provision
Methodology. Methods of analysis, comparison, dialectics, forecasting were used in the study.

Results. The article discusses controversial issues related to the right to choose a pension, pension classifications, conditions for the appointment of pensions established for long service by various categories of citizens, including federal state civil servants and law enforcement officers. Russian and foreign researchers' points of view on pension provision are analyzed as a type of social security of the population ensured by the state. Conclusions are drawn that it is necessary to amend the current legislation at the state level to eliminate gaps related to the social security of law enforcement officers who have left the Russian Federation for permanent residence.

Research implications. The results of the study contribute to the science of public and labor law and the organization of pension provision in the territory of the Russian Federation.

Keywords: state, pension, provision, regulation, payments, insurance seniority, insurance and accumulative pensions

Введение

В Конституции Российской Федерации¹ в ст. 37 закреплено, что каждый имеет право распоряжаться своими способностями к труду, т. к., осознавая огромную роль трудовой деятельности граждан, государство законодательно закрепило не только право граждан на свободный выбор способа и места осуществления своей трудовой деятельности, а также, что немаловажно, на обеспечение граждан соответствующими пенсиями, которые гражданин может получать по истечении определённого трудового стажа либо достижения определённого возраста.

Важность данного вопроса подтверждается прежде всего тем, что положения о государственных пенсиях закреплены в основополагающем нормативном правовом акте – Конституции Российской Федерации, а именно в ч. 2 ст. 39.

В соответствии с Федеральным законом № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсии»² устанавливается право на государственную трудовую пенсию.

Важность обеспечения права граждан на государственную пенсию обусловлено тем, что государство таким образом обеспечивает возможность нетрудоспособного населения на достойное существование после прекращения трудовой деятельности.

Основные подходы и направления развития пенсионного обеспечения

Обращаясь к исторической ретроспективе данного вопроса, следует отметить, что важность обеспечения населения пенсией по достижении возраста нетрудоспособности была поддержана ещё председателем Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталиным. По его мнению, пенсия должна представлять собой своеобразную плату со стороны государства за отданные годы трудовой деятельности на благо государства, а также плату за воспитание подрастающего поколения, которым в свою очередь зачастую занимаются люди, находящиеся на пенсии [1].

Если обратиться к советскому опыту, пенсионный возраст был рассчитан с учётом биологических возможностей человеческого организма, и было доказано, что человеческий организм может осуществлять трудовую деятельность только до возраста 55 лет для женщин и 60 лет для

Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсии» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 06.06.2022).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.06.2022).

² Федеральным закон от 03.10.2018 (в ред. от 28.01.2022 г. №1-ФЗ) № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

мужчин. Подобные ограничения возраста возможной трудовой деятельности, по мнению медицинских работников данного периода, были обусловлены прежде всего тем, что к данному возрасту существенно замедляется выработка гормонов, которые, в свою очередь, влияют на возможность лица осуществлять трудовую физическую и интеллектуальную деятельность.

Изучение юридической литературы и практики свидетельствует, что пенсионное обеспечение является одним из важнейших вопросов социального обеспечения населения со стороны государства. Опираясь на изученную практику, можно также понять, что задача обеспечения населения государственными пенсиями является достаточно непростой задачей, поскольку это расходная часть бюджета государства. Отсюда возникает двойственная ситуация, при которой, с одной стороны, обеспечение населения государственной пенсией является своего рода благодарностью государства за добросовестный труд и возможностью далее жить не трудясь, а с другой стороны – расходы бюджета, уходящие безвозмездно на содержание пенсионеров [5].

По поручению главы государства пенсии по старости для неработающих россиян в 2022 г. будут проиндексированы на 8,6%. С учётом этой индексации средний размер пенсии неработающего пенсионера по старости составит 18 984 рубля. При этом из опросов общественного мнения, которые провёл сервис SuperJob, следует, что размер «достойной пенсии», по мнению среднестатистического россиянина, составляет 45 300 руб.¹

Самые высокие пенсии в мире получают жители Люксембурга – 3350 евро в месяц. На втором месте – пенсионеры из Кувейта, чья пенсия в среднем составляет 3000 евро. В Объединённых Арабских Эмиратах пенсионеры могут рассчитывать в среднем на 2776 евро ежемесячных выплат.

На наш взгляд, чтобы решить данную проблему в качестве одного из вариантов

по добровольному перечислению в накопительный Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации максимально-определённой суммы способствовало бы формированию в будущем достойной пенсии – примерно 60 тыс. руб. Чем раньше граждане начнут уплачивать страховые взносы и в полном объёме, тем легче будет накопить подобную сумму [6].

Одним из важных направлений является организация пенсионного обеспечения населения. Так, в Российской Федерации вопросами пенсионного обеспечения занимается Фонд Пенсионного и социального страхования², целью которого является обеспечение реализации права граждан на получение пенсионных выплат.

На каждое застрахованное лицо в Фонде Пенсионного и социального страхования открыт лицевой счёт, на который зачисляются взносы, уплачиваемые работодателем. Правила те же, что и для банковских взносов, только эти деньги нельзя снять со счёта, и вместо начисления процентов по вкладу пенсионный капитал ежегодно индексируется. К пенсионным накоплениям ежегодно добавляется инвестиционный доход, полученный от управления средствами накопительной части трудовой пенсии, управляющими компаниями.

Государство гарантирует, что каждый учтённый на счёте рубль уплаченных взносов и полученного инвестиционного дохода, зафиксированного на дату назначения пенсии, будет возвращён застрахованному лицу в виде пенсии. Таким образом, размер пенсии напрямую зависит от суммы на лицевом счёте, сформированной за всю трудовую деятельность, и состоит из 2-х частей:

1) *страховая часть пенсии* – гарантированные выплаты лицу со стороны государства при достижении им определённого возраста и набора определённых пенсионных коэффициентов;

2) *накопительная часть* – денежные средства, перечисляемые работодателем в пенсионный фонд, а также те денежные

¹ Демченко Н. Россияне назвали желаемый размер «достойной пенсии» // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/04/2022/625d60ff9a7947b98b8f3d37> (дата обращения: 06.06.2022).

² Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

средства, которые работающий гражданин самостоятельно перечислит в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Одним из важных направлений пенсионного обеспечения [3] является организация деятельности негосударственных пенсионных фондов (НПФР), которые, в свою очередь, представляют собой частную структуру и заключают с гражданами договор обязательного пенсионного страхования. Как же гражданам выбрать, какой Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации надёжнее и куда лучше вложить свои денежные средства? Рассмотрим ряд плюсов и минусов Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и негосударственного Пенсионного Фонда.

Во-первых, на сегодняшний день на рынке представлено несколько десятков негосударственных пенсионных фондов, что обеспечивает их конкуренцию. Во-вторых, происходит увеличение размера пенсии за счёт получения инвестиционного дохода в коммерческих пенсионных фондах. Из минусов можно отметить возможность банкротства или потери лицензии у негосударственного пенсионного фонда, а также отсутствие гарантий доходности.

Здесь следует подчеркнуть, что Фонд Пенсионного и социального страхования лишён традиционных рисков, присущих негосударственному, что влечёт за собой надёжность. Ещё одним плюсом является то, что Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации ежегодно индексирует накопления граждан. Из минусов можно выделить только то, что инвестиционная политика Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации не предполагает получение высокого уровня доходности.

Чтобы не столкнуться с проблемой пенсионных выплат в старости, будущим пенсионерам следует больше склоняться к выбору пенсионных фондов, гарантированных государством. Множество коммерческих пенсионных фондов преследуют цель получение прибыли, это не

исключает того, что руководитель данной организации не обманет своих клиентов и не скроется с их денежными средствами за границей. В случае же банкротства негосударственного пенсионного фонда гражданам придётся обратиться за помощью к государству, чтобы то выплатило им компенсацию и обеспечило дальнейшее существование.

Перспективы развития реализации права граждан на пенсионное обеспечение

На сегодняшний день поднимается ряд острых проблем, связанных с пенсионным обеспечением определённой части населения. В связи с введением санкций против России западными странами появились опасения, что произойдёт сокращение пенсионных гарантий. 8 марта 2022 г. президент Российской Федерации подписал закон¹, который предполагает защиту граждан и экономики, а также проведение дополнительной индексации пенсий пожилым людям. Ряд экспертов отмечают: «Пенсионный кризис в стране может быть вызван, прежде всего, регрессивным обложением доходов граждан, при котором чем человек беднее, тем он больше платит». Далеко не все граждане добросовестно осуществляют отчисления с собственного дохода в государственную казну. Это связано с увеличением различных махинаций на рынке ценных бумаг, которые подразумевают возможность получения дохода без выплаты налогов. Министерство финансов считает, что десятки миллионов граждан не платят налогов со своих зарплат [2].

Особой проблемой правовой регламентации пенсионных выплат в настоящее время является вопрос, связанный с так называемой «скрытой» зарплатой – работодатель не заключает с работником официальный трудовой контракт, что, в

¹ Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47600> (дата обращения: 06.06.2022).

свою очередь, освобождает и работодателя, и работника от ряда налоговых обязательств: работодатель не уплачивает в пенсионный фонд какие-либо платежи в целях создания накопительной части пенсии своих работников, в результате по достижении пенсионного возраста человек, который честно трудился, но при этом получал «серую» заработную плату, будет получать достаточно скромную пенсию.

В настоящее время данная проблема крайне актуальна, и связано это в первую очередь с тем, что большое число граждан РФ обладают достаточно низким уровнем правовой грамотности, следовательно, не могут объективно оценить все положительные и отрицательные аспекты получения «серой» заработной платы [3]. Борьба с данным явлением является одной из задач Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, а также достаточно важной задачей для всей системы государственных органов.

Особого внимания также заслуживает вопрос, связанный с пенсионным обеспечением сотрудников правоохранительных органов.

Согласно законодательству, сотрудникам правоохранительных органов положены следующие пенсионные выплаты: пенсия по инвалидности, пенсия по выслуге лет, пенсия по потере кормильца. Механизм исчисления данных пенсионных выплат схож с механизмом начисления пенсий у гражданского населения, но с некоторыми особенностями.

Так, например, вместо возрастных границ необходимых для получения права на пенсию, у сотрудников правоохранительных органов существует выслуга для получения пенсии. Для службы в правоохранительных органах таким сроком службы является 20 лет. В данный срок может быть засчитана служба в рядах Вооружённых сил, а также обучение в ведомственных учебных заведениях. В отдельных случаях для некоторых районов России могут устанавливаться льготные коэффициенты исчисления выслуги лет (в основном

для районов Крайнего Севера и Дальнего Востока).

Право на пенсию по инвалидности имеют лица, если инвалидность наступила в период прохождения ими службы или не позднее 3-х месяцев после увольнения со службы, либо если инвалидность наступила позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы [4].

Пенсия по случаю потери кормильца семьям назначается, если кормилец умер (погиб) во время прохождения службы или не позднее 3-х месяцев со дня увольнения со службы, либо позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы, а семьям пенсионеров из числа этих лиц – если кормилец умер в период получения пенсии или не позднее 5 лет после прекращения выплаты ему пенсии.

Перед сотрудниками правоохранительных органов, получивших право на пенсию и не проживающих в Российской Федерации, особенно остро встаёт вопрос о её получении. Как известно, гражданам, выехавшим на постоянное жительство за границу, пенсия выплачивается независимо от смены места жительства¹. т. к. перечисленные денежные средства поступают на специальный счёт в валюте того государства, в котором находится сотрудник, и есть шанс, что перечисляемая сумма может просто обнулиться в связи с экономическими и политическими обострениями между странами.

Решением данной проблемы может выступать открытие сотрудникам правоохранительных органов безопасных иностранных счетов для поступления пенсионных выплат, которые будут контролироваться банками Российской Федерации.

¹ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2014 г. № 1386 «О порядке выплаты пенсий лицам, выезжающим (выехавшим) на постоянное жительство за пределы территории Российской Федерации» (с изменениями) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70826240/> (дата обращения: 06.06.2022).

Заключение

Процесс формирования пенсионных резервов представляет собой достаточно непростую процедуру, поскольку в ней принимают участие не только государственные органы, но и работодатели, а также будущие пенсионеры.

Однако стоит отметить, что право граждан на пенсии не ограничивается только лишь правом на трудовые пенсионные выплаты по достижению определённого трудового стажа либо достижения определённого возраста. Законодательством также предусмотрены иные виды государ-

ственных пенсий, например, пенсия по инвалидности, по потере кормильца и т. д.

В настоящее время пенсионное обеспечение населения является одной из важнейших задач, которые решаются органами публичной власти. Совершенствование пенсионного обеспечения будет способствовать улучшению жизни граждан и мотивировать подрастающее поколение в участии формирования своей будущей пенсии.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албогачиева Б. М. Модели построения систем пенсионного обеспечения // *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 11. С. 271–274.
2. Алеева И. А. Комментарий к законодательству Российской Федерации о пенсионных накоплениях. М.: Норма, 2021. 846 с.
3. Глинская Д. Р. Основные проблемы пенсионного обеспечения в Российской Федерации // *Аллея науки*. 2018. Т. 3. № 8 (24). С. 69–73.
4. Ерофеева О. В. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение. М.: Проспект, 2022. 172 с.
5. Тучкова Э. Г. Международные и Российские нормы пенсионного обеспечения. Сравнительный анализ. М.: Проспект, 2019. 395 с.
6. Щеглов В. П. Организационное обеспечение деятельности учреждений социальной защиты населения и органов Пенсионного фонда РФ. М.: Издательские решения, 2022. 273 с.

REFERENCES

1. Albogachieva B. M. [Models for building pension systems]. In: *Alleya nauki* [Alley of Science], 2019, vol. 1, no. 11, pp. 271–274.
2. Aleeva I. A. *Kommentariy k zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii o pensionnykh nakopleniyakh* [Commentary on the legislation of the Russian Federation on pension savings]. Moscow, Norma Publ., 2021. 846 p.
3. Glinskaya D. R. [The main problems of pension provision in the Russian Federation]. In: *Alleya nauki* [Alley of Science], 2018, vol. 3, no. 8 (24), pp. 69–73.
4. Erofeeva O. V. *Zashchita prav grazhdan na pensionnoye obespecheniye* [Protection of the rights of citizens to pension provision]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 172 p.
5. Tuchkova E. G. *Mezhdunarodnyye i Rossiyskiye normy pensionnogo obespecheniya. Sravnitelnyy analiz* [International and Russian norms of pension provision. Comparative analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 395 p.
6. Shcheglov V. P. *Organizatsionnoye obespecheniye deyatelnosti uchrezhdeniy sotsialnoy zashchity naseleniya i organov Pensionnogo fonda RF* [Organizational support for the activities of institutions of social protection of the population and bodies of the Pension Fund of the Russian Federation]. Moscow, Izdatelskiye resheniya Publ., 2022. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анатолий Семенович Прудников – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, заслуженный юрист России;
e-mail: tanya_198307@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly S. Prudnikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Honored Lawyer of Russia; e-mail: tanya_198307@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прудников А. С. Состояние и перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере реализации права граждан на пенсионное обеспечение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 51–57.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-51-57

FOR CITATION

Prudnikov A. S. State and Prospects of the Russian Federation Legislation Development in the Sphere of Realization of Citizens' Right to Pension Provision. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 51–57.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-51-57

УДК 346:620.9

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-58-68

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БЕСХОЗЯЙНОГО ИМУЩЕСТВА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Символоков О. А.*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать проблемы приобретения права собственности на бесхозные объекты энергетики и разработать предложения по их преодолению.

Процедуры и методы. При проведении исследования использованы общенаучный (диалектический) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический, системный, эмпирический, статистический) методы познания, методы и приёмы формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.).

Результаты. В статье рассмотрены основные проблемные вопросы правового режима бесхозного недвижимого имущества в энергетике, связанные с его содержанием, ремонтом и эксплуатацией, ответственностью за надёжное и качественное снабжение потребителей энергетическими ресурсами, компенсацией понесённых расходов на эксплуатацию бесхозных объектов энергетики, порядком приобретения права собственности на бесхозные энергетические линейные объекты. Предлагается в качестве альтернативного механизма выбора эксплуатирующей организации использовать единый способ определения такой организации для всех сфер энергетики, состоящий в закреплении обязанности по содержанию, ремонту и эксплуатации бесхозного объекта энергетики за гарантирующей эксплуатирующей организацией. Сделан вывод о том, что реализация норм Гражданского кодекса РФ о приобретении эксплуатирующими организациями права собственности на бесхозные линейные объекты возможна только после устранения противоречий в положениях ст. 225 ГК РФ, а также после внесения необходимых изменений в законодательство о государственной регистрации недвижимости и гражданское процессуальное законодательство.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретических основ института приобретения права собственности на бесхозные вещи на примере бесхозных объектов энергетики и могут быть использованы в рамках работы по совершенствованию гражданского и гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: бесхозные вещи, энергетика, эксплуатирующая организация, право собственности, бесхозные линейные объекты

LEGAL REGIME OF MISMANAGED PROPERTY IN THE ENERGY SECTOR

O. Simvolokov*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the problems of acquiring ownership of mismanaged energy facilities and develop proposals to overcome them.

Methodology. During the study, general scientific (dialectical) and special (formal-legal, comparative-legal, technical-legal, systemic, empirical, statistical) methods of cognition, methods and techniques of formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.) were used.

Results. The article discusses the main problematic issues of the legal regime of mismanaged property in the energy sector, related to its maintenance, repair and operation, responsibility for reliable and high-quality supply of energy resources to consumers, compensation for the incurred expenses for the operation of the mismanaged energy facilities, the procedure for acquiring ownership of mismanaged energy linear facilities. It is proposed to use a single method of determining such an organization for all energy sectors as an alternative mechanism for choosing an operating organization, which consists in assigning the obligation to maintain, repair and operate an ownerless energy facility to the guaranteeing operating organization. It was concluded that the implementation of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the acquisition by operating organizations of ownership of ownerless linear objects is possible only after eliminating contradictions in the provisions of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation and after making necessary changes to the legislation on state registration of property and civil procedure legislation.

Research implications. The research contributes to the development of the theoretical basis of the institution of acquiring property rights on the mismanaged objects on the example of the mismanaged energy facilities and can be used in the framework of civil and civil procedure law/

Keywords: mismanaged property, energy; operating organization; ownership; mismanaged linear objects

Введение

Надёжное и безопасное функционирование энергетики как отрасли экономики связано с надлежащей эксплуатацией комплекса производственных, передающих и иных объектов, объединённых в энергетические системы (электроэнергетические, системы теплоснабжения, газоснабжения и др.). От устойчивой и непрерывной работы отдельных объектов энергетики и энергетических систем зависит деятельность других отраслей экономики, снабжение потребителей энергетическими ресурсами. Так, электроэнергетика является основой функционирования экономики и жизнеобеспечения¹. Теплоснабжение направлено на обеспечение потребителей тепловой энергией, теплоносителем². Добыча, транспортировка, хранение, поставка газа, снабжение потребителей газом обеспечивается с использованием систем газоснабжения³.

Объекты энергетики и энергетические системы, выполняющие критиче-

ски важные функции жизнеобеспечения, не должны оставаться без надлежащего содержания и обслуживания, должны приниматься меры по предотвращению аварий и катастроф, гибели людей, причинённые убытки должны возмещаться. Потребители должны бесперебойно снабжаться энергетическими ресурсами.

Вместе с тем выявляется значительное количество бесхозных объектов энергетики, что является вызовом энергетической безопасности [2]. В основном речь идёт о бесхозных линейных объектах (объектах электросетевого хозяйства, газораспределительных сетях, сетях теплоснабжения). Бесхозные объекты генерации встречаются реже. Тем не менее такое возможно в связи с развитием распределённой генерации [6] и возобновляемой энергетики [7; 8]. Например, могут появиться бесхозные объекты генерации, ранее принадлежавшие потребителям электрической энергии (солнечные электростанции, ветрогенераторы, мини-ТЭЦ и др.).

При отсутствии активных действий по сокращению количества бесхозных объектов энергетики со стороны субъектов энергетической безопасности может быть причинён ущерб энергетике Российской Федерации, могут быть нарушены права и законные интересы граждан и юридических лиц, создаются причины и усло-

¹ См.: Абз. 2 ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике).

² См.: П. 8 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении).

³ См.: Абз. 4 ст. 2 Федерального закона от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (далее – Закон о газоснабжении).

вия, совершения преступлений в топливно-энергетическом комплексе [1; 11]. В Доктрине энергетической безопасности и Энергетической стратегии сокращение количества бесхозяйных объектов топливно-энергетического комплекса отнесено к задачам и мерам по совершенствованию государственного и корпоративного управления в сфере энергетики¹.

Появление бесхозяйных объектов энергетики связано с ненадлежащим регулированием вопросов перехода права собственности на указанные объекты в процессе акционирования государственных предприятий СССР [9], отсутствием должного разграничения государственной и муниципальной собственности, прекращением деятельности с использованием соответствующего объекта энергетики по объективным и субъективным причинам, значительным количеством сетевых организаций, не способных обеспечить надлежащее содержание энергетических сетей и другими факторами.

**Основные направления развития
теоретических и нормативных
правовых основ института
приобретения права собственности
на бесхозяйные недвижимые вещи
на примеры бесхозяйных объектов
энергетики**

Проблема бесхозяйного имущества в энергетике затрагивает комплекс правовых вопросов, связанных с его содержанием и использованием, ответственностью за надёжное и качественное энергоснабжение, компенсацией понесённых расходов на эксплуатацию, порядком приобретения права собственности.

Только часть этих вопросов (общие правила о порядке приобретения права собственности на бесхозяйные вещи) регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ). Другие вопросы регламентируются отраслевым законодательством, нормативное содержание которого не является полным и единообразным и может существенно отличаться.

Одна из важнейших проблем, с которой сталкиваются участники энергетических отношений в процессе использования бесхозяйных объектов энергетики, заключается в обеспечении надлежащего содержания, ремонта, эксплуатации таких объектов.

Бремя содержания имущества, в т. ч. объектов энергетики, по общему правилу (ст. 210 ГК РФ) возлагается на собственника имущества. Законом или договором могут быть установлены исключения из этого правила, связанные с особенностями регулируемых отношений.

Потребность в передаче на основании закона обязанности собственника по содержанию имущества может быть связана с тем, что вещь является бесхозяйной, т. е. не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался (п. 1 ст. 225 ГК РФ).

В связи с тем, что добровольное принятие каким-либо субъектом энергетики на себя бремени содержания бесхозяйных объектов и несения расходов, связанных с их эксплуатацией, при отсутствии определённости в последующем переходе права собственности к такому лицу и возможности компенсации возникающих расходов на содержание бесхозяйных объектов энергетики является маловероятным, то для исключения возможных неблагоприятных последствий для энергетических систем и потребителей в энергетическом законодательстве, как правило, закрепляются императивные нормы, предусматривающие временное (до определения собственника бесхозяйных объектов энергетики в судебном порядке) возложение

¹ Пп. «к» п. 25 Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации»; Гл. 4 раздела IV Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г., утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года».

бремени содержания бесхозяйных объектов энергетики на определённых субъектах.

Каким образом определяется надлежащий субъект, обязанный осуществлять временное содержание бесхозяйного объекта энергетики? Законодательство предусматривает различные варианты ответа на данный вопрос.

Например, Законом об электроэнергетике (п. 4 ст. 28) предусмотрено возложение бремени содержания бесхозяйных объектов электросетевого хозяйства и других объектов электроэнергетики на эксплуатирующие организации.

В соответствии с Законом о теплоснабжении (ч. 4 ст. 8, ч. 5–6.6 ст. 15, ч. 12 ст. 23.8) содержание бесхозяйного объекта теплоснабжения может быть возложено на одного из 3-х субъектов: орган местного самоуправления, теплосетевую организацию или единую теплоснабжающую организацию. Орган местного самоуправления в силу закона обязан обеспечивать эксплуатацию бесхозяйного объекта теплоснабжения до вынесения им решения о закреплении такой обязанности за эксплуатирующей организацией (теплосетевой организацией или единой теплоснабжающей организацией). При этом орган местного самоуправления совершает предварительные действия по выявлению бесхозяйного объекта теплоснабжения и постановке его на учёт. Вместе с тем такое решение органа местного самоуправления может неверно определять надлежащую эксплуатирующую организацию. Так, Арбитражный суд Уральского округа признал незаконным распоряжение администрации муниципального образования об определении эксплуатирующей организации для бесхозяйных объектов теплоснабжения в связи с её несоответствием критериям теплоснабжающей организации или единой теплоснабжающей организации¹.

Закон о газоснабжении не содержит норм, прямо предусматривающих порядок определения лица, на которое возлагается бремя содержания бесхозяйных объектов газоснабжения. В сфере газоснабжения содержание бесхозяйных газораспределительных сетей возлагается на эксплуатирующие организации. По этому пути идёт судебная практика².

В электроэнергетике и газоснабжении орган местного самоуправления не рассматривается в качестве возможного субъекта, обязанного содержать бесхозяйные объекты электроэнергетики. При этом также не требуется вынесения решения органа местного самоуправления об определении эксплуатирующей организации, которая обязана осуществлять содержание бесхозяйных объектов энергетики. Так, надлежащей эксплуатирующей организацией в отношении бесхозяйных объектов распределительного электросетевого комплекса является организация, которая соответствует критериям отнесения к территориальной сетевой организации, к её сетям непосредственно присоединены бесхозяйные электрические сети, указанные сети используются для оказания услуг по передаче электрической энергии.

Эксплуатирующая организация обязана самостоятельно установить наличие указанных обстоятельств, обязывающих её осуществлять эксплуатацию бесхозяйных электрических сетей. Эксплуатирующая организация в сфере электроэнергетики и газоснабжения должна также самостоятельно установить факт бесхозяйности соответствующего объекта энергетики. Обоснованный вывод об отсутствии собственника у конкретного объекта энергетики эксплуатирующая организация делает в силу необходимости использования смежных бесхозяйных объектов энергетики для оказания услуг по передаче электрической энергии (газа) своим потребителям,

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.09.2021 № Ф09-5732/21 по делу № А76-40668/2019 // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/38860278/> (дата обращения: 08.06.2022).

² *Напр.*: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2021 № 19АП-329/2021 по делу № А64-5530/2020 // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/64378391/> (дата обращения: 08.06.2022).

а также в связи с отсутствием договорных отношений на оказание услуг по передаче электрической энергии (газа) по смежным бесхозяйным сетям и расходов по оплате данных услуг, совершением фактических действий по поддержанию бесхозяйных сетей в исправном состоянии. При этом в случае сомнений в возникновении обязанности по содержанию бесхозяйных сетей или уклонения территориальной сетевой организации (газораспределительной организации) от её исполнения факт бесхозяйности объектов электроэнергетики устанавливает суд¹.

Таким образом, в сфере энергетики применяется 2 правовых механизма определения организации, обязанной эксплуатировать бесхозяйные объекты энергетики. Для первого механизма, применяемого в электроэнергетике и газоснабжении, имеют значение факты того, что энергетические объекты эксплуатирующей организации должны быть непосредственно присоединены к бесхозяйным объектам энергетики (территориальность), приниматься на обслуживание самостоятельно без санкционирования со стороны органов государственной власти или органов местного самоуправления (автономность) только одной эксплуатирующей организацией (исключительность), в качестве которой выступает организация, осуществляющая профессиональную деятельность (например, оказание услуг по передаче электрической энергии) в сфере энергетики (профессиональность). Для второго механизма свойственны экстерриториальность (в качестве эксплуатирующей организации может быть определена единая теплоснабжающая организация, объекты

теплосетевого хозяйства которой могут не иметь непосредственного присоединения к бесхозяйным объектам энергетики), зависимость (эксплуатирующая организация определяется решением органа местного самоуправления), множественность (в качестве лица, обязанного осуществлять содержание бесхозяйного объекта теплоснабжения может выступать орган местного самоуправления, теплосетевая организация, единая теплоснабжающая организация), непрофессиональность (орган местного самоуправления может непосредственно нести расходы на содержание бесхозяйных объектов энергетики).

Главными причинами недостатков каждого способа определения эксплуатирующей организации является отсутствие непротиворечивых норм, обеспечивающих оперативность и бесспорность выбора соответствующей организации, наличие неопределённости в содержании правоспособности соответствующей эксплуатирующей организации [4], что способствует возникновению рисков надёжного и безопасного энергоснабжения, увеличению некомпенсируемых расходов субъектов энергетики.

Кроме того, отсутствие норм, которые способствовали бы оперативному определению эксплуатирующей организации, на практике приводит к злоупотреблениям со стороны таких организаций, которые, например, пытаются переложить бремя содержания бесхозяйных объектов энергетики на потребителей за счёт перераспределения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности. Суды и антимонопольные органы в таких случаях защищают интересы потребителей, указывая, что: бесхозяйные сети не должны входить в зону эксплуатационной ответственности потребителя²; разграничение балансовой принадлежности и экс-

¹ См.: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 02.11.2017 по делу № А53-14247/2017 // Судебные и нормативные акты: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/L3fBv26l3RmX/> (дата обращения: 08.06.2022); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.12.2019 № Ф08-11339/2019 по делу № А53-32130/2018 // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=150843#QNjt3ATkj3XPznKs> (дата обращения: 08.06.2022).

² См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.2020 № Ф09-7177/20 по делу № А07-23835/2019 // Консультант Плюс: [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=220758#bOFw3ATQBdUo2Jpr> (дата обращения: 08.06.2022).

платационной ответственности не подтверждает возникновение вещных прав, если право собственности на бесхозный объект не зарегистрировано¹; принуждение потребителя к соглашению с целью изменения границ балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности на него является злоупотреблением доминирующим положением в форме навязывания невыгодных условий договора².

В качестве альтернативного механизма выбора эксплуатирующей организации может быть предложено использовать единый способ определения такой организации для всех сфер энергетики, состоящий в закреплении обязанности по содержанию, ремонту и эксплуатации бесхозного объекта энергетики за одним субъектом, в качестве которого должна выступать организация, осуществляющая профессиональную деятельность в соответствующей сфере энергетики на территории соответствующего субъекта или субъектов РФ, независимо от наличия непосредственного присоединения объектов энергетики такой организации к бесхозным объектам (гарантирующая эксплуатирующая организация). Орган местного самоуправления должен быть освобождён от непосредственного осуществления хозяйственных функций по содержанию бесхозных объектов и осуществлять организацию в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации³.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2021 № Ф05-12426/2019 по делу № А41-87457/2018 // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/69120278> (дата обращения: 08.06.2022).

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.02.2021 № Ф04-6542/2020 по делу № А27-1493/2020 // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/38271813> (дата обращения: 08.06.2022).

³ См.: п. 4 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 08.06.2022).

Определённое влияние на вовлечение органов местного самоуправления в имущественные отношения по содержанию бесхозных объектов энергетики оказывает постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», толкование которого позволяет относить объект энергетики, который не имеет собственника, не к бесхозному имуществу, а к объектам публичной собственности [3, с. 155, 156].

Возложение на органы местного самоуправления и уполномоченные государственные органы обязанности нести расходы на содержание бесхозных объектов энергетики является адаптацией компетенций публичных органов, которая позволяет сохранять механизмы устойчивого организационно-правового воздействия на общественные, естественные и технические процессы на определённом этапе развития государства и права. Вместе с тем такое регулирование компетенций приводит к нарушению законности и «сбоям» в работе публичных органов, которые должны устраняться [10, с. 5].

Таким образом, предлагаемый способ определения гарантирующей эксплуатирующей организации должен отвечать признакам исключительности, автономности, экстерриториальности, профессиональности деятельности указанной организации.

Реализация предлагаемого способа установления гарантирующей эксплуатирующей организации позволит исключить неопределённость и неоперативность при выборе лица, обязанного содержать бесхозные объекты энергетики, освободить органы местного самоуправления от осуществления несвойственных им функций, сократить количество сетевых организа-

[consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/) (дата обращения: 08.06.2022).

ций, возложить обязанность по содержанию бесхозяйных объектов энергетики на организации, располагающие наибольшими экономическими, профессиональными и организационными возможностями.

В зависимости от сферы энергетики и, соответственно, применяемого способа определения эксплуатирующей организации ответственность за надёжность обеспечения энергией и её качество перед потребителями в соответствии с действующим регулированием может возлагаться на органы местного самоуправления или субъектов энергетики (территориальные сетевые организации, единые теплоснабжающие организации и др.) [5, с. 64].

В свою очередь организации, на которые возлагается обязанность по эксплуатации бесхозяйных объектов энергетики и бремя их содержания, могут претендовать на компенсацию расходов, возникших в связи с обеспечением надлежащего функционирования бесхозяйных объектов энергетики.

При этом экономически обоснованные расходы эксплуатирующих организаций, связанные с обеспечением функционирования бесхозяйных объектов энергетики, учитываются при установлении цен (тарифов) для таких организаций (п. 4 ст. 28 Закона об электроэнергетике, ч. 4 ст. 8 Закона о теплоснабжении).

Экономически обоснованные расходы на содержание бесхозяйных сетей, включая нормативные потери в таких сетях, в итоге оплачивают конечные потребители в составе тарифа на услуги по передаче электрической энергии. При этом сверхнормативные потери не являются экономически обоснованными и не должны включаться в тариф на услуги по передаче электрической энергии, установленный для эксплуатирующих организаций. Потребители электрической энергии не должны оплачивать сверхнормативные потери как в составе тарифа на услуги по передаче электрической энергии, так и в составе платы за электрическую энергию¹.

¹ См.: Решение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.10.20 № ВАС-10864/13

С какого момента эксплуатирующая организация вправе требовать компенсации понесённых расходов путём их включения в соответствующие тарифы? Этот момент различается и зависит от способа определения эксплуатирующей организации. Так, теплосетевая организация вправе потребовать включения расходов, понесённых на содержание бесхозяйных тепловых сетей, с момента принятия решения органом местного самоуправления о закреплении этих сетей за данной организацией.

Экономически обоснованные расходы на содержание бесхозяйного объекта энергетики, понесённые ненадлежащей эксплуатирующей организацией, которая ошибочно полагала, что действует как эксплуатирующая организация, не включаются в тариф для данной организации, приводят к неосновательному обогащению надлежащей эксплуатирующей организации и подлежат возмещению по правилам о возврате неосновательного обогащения.

ГК РФ (ст. 225) предусматривает общий порядок приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи, который в т. ч. применительно к бесхозяйному объекту энергетики, включает:

1) обращение с заявлением о постановке на учёт такого объекта в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество (орган регистрации прав);

2) принятие органом регистрации прав бесхозяйного объекта энергетики на учёт и осуществление учёта такого объекта в течение установленного срока;

3) обращение в суд общей юрисдикции с заявлением о признании права собственности на бесхозяйный объект энергетики.

«О признании пункта 55.1 Методических указаний по расчёту регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке, утв. Приказом Федеральной службы по тарифам от 06.08.2004 № 20-э/2, не соответствующим нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу» // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Uz9GJl1Fm1YK/> (дата обращения: 08.06.2022).

Орган регистрации прав осуществляет учёт бесхозяйных недвижимых объектов энергетики в соответствии с Порядком принятия на учёт бесхозяйных недвижимых вещей¹.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (гл. 33) устанавливает процедуру признания права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен.

В ГК РФ были внесены изменения², предусматривающие особенности приобретения права собственности на бесхозяйные линейные объекты: установление сокращенного трехмесячного срока учёта таких объектов органом регистрации прав; предоставление органу, уполномоченному управлять муниципальным имуществом, уполномоченному государственному органу города федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга или Севастополя, эксплуатирующей организации права обращения в орган регистрации прав с заявлением о постановке бесхозяйного линейного объекта на учёт, а также права обращения в суд с заявлением о признании права собственности на бесхозяйный линейный объект по истечении указанного срока.

По существу новеллы призваны решить давнюю проблему бесхозяйных энергетических сетей. Практика признания права государственной или муниципальной собственности на бесхозяйные объекты сетевого хозяйства была негативной в силу фактического уклонения органов государственной власти и органов местного самоуправления от инициирования их учёта бесхозяйных сетей и последующего приоб-

ретения на них права собственности с вытекающими последствиями, связанными с необходимостью содержания такого имущества.

Сетевые организации в различных сферах энергетики, которые в соответствии с законодательством обязаны осуществлять эксплуатацию бесхозяйных сетей, являются теми субъектами, которые обладают необходимыми техническими и профессиональными компетенциями по обеспечению функционирования энергетических линейных объектов. Органы местного самоуправления и органы государственной власти не могут эти функции осуществлять непосредственно. Для этого потребуется создавать специализированные юридические лица, основанные на государственной или муниципальной собственности (государственные или муниципальные унитарные предприятия и учреждения), либо создавать юридические лица, основанные на частной собственности, либо передавать сети в аренду, безвозмездное пользование третьим лицам. Создание новых юридических лиц приведёт к увеличению числа сетевых организаций, что не соответствует стратегическим целям развития энергетики, в т. ч. целям развития электросетевого комплекса РФ.

Предоставление эксплуатирующей организации возможности обращаться с заявлением о постановке на учёт бесхозяйного линейного объекта в орган регистрации прав, а в дальнейшем в суд с заявлением о признании права собственности на бесхозяйный линейный энергетический объект позволит передавать в собственность бесхозяйные объекты энергетики тем лицам, которые могут эффективно их использовать в своей профессиональной деятельности.

Вместе с тем реализация указанных возможностей может столкнуться с определёнными препятствиями, связанными как с недостатками материально-правового, так и процессуально-правового регулирования.

В связи с расширением круга заинтересованных лиц, которые могут обратиться

¹ Утверждён приказом Минэкономразвития России от 10.12.2015 № 931 «Об установлении Порядка принятия на учёт бесхозяйных недвижимых вещей» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71385080/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 08.06.2022).

² См.: Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404036/ (дата обращения: 08.06.2022).

в орган регистрации прав, вполне вероятно ситуация конкуренции заявлений о постановке бесхозяйного линейного объекта на учёт, когда такое заявление подаётся разными лицами (например, уполномоченным государственным органом г. Москвы и территориальной сетевой организацией либо разными эксплуатирующими организациями, например, единой теплоснабжающей организацией и тепло-сетевой организацией). Для подобных случаев можно было бы предусмотреть в ГК РФ порядок установления права приоритета на подачу заявления соответствующим лицом.

Также неопределённость возникает и в тех случаях, когда лицо, управомоченное на обращение в орган регистрации прав с заявлением о постановке бесхозяйного объекта на учёт (например, орган местного самоуправления), по истечении трехмесячного срока учёта уклоняется от обращения в суд с заявлением о признании права собственности на бесхозяйный объект. Вправе ли другое управомоченное лицо (например, сетевая организация) обратиться в суд с заявлением о признании права собственности в случае уклонения другого управомоченного лица от обращения в суд? Следует предположить, что такую возможность следует предоставить другому заинтересованному лицу. При этом не должно иметь значения, что заявление о постановке на учёт было подано органом местного самоуправления или сетевой организацией. Существенное значение имеет сокращение количества бесхозяйных линейных объектов.

Реализация нормы п. 5 ст. 225 ГК РФ, закрепляющей право эксплуатирующей организации на обращение с заявлением о постановке на учёт в регистрирующий орган, а также право этой организации на обращение в суд с требованием о признании права собственности на бесхозяйный линейный объект блокируется нормами законодательства о регистра-

ции недвижимости¹, а также нормами гражданского процессуального законодательства (гл. 33 ГПК РФ), которые не предусматривают возможности подачи заявления эксплуатирующими организациями. Орган регистрации прав вернёт заявление эксплуатирующей организации о постановке бесхозяйного линейного объекта на учёт, а суд общей юрисдикции вернёт ей заявление о признании права собственности на бесхозяйный линейный объект в связи с тем, что указанные заявления поданы неуправомоченным лицом.

Заключение

В качестве альтернативного правового механизма выбора эксплуатирующей организации предлагается использовать единый способ определения такой организации для всех сфер энергетики, состоящий в закреплении обязанности по содержанию, ремонту и эксплуатации бесхозяйного объекта энергетики за гарантирующей эксплуатирующей организацией.

При этом полноценная реализация норм ГК РФ о приобретении эксплуатирующими организациями права собственности на бесхозяйные линейные объекты возможна только после устранения противоречий в положениях ст. 225 ГК РФ, а также после внесения необходимых изменений в законодательство о государственной регистрации недвижимости и гражданское процессуальное законодательство.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 08.06.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горенская Е. В., Фомин В. В. Криминогенная ситуация в топливно-энергетическом комплексе. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ, 2013. 92 с.
2. Горенская Е. В., Денисов Н. Л. К вопросу обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности топливно-энергетического комплекса // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации: сб. трудов Международной науч.-практ. конференции, Москва, 28 мая 2021 г. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 146–151.
3. Иванишин П. З. К вопросу об учёте бесхозяйного имущества в сфере электроснабжения // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сб. мат-лов II междуна. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Габова. Белгород, 2021. С. 152–156.
4. Символоков О. А. Проблемы правоспособности юридических лиц в сфере электроэнергетики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 32–35.
5. Символоков О. А. Ответственность за нарушение договорных обязательств в сфере электроэнергетики // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 63–74.
6. Символоков О. А. Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации // Гражданское право. 2020. № 4. С. 7–10.
7. Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 186 с.
8. Символоков О. А. Перспективы правового регулирования «зеленой» сертификации электрической энергии // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сб. мат-ов II междуна. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Габова. Белгород, 2021. С. 134–138.
9. Сыров А. Н. Управление на муниципальном уровне бесхозяйными объектами инженерной инфраструктуры // Вопросы региональной экономики. 2020. № 3. С. 111–117.
10. Тихомиров Ю. А. Динамика компетенций публичных органов в нормальных и критических ситуациях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 3. С. 5–16.
11. Экономическая безопасность (уголовно-правовой формат) / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2021. 320 с.

REFERENCES

1. Gorenskaya E. V., Fomin V. V. *Kriminogennaya situatsiya v toplivno-energeticheskom komplekse* [Criminogenic situation in the fuel and energy complex]. Moscow, Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut MVD RF Publ., 2013. 92 p.
2. Gorenskaya E. V., Denisov N. L. [On the issue of ensuring the economic security of the fuel and energy complex by the internal affairs bodies]. In: *Ugolovno-pravovaya okhrana konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan, suvereniteta i territorialnoy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 28 maya 2021 g. [Criminal law protection of constitutional rights and freedoms of citizens, sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation: collection of articles. Proceedings of the International scientific and practical conferences, Moscow, May 28, 2021]. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2021, pp. 146–151.
3. Ivanishin P. Z. [On the issue of accounting for ownerless property in the field of electricity supply]. In: Gabova A. V., ed. *Energeticheskoye pravo: modeli i tendentsii razvitiya: sbornik materialov II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Energy Law: Models and Development Trends: collection of materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Belgorod, 2021, pp. 152–156.
4. Symbolokov O. A. Problems of legal capacity of legal entities in the field of electric power industry. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 6, pp. 32–35.
5. Symbolokov O. A. [Responsibility for violation of contractual obligations in the field of electric power industry]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2018, no. 5, pp. 63–74.
6. Symbolokov O. A. [Formation of civil law mechanisms to support distributed generation]. In: *Grazhdanskoye pravo* [Civil law], 2020, no. 4, pp. 7–10.
7. Symbolokov O. A. *Dogovory v elektroenergetike: problemy teorii i praktiki* [Contracts in the electric power industry: problems of theory and practice]. Moscow, Infotropic Media Publ., 2021. 186 p.

8. Symbolokov O. A. [Prospects for the legal regulation of «green» certification of electrical energy]. In: Gabov A. V., ed. *Energeticheskoye pravo: modeli i tendentsii razvitiya: sbornik materialov II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Energy Law: Models and Development Trends: collection of materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Belgorod, 2021, pp. 134–138.
9. Syrov A. N. [Management at the municipal level of ownerless objects of engineering infrastructure]. In: *Voprosy regionalnoy ekonomiki* [Issues of regional economics], 2020, no. 3, pp. 111–117.
10. Tikhomirov Yu. A. [Dynamics of the competences of public bodies in normal and critical situations]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2021, vol. 25, no. 3, pp. 5–16.
11. Kucherov I. I., Zaitsev O. A., Nudel S. L., eds. *Ekonomicheskaya bezopasnost (ugolovno-pravovoy format)* [Economic security (criminal legal format)]. Moscow, 2021. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Символоков Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: simvolokovo@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Simvolokov – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: simvolokovo@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Символоков О. А. Правовой режим бесхозяйного имущества в энергетической сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 58–68.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-58-68

FOR CITATION

Simvolokov O.A. Legal Regime of Mismanaged Property in the Energy Sector. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 58–68.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-58-68

УДК 347.441.142

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-69-78

ОФЕРТА, АКЦЕПТ И МОМЕНТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА МЕЖДУ ПРИСУТСТВУЮЩИМИ

Кирпичев А. Е.¹*Российская таможенная академия**140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация**Российский государственный университет правосудия**117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обосновать существование стадий оферты и акцепта при заключении договора между присутствующими (*inter presentes*), отрицаемое во многих современных публикациях о российском праве.

Процедура и методы. Исследована юридическая доктрина по вопросу заключения договора, в т. ч. неклассические подходы к договорному регулированию. Использованы методы эмпирического правового исследования для определения соотношения законодательно предопределённых представлений о договоре с реальной договорной работой.

Результаты. Сделан вывод, что квалификация российскими судами проекта договора, подписанного одной из сторон, в качестве оферты является теоретически верным и аксиологически отвечает целям существования категории «момент заключения договора».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют рассматривать такие современные явления, как click-договор, wrap-договор через призму схемы оферта – акцепт. Кроме того, противники универсальности этой схемы получают аргументы для дальнейшего опровержения в ходе научной дискуссии.

Ключевые слова: договорное обязательство, реляционный договор, дискретный договор, договорное регулирование, сделкоподобные факты

OFFER, ACCEPTANCE AND THE MOMENT OF THE CONTRACT FORMATION BETWEEN THOSE PRESENT

A. Kirpichev*Russian Custom Academy**Komsomolskiy pr. 4, Lyubertsy 140015, Moscow region, Russian Federation**Russian State University of Justice**ul. Novocheremushkinskaya 69a, Moscow 117418, Russian Federation*

Abstract

Aim. To substantiate the existence of the stages of offer and acceptance when concluding an agreement between those present (*inter presentes*), which is denied in many modern publications on Russian law.

Methodology. The legal doctrine on the issue of concluding a contract, including non-classical approaches to contractual regulation, has been studied. The methods of empirical legal research are used to determine the correlation of legally predetermined ideas about the contract with real contractual work.

Results. It is concluded that the qualification of the draft agreement signed by one of the parties as an offer in the courts of Russia is theoretically correct and axiologically meets the goals of the existence of the concept «the moment of conclusion of the contract».

Research implications. The results of the study allow us to consider such modern phenomena as click-contract, wrap-contract through the prism of the offer-acceptance scheme. In addition, the opponents of this scheme universality receive arguments for further refutation in the course of scholar discussion.

Keywords: contractual obligation, relational contract, discrete contract, contractual regulation, deal-like facts

Введение

Вопрос заключения договора в так называемом общем порядке (без проведения торгов, иных формализованных конкурентных процедур, либо признания судом договора заключённым на определённых условиях) естественным образом является центральным в теории договорного права, как в доктрине стран романо-германской семьи, где договорное право признаётся частью обязательственного, а оно, в свою очередь, частью частного, так и в не столь многоуровневой англосаксонской семье. Правовая система может строиться вокруг разных центральных категорий – правоотношения, как в России и других постсоциалистических странах Евразии, правовой ситуации, как во Франции, правопритязаний, как в Германии. Родовым понятием для договора может признаваться соглашение (ст. 1321 Итальянского ГК, ст. 420 ГК РФ) либо обещание (ст. 1 Свода (Второго) договорного права США). Независимо от приведённых и иных отличий в любом случае современные правовые системы, так называемой западной традиции права, включили категории оферты и акцепта как часть своего понятийного аппарата.

Одновременно с этим в литературе, в особенности в российской, категории оферты и акцепта в ряде случаев продолжают рассматривать как существующие при заключении договора между отсутствующими, указывая, что только к такому случаю относятся общие положения ГК РФ о заключении договора [6]. Противопоставление обмена офертой и акцептом заключению договора между присутствующими нередко происходит между делом, как само собой разумеющееся [4]. Между тем в литературе справедливо указывается на опасность восприятия обмена офертой и акцепта не как универсального порядка заключения договора, а лишь как одного из вариантов наряду с его совершением в форме единого документа [5]. Последний вариант, в свою очередь, нередко представлен при заключении договора между присутствующими, который традиционно противопоставляется заключению договора между отсутствующими.

Понятия оферты и акцепта

В полном соответствии с природой понятия как такового формы мышления оферта и акцепт стали формами мышления юристов, укоренившись как в нормах права, так и в правосознании. Логическая природа этих универсальных и одновременно с этим являющихся результатом интеллектуальной деятельности конкретных философов и юристов понятий описана, в частности, Х. Коллинзом, указывающим, что понятия оферты и акцепта являются не описанием фактов, а заключением права о фактах [9, р. 36], т. е. оферта и акцепт – это не сами по себе явления реальной или экономической действительности, а их восприятие правом.

Хотя вопрос о форме акцепта подлежит самостоятельному и, скорее всего, монографическому исследованию, нельзя обойти вниманием вопрос о соотношении оферты, акцепта и конклюдентных условий. Выше мы согласились со справедливым и обоснованным беспокойством о недопустимости девальвации значения категорий оферты и акцепта до заключения договора между отсутствующими [5]. Однако нельзя согласиться с одним из аргументов, что «в норме п. 2 ст. 158 ГК РФ речь идёт о совершении устной сделки одним лицом посредством совершения конклюдентного действия» [5]. Конклюдентные действия – это исторически сложившаяся форма акцепта. Само название «конклюдентный» этимологически восходит к согласию. Ни односторонняя сделка, ни оферта не являются согласиями в отличие от акцепта. Возможно, иное восприятие происходит из-за того, что в русском юридическом языке устойчивым словосочетанием стали «конклюдентные действия», а не более полное «акцепт конклюдентными действиями», впрочем, и в воспринявшем категории оферты и акцепта «римском праве» (фактически немецкой юриспруденции) речь идёт не только про «Annahme durch Konkludentes handeln» – акцепт конклюдентными действиями [21], но и про «молчаливое» (фактические) при-

нятие наследства (*pro herede gestio*) как конклюдентные действия [20]. Но всё-таки подобное видится скорее результатом естественной параллели: и акцептант, и наследник являются носителями секундарного гражданского права, которое возникло, помимо прочего, в силу совершения действий (оферты, завещания) другим лицом, либо его бездействия (наследник по закону не был лишён наследодателем наследства), поэтому, даже являясь односторонней сделкой, фактическое принятие наследства всё равно предполагает согласие с чем-то ей предшествующим, что может отчасти оправдать подобную терминологию.

К сожалению, вопрос о родовом понятии для оферты и акцепта остаётся открытым. В одном аспекте решить его достаточно просто, указав, что они являются юридически значимыми сообщениями (ст. 165.1 ГК РФ). И оферта, и акцепт были юридическими трансплантатами [14]. Таковой является и категория юридической сделки. При буквальном прочтении определения сделки, данного в ст. 153 ГК РФ, оферта и акцепт могут быть квалифицированы как сделки. Хотя это противоречит доминирующей позиции «на Родине» учения о юридической сделке [8, р. 100], согласно которой сами по себе ни оферта, ни акцепт сделками не являются, но является естественным последствием того, что юридические трансплантаты, становясь частью очередной правовой системы, приобретают там иное содержание. В связи с этим используемый в науке сравнительного правоведения термин «трансплантат» является не совсем удачным, речь идёт о копировании, воспроизводстве элемента одной системы в другой. Тем не менее, подобно языковым когнатам, такие «юридические когнаты» сохраняют между собой содержательную связь, поэтому эволюция содержания некогда реципированной категории в изначально породившей её правовой системе может влиять и на её содержание в иных правовых системах.

Произошедшая в 2013 г. реформа российского гражданского законодательства привела к появлению новых видов

действий в системе юридических фактов отечественного гражданского права, например, были введены подобные юридическим фактам традиционных отраслей публичного права решения собраний (гл. 9.1 ГК РФ), реципированное из германского Zustimmung согласие на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ), уже упомянутое выше юридически значимое сообщение, и это поставило вопрос о том, расширять ли содержание понятия сделки, чтобы оно безусловно их включило или, напротив, полагать, что в гражданском праве существуют сделкоподобные юридические факты, т. е. юридические акты, не являющиеся сделками. От выбора одного из этих путей зависит и восприятие того, что является надлежащим родовым понятием для оферты и акцепта. Пока что в качестве доктринального родового понятия можно назвать только стадию заключения договора, хотя оно не проливает свет на какие-либо свойства его видов и поэтому само по себе не имеет достаточной ценности.

Ценность универсальности категорий оферты и акцепта

Юридические конструкции должны обладать аксиологическим измерением, выступая носителем определённых ценностей, в противном случае, наука может скатиться до споров о соотношении категорий объекта и предмета. В. В. Груздев [1, с. 199] указывает, что выделение оферты и акцепта между присутствующими лишено практического смысла. Это утверждение само по себе представляется слишком категоричным по сравнению, например, с более мягкой и традиционной позицией, что при акцепте оферты присутствующим оферентом проблемы минимальны [18], что видится более предпочтительным, отражая ограниченность эмпирических данных в догматических исследованиях.

Существует при этом и более радикальная позиция, утверждающая, что такое выделение не просто не практично, но и порождает проблемы. Так, Ю. Тарасенко приводит в качестве примера использова-

ния иного (по отношению к схеме оферта-акцепт) способа заключения договора ситуацию, когда подготовленный в результате переговоров проект договора подписывают 2 руководителя юридических лиц-контрагентов [7]. Из текста статьи указанного автора следует, что опасность квалификации подписей в качестве оферты или акцепта состоит в том, что искажается представление, кто в действительности из сторон предлагал условия договора.

Но ведь ценность категорий оферты и акцепта не в том, чтобы определить сторону, предложившую те или иные условия! В этом отношении можно даже согласиться с п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»: составитель договора – это не обязательно оферент. Значение же выделения оферты и акцепта – в определении момента заключения договора.

В доктринах разных стран ведутся споры, является ли заключение договоров через Интернет и иные электронные сети заключением договоров между присутствующими или между отсутствующими [12; 15; 17].

Обзор разнообразных точек зрения на квалификацию договоров в электронных сетях и аргументации их авторов находилась бы за пределами настоящей статьи, но глубину дискуссии можно проиллюстрировать тем, что в специализированной литературе предлагается различать:

1) информационные договоры между присутствующими, но с использованием информационных технологий;

2) дистанционные (телематические) договоры между отсутствующими;

3) виртуальные договоры в широком смысле: дистанционные контракты, заключённые с использованием специальных коммуникационных технологий на основе сети Интернет;

4) виртуальные договоры в строгом смысле: асимметричные договоры, заключаемые на онлайн-платформах путём нажатия кнопки;

5) цифровые договоры – информационные или телематические договоры, заключённые с использованием электронной подписи (бесбумажный договор);

6) кибердоговоры – договоры, заключённые с помощью программного агента-посредника [11].

Заметим, что аналогичные споры велись в XX в. по поводу квалификации заключения договоров посредством телефаксов и телетайпов и тоже охватили разные правовые системы [13; 19]. При этом в Индии вопрос о том, как определить момент заключения договора по телефону (квалифицированного судами как заключение договора между присутствующими), выявил пробел позитивного права и вынудил суды ради принципов *law of equity* отойти от заимствованного из английского права правила *mailbox rule* (заключённость с момента акцепта) в пользу принятого в континентальном праве положения о получении акцепта [19], аналогичного российскому правилу п. 1 ст. 433 ГК РФ.

Таким образом, нерешённость в правовой системе вопроса о применимости категорий оферты и акцепта для заключения договора между присутствующими потенциально вредит последующим исследованиям более современных явлений – *click-договоров*, *wtar-договоров* и т.д. Нерешённые доктриной проблемы накапливаются и затрудняют реакцию на новые вызовы. В отношении вопроса существования оферты и акцепта между присутствующими риск обусловлен появлением публикаций, отрицающих это явление без какой-либо аргументации.

Однако, если оставить вопрос о заключении договоров в электронных сетях как появившийся объективно позже, чем проблема, вынесенная в заглавие настоящей статьи, то нужно определить ценность решения поставленной проблемы.

Действительно, для избежания субъективизма в постановке цели, необходимо ответить на вопрос, имеет ли знание о моменте заключения договора (в частности, между присутствующими) ценность, кро-

ме реализации психологического устремления к упорядочиванию мира?

Экономические, моральные и иные взаимоотношения между субъектами обычно не имеют ярко выраженной точки начала. Напротив, регулируя договорное обязательство как образцовое юридическое правоотношение, право стремится к чёткому выделению начальной и конечной точки. Исходя из предложенной Х. Коллинзом концепции договора можно представить договорное обязательство как искусственно (юридически) обособленный фрагмент из непрерывных взаимоотношений сторон [9]. Заметим, что концепция Коллинза родилась в результате рефлексии одной из самых известных неклассических теорий договора – теории реляционного договора Й. Макнила, разделившего договоры на связанные с иными (реляционные) и несвязанные (дискретными). Примечательно, что по справедливому замечанию М. Айзенберга [10], сам Макнил и его последователи не смогли привести значимых примеров дискретного договора, ведь так или иначе любой договор оборачивается элементом более сложного реального или хотя бы потенциального социального взаимодействия. Посетитель магазина становится объектом рекламных и иных акций (скидочных программ, промоакций и т. д.), представляющих собой с юридической точки зрения некие правоотношения, являющиеся предварительными по отношению к будущему договорному отношению.

Приводимые сторонниками теории реляционного договора примеры (встреча 2-х путников на дороге или покупка путешественником в далеком городке бутылки местного напитка, с которыми (городком, магазином и напитком) он более никогда не хотел бы встречаться и даже рекомендовать своим кому-либо) вызывают улыбку не только у цитирующего их Айзенберга [10] и являются, вероятно, формой самоиронии. Можно объяснить, что сторонники теории реляционных договоров начинают видеть их признаки в каждой сделке. Можно категорично заявить, что

дискретных (не являющихся частью более продолжительных отношений) договоров не существует, также как действующих юридических лиц, не находящихся в отношениях аффилированности [2]. Можно отчаянно искать дискретные договоры на практике. Но все эти варианты предполагают, что дискретный договор – это не редкое, а весьма распространённое явление договорного права, а относительный дискретный договор как отношение с чёткими рамками – фикция.

Действительно, чем-то утверждение, что существует точный момент заключения договора, и до этого стороны не приступают к исполнению обязанностей, сродни фикции либо юридическому мифу. Наличие договора в будущем уже само по себе может заставлять стороны приступать к его исполнению, что подтверждается эмпирически. Нетрудно представить себе кафе, где готовить бизнес-ланч начинают ещё до появления клиентов. Можно возразить, что такая деятельность является своеобразной инвестицией, рискованным вложением в надежду, что обеспечиваемая началом исполнения ещё до заключения договора скорость окажется конкурентным преимуществом, а фактическое наполнение зала будет соответствовать прогнозам. Но как объяснить сотни судебных актов, в которых суды указывают, что те или иные элементы исполнения или документы существовали ранее заключения договора? Так, поиск с использованием СПС КонсультантПлюс показывает, что за 2021 г. имеется 261 судебный акт, в которых встречается точная фраза «ранее даты заключения договора».

Хотя возможность ретроактивного действия договора напрямую предусмотрена ст. 425 ГК РФ во многих случаях датирование документов ранее даты заключения договора трактуется судами отрицательно, исключая возможность включения опосредованных ими отношений в сферу его действия. Примечательно, что суды, являясь в социологическом смысле частью правовой системы, в основном отрицательно относятся к существованию договорных отно-

шений до договора. По одному из дел суд счёл, что заключение договора субподряда до заключения договора подряда означает, что первый договор не был договором субподряда. «Факт заключения договора субподряда ранее даты заключения договора подряда наряду с иными обстоятельствами оценивается как доказательство отсутствия субподрядных отношений. При этом для распространения действия договора на отношения сторон, возникшие до даты его заключения, необходимо прямое указание на это в договоре»¹.

Указание на период времени «ранее даты заключения договора может использоваться в качестве аргумента об абсурдности буквального толкования текста соглашения. Так, по одному из дел суд указал следующее: «По условиям Договора арендные платежи Арендатор вносит не позднее 15-го числа месяца, предшествующего расчётному. При этом срок оплаты аренды за период с 10.11.2019 по 30.11.2019 сторонами не согласован. Буквально толкуя условия договора, арендная плата за ноябрь 2019 г. должна быть оплачена до 15 октября 2019 г., т. е. ранее даты заключения договора. Стороны не урегулировали срок оплаты арендной платы за ноябрь 2019 г. Из условий договора не следует, что арендная плата за ноябрь 2019 г. должна быть оплачена в день подписания договора.

Учитывая изложенное, суд соглашается с ответчиком, полагавшим возможным произвести оплату за ноябрь 2019 г. не позднее 15.11.2019, что не нарушает права и интересы Арендодателя в отсутствие согласованного с Арендатором условия о сроке оплаты аренды за ноябрь 2019 г.»²

То есть суд в приведённом примере исходит из неразумности такого толкования, которое делает возможным установление срока исполнения обязанности ранее даты

заключения договора и тем самым показывает невозможность установления действительной воли сторон (ч. 2 ст. 431 ГК РФ) и обосновывает свою компетенцию право перейти к восполняющему толкованию с позиции разумного лица.

Полагаем, что понимание того, что договор заключён (заключённость) и понимание того, когда он заключён (определение отсечки времени, начиная с которой договор приобретает темпоральное измерение) – это 2 аспекта ценности положений о моменте заключения договора.

Момент заключения договора между присутствующими в судебной практике

Материальным воплощением заключения договора в письменной форме между присутствующими является его составление в форме одного документа. При этом отличие от собственно деления порядка заключения договоров по критерию присутствию или отсутствию сторон в одном месте на единый документ как вариант письменной формы договора прямо указывается в п. 2 ст. 434 ГК РФ, поэтому в судебных актах, отражающих прежде всего терминологию и логику законодателя, а не сопутствующие им имплицитные доктринальные позиции, необходимо исследовать именно квалификацию в качестве оферты и акцепта каких-либо элементов процесса заключения договора в форме единого документа.

Для российской судебной практики преимущественно характерно признание, что проект договора, подписанный одной из сторон, является офертой³. Эта квалификация интересным образом сближает фактический процесс «подписание договора» как часть договорной работы с юридическим процессом «заключение договора» [3], но при этом не отождествляет их. Безусловно, в основе такой квалификации лежит понимание, что сущностное свойство оферты –

¹ Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 06.05.2021 по делу № А73-632/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qhG5ceVQsnd6/> (дата обращения: 06.06.2022).

² Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 26.07.2021 по делу № А45-31065/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IJcSGArHUOp/> (дата обращения: 06.06.2022).

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.07.2016 № Ф01-2453/2016 по делу № А43-32934/2015 // Правосудие: [сайт]. URL: <https://www.pravosudie.biz/483399> (дата обращения: 06.06.2022).

это связанность оферента ею. Тогда акцептом является подписание второй стороной, а получением акцепта – получение своего экземпляра первым подписантом.

Эта логика была поставлена под сомнение п. 1 уже упомянутого выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в котором обмен офертой и акцептом отделён как способ заключения договора от его составления в форме единого документа. Кроме того, буквальное толкование этого пункта позволяет увидеть в нём отрицание обмена офертой и акцептом даже для заключения договора между отсутствующими, если они обмениваются единым документом, а не двумя различными.

К сожалению, для российской юриспруденции нередко последним аргументом остаётся зарубежный опыт (хотя исходя из сущности процесса рецепции он может являться лишь так называемым «слабым аргументом» при сократической аргументации). Поэтому уместно заметить, что существование оферты и акцепта при заключении договора между присутствующими прямо признано, например, в ст. 4 Швейцарского обязательственного закона, в многочисленных латиноамериканских кодификациях частного права [16], в ряде других кодексов, поэтому отрицание категорий оферты и акцепта между присутствующими трудно назвать следованием авторитету континентальной традиции.

Однако ключевым аргументом в пользу признания этих категорий при заключении договора между присутствующими видится ценность возможности точного определения момента заключения договора.

Заключение

Несмотря на то, что отечественная наука подробно исследует понятия оферты и акцепта, пока что в качестве доктринального родового понятия можно назвать только стадию заключения договора, хотя оно не проливает свет на какие-либо свойства его

видов и поэтому само по себе не имеет достаточной ценности. Представляется, однако, что преждевременно делать выбор между сделочной и сделкоподобной природой оферты и акцепта как юридических актов в системе юридических фактов гражданского права.

Понимание того, что договор заключён (заключённость) и понимание того, когда он заключён (определение отсечки времени, начиная с которой договор приобретает темпоральное измерение) представляют собой 2 аспекта ценности положений о моменте заключения договора. Эта ценность предопределяет и согласие с толкованием судами договора, подписанного одной стороной, в качестве оферты. Заключение договора превращает реляционное отношение в дискретное (ведь можно сказать, что право стремится исходить из дискретности по умолчанию любого договора, игнорируя, что это скорее исключение, чем правило)

Отрицание категорий оферты и акцепта между присутствующими трудно назвать следованием континентальной традиции, по крайней мере, в отсутствие подобной доминирующей тенденции, которая влияла бы на свойство оферты и акцепта как «юридических когнатов» (исторически родственных явлений) в различных правовых системах. Напротив, многие правовые системы романо-германской семьи прямо допускают, что при заключении договора *inter praesentes* существуют оферент и акцептант.

Однако ключевым аргументом в пользу признания этих категорий при заключении договора между присутствующими видится не сравнительно-правовая аргументация, а аксиологическая – ценность возможности точного определения момента заключения договора.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Груздев В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 272 с.
2. Ефимов А. В. Основания аффилированности корпоративных юридических лиц, возникающей на уровне деятельности их органов // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2017. Т. 2. № 70. С. 50–56.
3. Кондратьев В. А. Заключение договора // Российское правосудие. 2016. № 1 (117). С. 18–25. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2016.1.18
4. Маслов А. А. Добровольные требования к форме будущих сделок, их допустимость и исполнение: в поисках адекватной модели // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 9. С. 55–93.
5. Соломин С. К., Соломина Н. Г. К вопросу о заключении договора // Вестник арбитражной практики. 2019. № 4. С. 3–14.
6. Степанов Д. Общие положения о договоре. Заключение договора // Хозяйство и право. 2009. № 5 (388). С. 53–62.
7. Тарасенко Ю. Заключение договора не поименованным в ГК РФ способом // Корпоративный юрист. 2007. № 6. С. 32–33.
8. Boemke B., Ulrici B. BGB Allgemeiner Teil. Heidelberg: Springer, 2009. 514 p.
9. Collins H. Regulating contracts. Oxford, 2002. 408 p.
10. Eisenberg M. A. Why there is no law of relational contracts // Northwestern University Law Review. 2000. Vol. 94. № 3. P. 805–821.
11. Foderini A. E-commerce e contratti telematici: la rimodulazione della contrattazione codicistica // Rivista Cammino Diritto: [сайт]. 2021. № 3. URL: <https://rivista.camminodiritto.it/articolo.asp?id=6704> (дата обращения: 06.06.2022).
12. Gimmy M. A. Vertragsschluß im Internet // Handbuch zum Internetrecht. Springer, Berlin, Heidelberg, 2000. P. 65–93.
13. Gorla G. «Ratio decidendi», principio di diritto (e «obiter dictum»). proposito di alcune sentenze in tema di revoca dell'offerta contrattuale // Il Foro Italiano. 1964. Vol. 87. № 8. P. 89–103.
14. Graziadei M. Legal transplants and the frontiers of legal knowledge // Theoretical Inquiries in Law. 2009. Vol. 10. № 2. P. 723–743.
15. Muhamad N. H. N. Aplikasi Sains Dan Teknologi Dalam Transaksimuamalah Islam: Rujukan Kepada Rukun-Rukunakad Mengikut Perspektif Undang-Undangkontrak Islam // Jurnal Teknologi. 2012. № 49. Vol. 1. P. 81–91.
16. Muñoz E. Las reglas clásicas sobre la formación del contrato en los derechos internos Iberoamericanos // Cuadernos De La Maestría En Derecho. 2015. № 3. P. 91–117.
17. Obregón G. La perfección del contrato en Internet según el ordenamiento jurídico español: especial referencia al caso de las páginas web // Revista chilena de derecho y ciencia política. 2012. Vol. 3. № 2. P. 61–87.
18. Río J. D. La perfección del contrato en el código civil español // Revista Boliviana de Derecho. 2018. № 26. P. 176–217.
19. Saxena I. C. The theory in contracts inter praesentes // Journal of the Indian Law Institute. 1967. Vol. 9. № 3. P. 453–461.
20. Wesener G. Friederike Heuser, Der Erbschaftserwerb im Spätmittelalter. Die Entwicklung der verschiedenen Arten des Erbschaftserwerbs unter besonderer Berücksichtigung des Einflusses des römischen Rechts. Eine Untersuchung mit Schwerpunkt im 12.-15. Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 2004. Vol. 121. № 1. P. 639–641.
21. Woitkewitsch C., Pfitzer C. Einmonatiges Widerrufsrecht bei Versandgeschäften im Internet // Monatsschrift für Deutsches Recht. 2007. Vol. 61. № 2. P. 61–67.

REFERENCES

1. Gruzdev V. V. *Vozniknovenie dogovornogo obyazatelstva po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Formation of contractual obligation under the Russian civil law]. Moscow, Walters Kluver Publ., 2010. 272 p.
2. Efimov A. V. [Grounds for affiliation of corporations at the level of their bodies' activity]. In: *Ekonomika. Predprinimatelstvo. Okruzhayushchaya sreda* [Economics. Entrepreneurship. Environment], 2017, vol. 2, no. 70, pp. 50–56.
3. Kondratev V. A. [Conclusion of contract]. In: *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2016, no. 1 (117), pp. 18–25. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2016.1.18.
4. Maslov A. A. [Voluntary requirement to the form of further deals, their legality and execution: in search of an adequate model]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Courier of the Economic Justice of the Russian Federation], 2021, no. 9, pp. 55–93.
5. Solomin S. K., Solomina N. G. [On the issue of the conclusion of contract]. In: *Vestnik arbitrazhnoi praktiki* [Courier of the commercial jurisprudence], 2019, no. 4, pp. 3–14.
6. Stepanov D. [General provisions on contract. Conclusion of contract]. In: *Khozyaistvo i pravo* [Economics and law], 2009, no. 5 (388), pp. 53–62.
7. Tarasenko Yu. [Conclusion of contract in the way not indexed in the Russian Civil Code]. In: *Korporativnyi yurist* [Corporate Lawyer], 2007, no. 6, pp. 32–33.
8. Boemke B., Ulrici B. *BGB Allgemeiner Teil*. Heidelberg, Springer, 2009. 514 p.
9. Collins H. *Regulating contracts*. Oxford, 2002. 408 p.
10. Eisenberg M. A. Why there is no law of relational contracts. In: *Northwestern University Law Review*, 2000, vol. 94, no. 3, pp. 805–821.
11. Foderini A. E-commerce e contratti telematici: la rimodulazione della contrattazione codicistica. In: *Rivista Cammino Diritto*, 2021, no. 3. Available at: <https://rivista.camminodiritto.it/articolo.asp?id=6704> (accessed: 06.06.2022).
12. Gimmy M. A. Vertragsschluß im Internet. In: *Handbuch zum Internetrecht*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2000, pp. 65–93.
13. Gorla G. «Ratio decidendi», principio di diritto (e «obiter dictum»). A proposito di alcune sentenze in tema di revoca dell'offerta contrattuale. In: *Il Foro Italiano*, 1964, vol. 87, no. 8, pp. 89–103.
14. Graziadei M. Legal transplants and the frontiers of legal knowledge. In: *Theoretical Inquiries in Law*, 2009, vol. 10, no. 2, pp. 723–743.
15. Muhamad N. H. N. Aplikasi Sains Dan Teknologi Dalam Transaksimuamalah Islam: Rujukan Kepada Rukun-Rukunakad Mengikut Perspektif Undang-Undangkontrak Islam. In: *Jurnal Teknologi*, 2012, no. 49, vol. 1, pp. 81–91.
16. Muñoz E. Las reglas clásicas sobre la formación del contrato en los derechos internos Iberoamericanos. In: *Cuadernos De La Maestría En Derecho*, 2015, no. 3, pp. 91–117.
17. Obregón G. La perfección del contrato en Internet según el ordenamiento jurídico español: especial referencia al caso de las páginas web. In: *Revista chilena de derecho y ciencia política*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 61–87.
18. Río J. D. La perfección del contrato en el código civil español. In: *Revista Boliviana de Derecho*, 2018, no. 26, pp. 176–217.
19. Saxena I. C. The theory in contracts inter praesentes. In: *Journal of the Indian Law Institute*, 1967, vol. 9, no. 3, pp. 453–461.
20. Wesener G. Friederike Heuser, Der Erbschaftserwerb im Spätmittelalter. Die Entwicklung der verschiedenen Arten des Erbschaftserwerbs unter besonderer Berücksichtigung des Einflusses des römischen Rechts. Eine Untersuchung mit Schwerpunkt im 12.-15. Jahrhundert. In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*, 2004, vol. 121, no. 1, pp. 639–641.
21. Woitkewitsch C., Pfitzer C. Einmonatiges Widerrufsrecht bei Versandgeschäften im Internet. In: *Monatsschrift für Deutsches Recht*, 2007, vol. 61, no. 2, pp. 61–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирпичев Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии;
e-mail: raj@aekirpichev.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Kirpichev – Dr. Sci. (Law), Prof., Departmentally Head, Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice, Russian Custom Academy;
e-mail: raj@aekirpichev.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кирпичев А. Е. Оферта, акцепт и момент заключения договора между присутствующими // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 69–78.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-69-78

FOR CITATION

Kirpichev A. E. Offer, Acceptance and the Moment of the Contract Formation between Those Present. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 69–78.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-69-78

УДК 620.9 / 343.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-79-88

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ

Горенская Е. В.*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, Большая Черемушкинская ул., д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ современного состояния обеспечения органами внутренних дел (ОВД) экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов.

Процедура и методы. Обобщена практика ОВД по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов. Изучены обстоятельства и способы совершения указанных преступлений, приведены примеры.

Результаты. Проанализированы проблемы, возникающие при выполнении органами внутренних дел задачи по декриминализации сферы оборота нефти и нефтепродуктов. Намечены пути их разрешения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированы предложения правового и организационного характера, направленные на совершенствование обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов.

Ключевые слова: нефть, добыча, транспортировка, трубопровод, криминальные врезки, экономическая безопасность, органы внутренних дел

ON THE ISSUE OF ENSURING ECONOMIC SECURITY BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SPHERE OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS TURNOVER

E. Gorenskaya*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
B. Cheremushkinskaya ul. 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of the current state of ensuring economic security by internal affairs bodies (ATS) in the sphere of oil and petroleum products turnover.

Methodology. The practice of the Department of Internal Affairs on the identification and disclosure of economic crimes in the sphere of oil and petroleum products turnover is summarized. The circumstances and methods of committing these crimes are studied, examples are given.

Results. The problems arising when the internal affairs bodies perform the task of decriminalizing the sphere of oil and petroleum products turnover are analyzed. The ways of their resolution are outlined.

Research implications. Legal and organizational proposals aimed at improving the provision of economic security by the internal affairs bodies in the sphere of oil and petroleum products turnover are formulated.

Keywords: oil, production, transportation, pipeline, criminal tie-ins, economic security, internal affairs agencies

Введение

В Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации¹ среди вызовов и угроз назван «рост количества преступлений и правонарушений (хищения, коррупция, производство и продажа контрафактной продукции, неплатежи)». Уровень криминализации топливно-энергетического комплекса (ТЭК) по-прежнему остаётся высоким, при этом особо остро стоят проблемы врезок в трубопроводы и оборота фальсифицированных нефтепродуктов. По данным ГИАЦ МВД России, в сфере ТЭК ежегодно регистрируется от полутора и более тысяч экономических преступлений, следствие по которым обязательно. Предметами преступлений выступают нефть, нефтепродукты, газ, уголь, электроэнергия, иное имущество организаций ТЭК. Размер материального ущерба от таких преступлений исчисляется миллиардами рублей.

Анализ практики органов внутренних дел показал: более половины всех преступлений в ТЭК совершается в сфере оборота нефти и нефтепродуктов, под которым специалисты предлагают понимать «совокупность сделок, связанных с добычей и переработкой нефти, производством нефтепродуктов, их хранением, транспортировкой, оптовой и розничной торговлей нефтью и нефтепродуктами» [3]).

Следует отметить, что нефть является одним из главных полезных ископаемых, имеющих не только экономическое, но и стратегическое значение для России. Нефть сырая и отдельные виды нефтепродуктов относятся к стратегически важным ресурсам. Добыча нефти ведётся на нефтяных и нефтегазовых месторождениях из скважин. После первичной обработки товарная нефть транспортируется от места добычи до пункта потребления (например, на переработку с целью производства нефтепродуктов). Транспортировка осуществляется

всеми видами транспорта: трубопроводным, железнодорожным, автомобильным, морским, а также авиационным (как правило, в районы Крайнего Севера).

Основой методологической базы исследования является базовый диалектический метод научного познания, позволяющий составить целостное представление о таком явлении как экономическая безопасность в сфере оборота нефти и нефтепродуктов. Системный подход способствовал выделению основных направлений обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов. Из числа общенаучных методов в процессе изучения и анализа материалов практики обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов, а также формулирования выводов и предложений, применялись анализ, синтез, дедукция, конкретизация и другие методы.

Основные виды преступлений в сфере оборота нефти и нефтепродуктов

Обеспечение экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов (и в целом в ТЭК) в системе ОВД возложено на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (ГУЭБиПК МВД России) и подразделения ЭБиПК территориальных органов внутренних дел МВД России.

В последние несколько лет приоритетными направлениями деятельности ОВД являются:

- проведение мероприятий по выявлению, пресечению, предупреждению и раскрытию хищений углеводородного сырья (УВС) из трубопроводной системы;
- выявление и пресечение фактов производства и сбыта некачественных и контрафактных топлива и горюче-смазочных материалов (ГСМ);

пресечение незаконного перемещения стратегических топливно-энергетических ресурсов через государственную границу Российской Федерации и т. д.

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72240884/> (дата обращения: 06.06.2022).

Анализ практики показал, что в сфере оборота нефти и нефтепродуктов чаще всего совершаются такие экономические преступления как *кражи нефти и нефтепродуктов из магистральных трубопроводов* путём несанкционированных «врезок». Причём врезки в нефтепродуктопроводы как сейчас, так и несколько лет назад, совершаются в 3,5 раза чаще, чем в нефтепроводы (особенно с целью хищения дизельного топлива, т. к. переработка сырой нефти требует специального оборудования, а дизельное топливо можно реализовывать сразу) [8]. Например, в июле 2021 г. сотрудниками УР и ГИБДД ГУ МВД России по Московской области совместно с УФСБ России и УМВД России по г.о. Подольск задержаны подозреваемые в краже дизельного топлива в особо крупном размере. Преступление выявлено благодаря информации, поступившей от представителей службы безопасности нефтяной компании. В ходе ОРМ на территории пос. Подольской машиноиспытательной станции обнаружено незаконное подключение к нефтепродуктопроводу. Установлено, что топливо по проложенной под землей трубе поступало на прилегающий участок, где хранилось в цистерне. При попытке вывезти на грузовике очередную партию горючего полицейские при силовой поддержке Росгвардии задержали троих подозреваемых: ранее судимого водителя и двоих мужчин, которые, по их словам, охраняли территорию. В ходе осмотра на огороженном участке полицейские обнаружили контейнер с цистерной, оборудование для перекачивания топлива и автомобиль с ёмкостями, в которых похищенное отправлялось для последующей продажи. В течение 2-х недель из продуктопровода незаконно откачали 75 т дизельного топлива на сумму более 3,5 млн руб. СУ УМВД России по г.о. Подольск возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 158 «Кража» УК РФ. Следует отметить, что аналогичные факты выявлены и в других регионах России: Рязанской, Брянской, Тамбовской, Омской областях и т. д.

Помимо хищений топливных ресурсов из магистральных трубопроводов, имеются примеры таких преступлений на других видах транспорта [1]. Так, в мае 2022 г. Златоустовский городской суд Челябинской области постановил обвинительный приговор по многоэпизодному уголовному делу в отношении руководителя и 32 участников организованной группы (ОГ), которые были задержаны сотрудниками подразделения по борьбе с преступными посягательствами на грузы линейного отдела полиции на станции Златоуст в сентябре 2018 г. во время проведения ОРМ. Проверка показала, что один из задержанных – житель пос. Хребет Миасского г.о. организовал преступную группу, в состав которой вошли машинисты, помощники машинистов и его знакомые с целью тайного хищения топлива из тепловозов. Участники группы действовали по отработанной схеме на станциях Хребет, Уржумка и других участках Южно-Уральской железной дороги. Машинисты тепловозов, подъезжая к станции Хребет, сообщали организатору о своём приближении, а также о том, какое количество топлива нужно слить из бака. Недалеко от станции Хребет они останавливали составы напротив частного дома организатора. Во дворе этого дома в землю была вкопана металлическая ёмкость, в которую злоумышленники сливали похищенное топливо. Было установлено, что недалеко от станции Уржумка злоумышленники вкопали в землю такую же металлическую ёмкость и проложили от неё под землей до станции трубу, подцепив её к насосу, с помощью которого также сливали топливо из баков тепловозов, стоящих на тупиковом пути. По мере наполнения баков похищенное топливо вывозили на грузовых автомобилях, оборудованных помпами и пластиковыми ёмкостями с целью дальнейшей продажи. Денежные средства от продажи топлива организатор распределял между членами группы. В период с февраля по сентябрь 2018 г. ОГ похитила свыше 200 т дизельного топлива, причинив ущерб железнодорожному предприя-

тию на сумму более 7 млн руб. Следователи Южно-Уральского ЛУ МВД России на транспорте возбудили в отношении участников ОГ 50 уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных пп. «а» и «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Суд признал всех участников ОГ виновными в совершении преступлений и назначил наказание в виде лишения свободы на срок от 9 месяцев до 3 лет 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима.

Среди других преступлений в сфере оборота нефти и нефтепродуктов часто совершаются преступления против собственности – *мошенничество* и *присвоение или растрата*. Например, в феврале 2021 г. сотрудниками УЭБиПК ГУ МВД России по Воронежской области в результате проведения ОРМ выявлен факт присвоения главным инженером одной из организаций связи Семилукского района – жителем указанного района – горюче-смазочных материалов на общую сумму свыше 750 тыс. руб. Установлено, что в соответствии с должностными обязанностями указанному лицу были вверены топливные карты для осуществления заправки служебного автотранспорта, однако он фальсифицировал показания одометров служебных автомобилей, находящихся в нерабочем состоянии, после чего вносил недостоверные данные в путевые листы. Полученный бензин подозреваемый использовал в личных целях. Руководство организации, обнаружив факт хищения нефтепродуктов, обратилось в полицию. Сотрудники УЭБиПК изъяли отчетную документацию и собрали доказательства противоправной деятельности фигуранта. В отношении подозреваемого следственной частью по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 160 «Присвоение или растрата» УК РФ. И такие примеры не единичны – аналогичные факты выявлялись в Республике Северная Осетия, Московской области, Ставропольском крае и др. регионах.

В сфере экономической деятельности чаще всего совершаются такие преступления как *незаконное предпринимательство* [4]. Так, в феврале 2020 г. СО ОМВД России по г. Черкесск по материалам УЭБиПК МВД по Карачаево-Черкесской Республике возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 171 «Незаконное предпринимательство» УК РФ в отношении жителя республики, который в 2018–2019 гг. осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность по месту нахождения АЗС на окраине г. Черкесск. Установлено, что до момента пресечения незаконной деятельности он реализовывал более 385 т преимущественно дизельного топлива на общую сумму 14 млн 217 тыс. руб., что является особо крупным размером. ГСМ завозились из соседних регионов и хранились в резервуарах, которые не обслуживались несколько десятков лет. Согласно результатам исследования образцов топлива, оно было низкого качества, что компенсировалось добавлением присадок. Клиентами нелегальной АЗС были сельхозпредприятия, которых привлекала низкая цена. Подобные преступления выявлены и в других регионах России.

Иногда незаконное предпринимательство приобретает характер настоящего промышленного производства [10]. Примером может служить пресечение в 2021 г. сотрудниками ГУЭБиПК МВД России и УМВД России по Ульяновской области незаконной деятельности нефтеперерабатывающего завода на территории области.

Кроме того, в августе 2021 г. сотрудниками ГУЭБиПК МВД России пресечены масштабные производство и реализация контрафактных моторных масел. Установлено, что изготовление и хранение фальсифицированной продукции осуществлялось в заводских помещениях, арендуемых на территории г. Талдома Московской области. Моторные масла сбывались под брендами известных мировых производителей оптовым покупателям в различных регионах России. Сотрудниками ОВД при поддержке Росгвардии проведены ОРМ, изъяты про-

изводственные линии для изготовления и розлива контрафактного масла, оборудование для упаковки и погрузки товара и 55 т продукции, этикетки различных фирм-производителей, сырьё, документы и черновые записи, имеющие доказательственное значение. Правообладателям причинён ущерб более 8 млн руб. СУ УВД по ЮВАО ГУМВД России по г. Москве возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 180 «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» УК РФ.

Следует также привести в качестве положительного опыта работы органов внутренних дел пример возбуждения уголовного дела по ст. 215.3 «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность» УК РФ (введена в УК РФ Федеральным законом от 29.07.2018 № 229-ФЗ). Так, в июле 2020 г. сотрудниками ОБОП УУР УМВД России по Пензенской области при участии Росгвардии пресечена деятельность межрегиональной организованной группы (ОГ) в составе 17 чел., которая специализировалась на хищении нефти. Участники ОГ самовольно подключились к магистральному нефтепроводу и сконструировали отвод протяженностью около 5 км, по которому нефть поступала на территорию частной нефтебазы в с. Богословка. В результате ОРМ по местам проживания и на территории предприятия задержаны 9 жителей Пензенской области, подозреваемых в совершении преступления. Также неподалеку от базы обнаружены 2 бензовоза, в цистернах которых находились похищенные нефтепродукты. По предварительным данным, объём незаконно добытой нефти составил порядка 477 т. СК России по Пензенской области возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 158 и 215.3 УК РФ. Аналогичные преступления были выявлены в Пензенской, Ульяновской, Тюменской, Новгородской областях, Ямало-Ненецком автономном округе и др.

Помимо вышеперечисленных сотрудниками ТО МВД России по субъектам Российской Федерации выявлены фак-

ты легализации похищенного имущества (Сахалинская область), организации преступного сообщества (Республика Коми), злоупотребления полномочиями (Ростовская область), уклонения от уплаты налогов (ХМАО – Югра) и др.

Кроме того, в сфере оборота нефти и нефтепродуктов совершаются преступления коррупционной направленности, чаще всего, *получение взятки* [9]. Например, в январе 2020 г. СУ МВД по Республике Калмыкия возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 «Получение взятки» УК РФ в отношении Э. (государственного инспектора межрегионального отдела по промышленному надзору и надзору за объектами нефтегазового комплекса Нижне-Волжского управления Ростехнадзора), который, используя служебное положение, получил взятку от генерального директора ООО «Юг-Бурение» П. в размере 200 тыс. рублей путём безналичного перечисления за невоспрепятствие с его стороны при проведении буровых работ на скважине Барьерной площади Цекертинского лицензионного участка на территории Республики Калмыкия.

Нефть и отдельные виды нефтепродуктов относятся к стратегическим ресурсам. В УК РФ предусмотрена отдельная норма за контрабанду стратегических ресурсов, и в практике органов внутренних дел имеется пример выявления такого преступления. Например, в сентябре 2019 г. по материалам уголовного дела, расследованного СУ УМВД России по Омской области, постановлен приговор в отношении участников ОГ, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 226¹ УК РФ. В ходе расследования установлено, что 2 жителей г. Омска организовали перевозку из сопредельного государства дизельного топлива низкого класса качества, оборот которого на территории Российской Федерации запрещён. Для его сбыта ими были арендованы 2 АЗС на территории Омской и Тюменской областей и наняты водители. Участников ОГ задержали в мае 2016 г. сотрудники таможни и УФСБ России по Омской области. В ходе след-

ственных действий в качестве вещественных доказательств были изъяты пакеты поддельных документов на перевозимый груз, который оформлялся как печное топливо или дизель высокого качества, автотехника, более 190 т ГСМ (после доставки на территорию Омской области топлива низкого качества обвиняемые смешивали его с различными присадками для увеличения объёма). На основании собранных следствием доказательств суд назначил 44-летнему организатору 7 лет и 9 месяцев лишения свободы, ещё четверым соучастникам – от 7 до 7 лет и 9 месяцев лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Аналогичный факт, связанный с контрабандой топлива, выявлен в 2021 г. в Ленинградской области.

За последние 3 года органы внутренних дел провели ряд успешных задержаний участников организованных групп, похищавших нефть и нефтепродукты из магистральных трубопроводов, с поличным на месте преступления. В ряде случаев подавить сопротивление данных лиц и перехватить тех из них, которые пытались скрыться с места преступления, удалось только совместными усилиями МВД, ФСБ и Росгвардии. Показательным примером может служить задержание группы лиц на территории Самарской области, которые пытались сделать врезку в МНПП. В операции по задержанию участвовали сотрудники МВД России по Самарской области, УФСБ по Самарской области, ГУЭБиПК МВД России, Росгвардия. На месте преступления задержано более 15 чел., из них 5 – арестованы.

Следует отметить, что преступления в сфере оборота нефти и нефтепродуктов являются чаще всего оперативным путём подразделениями УР и УЭБиПК ОВД, однако есть примеры выявления (пресечения) данных преступлений другими службами ОВД. Например, в июле 2019 г. сотрудники ДПС УГИБДД МВД России по Пермскому краю предотвратили несанкционированный вывоз нефти, остановив на дороге автомобиль марки КамАЗ с ёмкостью, в которой перевозилась нефть без соответ-

ствующих документов. Автомобиль был задержан, образцы жидкости (предположительно, нефти) направили на химическую экспертизу. В ходе проведения ОРМ установлено, что нефтесодержащая жидкость похищена с месторождения. По подозрению в причастности к преступлению задержан житель Бардымского района. Ущерб от хищения 13,5 т сырой нефти составил более 320 тыс. руб. Возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 3 ст. 158 «Кража» УК РФ.

Анализ практики ОВД по борьбе с экономическими преступлениями в сфере оборота нефти и нефтепродуктов позволяет констатировать, что в указанной сфере преобладают преступления корыстные, направленные на завладение чужим имуществом либо на получение доходов от противоправной деятельности [5]. И нужно отдать должное органам внутренних дел – в настоящее время значительно возросла эффективность противодействия преступным посягательствам на нефть и нефтепродукты.

Однако сфера оборота нефти и нефтепродуктов, в связи с востребованностью топливных ресурсов, является своего рода «лакомым куском» для преступников, как уже состоявшихся (около трети лиц, подозреваемых в совершении преступлений в рассматриваемой сфере, имели судимость), так и потенциальных. Поэтому преступная среда быстро реагирует на изменение обстановки и использует любые возможности для разработки новых способов совершения преступлений, сокрытия следов, повышения эффективности противодействия органам внутренних дел. Например, если проанализировать обстоятельства приведённых выше примеров преступлений, становится очевидным, насколько сильно преступники заинтересованы в превращении единичных посягательств в настоящий преступный промысел.

В одном случае они использовали буровую станцию стоимостью 200 тыс. евро, чтобы сделать отвод от трубопровода. В другом – бытовую полимерную трубу высокого давления, с помощью которой перегоняли нефть от места врезки к ме-

сту хранения на бывшей заправочной базе грузовой техники. В третьем случае преступники использовали специальный транспорт для перевозки похищенного, специальное оборудование для производства врезки. В июле 2020 г. сотрудниками УУР ГУ МВД России по Московской области и ОМВД России по г.о. Луховицы при взаимодействии с УФСБ России по г. Москве и Московской области, а также УФСБ России по Рязанской области задержаны участники преступной группы, совершавшие кражи дизельного топлива из магистрального трубопровода в г.о. Луховицы. Помимо нескольких транспортных средств, оборудованных ёмкостями для перевозки топлива, они использовали сварочный аппарат, помпы для перекачки нефтепродуктов, бензогенератор, приборы для работы ночью, лопаты и пластиковый шланг, пластиковые ёмкости на 200 л.

Помимо вышеперечисленного, как отмечают специалисты, используется «оборудование для производства горизонтального направленного бурения, для ведения подкопов и строительства протяжённых тоннелей. Отводы оснащаются измерительными приборами, системами сглаживания колебаний давления, электромагнитными клапанами систем удалённого дистанционного управления запорной арматурой» [1] и др. Еще один показательный пример: в августе 2018 г. сотрудники ОЭБиПК МО МВД России «Нижневартовский» ХМАО-Югры и РУФСБ по Тюменской области в результате ОРМ задержали группу лиц, осуществивших незаконную врезку в нефтепровод ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз», для чего использовали теплоход, нефтеналивную баржу и различные приспособления для скачивания жидкости. Преступникам удалось заполнить нефтью 4 цистерны объёмом 75 т.

Помимо специального оборудования для совершения незаконных врезок преступники часто используют подложные документы, особенно при транспортировке похищенного имущества, выдаваемого за «буровой шлам» или «газовый конденсат».

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что, несмотря на высокую результативность борьбы ОВД с экономическими преступлениями в сфере оборота нефти и нефтепродуктов, налаженное взаимодействие между правоохранительными органами и службами безопасности энергетических компаний, полностью декриминализовать указанную сферу не удаётся. Особенно это касается решения проблемы незаконных врезок в магистральные нефтепроводы.

Анализ показал, что большинство лиц, получивших условные наказания или штраф, возвращаются к противоправной деятельности (более 60%). Полагаем, даже ужесточение санкций за совершённые хищения и приведение в негодность магистральных трубопроводов не даст желаемых результатов, т. к. преступные доходы, исчисляемые сотнями тысяч и даже миллионами, «перевешивают» у этих лиц страх быть привлечённым к уголовной ответственности.

Необходимо решить вопрос с разработкой методики определения размера ущерба, причинённого в результате совершённого преступления, либо покушения на совершение хищения при отсутствии объёма похищенного топлива. Точное количество похищенной нефти не может предоставить ни одна трубопроводная компания, это вызвано отсутствием конкретной информации о дате совершения врезки, количества похищенной нефти и постоянного изменения давления при её перекачке по трубопроводу (тем более при подсчёте перекачанной нефти допускается снижение количества углеводородного сырья на 1% ежедневно) [2].

Отдельные трудности возникают в связи с отсутствием механизма привлечения к ответственности владельцев автомашин-бензовозов. Транспорт сдаётся в аренду с оформлением необходимых документов и доказать причастность собственников автомашин, задержанных при перевозке похищенных нефти или нефтепродуктов,

практически невозможно. Затрудняет также работу несвоевременное обращение в органы внутренних дел собственников трубопроводного транспорта, которые при обнаружении незаконной врезки сначала пытаются решить вопрос силами собственной безопасности. Однако с момента осуществления незаконной врезки может пройти много времени, если она больше не используется, следы могут быть утрачены в результате погодных явлений, оборудование для врезки продано, подозреваемые могут покинуть регион или жить как добропорядочные граждане.

Среди прочего специалисты отмечают «сложности выявления и доказывания совершения подозреваемыми нескольких преступлений, например, систематических хищений нефти из нефтепровода (фактически в деле остаётся последний эпизод – покушение на хищение нефти)» [6]. Помимо этого существует проблема правильной квалификации самовольного подключения к магистральным трубопроводам [7]. На наш взгляд, снижению остроты проблемы будет способствовать усиление контроля за оборотом специального оборудования для добычи и переработки нефти, специального транспорта для перевозки нефти и нефтепродуктов, специальных веществ и материалов для производства нефтепродуктов.

Следует отметить, что хищения нефти и нефтепродуктов из магистральных нефтепродуктопроводов путём криминальных врезок, как правило, совершаются на линейной части. Наличие постоянных дорог, в т. ч. вдоль трассы трубопровода, опознавательные и сигнальные знаки местонахождения трубопровода, километровые

указатели, предупредительные плакаты и знаки не только указывают преступникам, где расположен трубопровод, но и облегчают скрытность совершения хищения и прокладки маршрута транспортировки похищенного. На наш взгляд, следует организовать поиск решения данной проблемы с привлечением заинтересованных ведомств и организаций.

Не следует недооценивать роль общественности в предупреждении и пресечении преступлений в сфере оборота нефти и нефтепродуктов. Считаем целесообразным обращаться к жителям муниципальных образований, на территории которых расположены объекты по добыче нефти, производству нефтепродуктов (в т. ч. магистральные нефтепроводы и нефтепродуктопроводы), сообщать о проведении любых работ или нахождении группы лиц вблизи охранных зон магистральных трубопроводов, перевозке транспортом ёмкостей с запахом нефтепродуктов, особенно в ночное время [1]. Такие случаи добровольной помощи граждан имеются в практике органов внутренних дел.

Помимо этого, органам внутренних дел необходимо сосредоточить внимание на повышении эффективности аналитической работы по выявлению причин и условий совершения преступлений в сфере оборота нефти и нефтепродуктов, принять меры по их нейтрализации, а также разработать современные методические рекомендации по выявлению таких преступлений с учётом характеристики отдельных лиц и преступных групп, различных обстоятельств совершения преступлений.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горенская Е. В. Характеристика экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 31–45. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-2-31-45
2. Горенская Е. В., Денисов Н. Л. К вопросу обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности топливно-энергетического комплекса // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации: сб. науч. трудов / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 146–151.

3. Горенская Е. В., Фомин В. В. Криминогенная ситуация в топливно-энергетическом комплексе. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. 92 с.
4. Зайцев О. А., Кашепов В. П., Нудель С. Л. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 40–56. DOI 10.17223/22253513/37/4
5. Зайцев О. А., Нудель С. Л. Уголовно-правовая ситуация в области обеспечения экономической безопасности: состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 34–49.
6. Лопатин Д. А. Основные криминологические аспекты современных покушений на нефтепроводы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (4). С. 46–50.
7. Нудель С. Л. Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 93–97.
8. Преступность в сфере оборота нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации: науч.-практ. пос. / С. Л. Нудель, С. В. Маликов, Е. В. Горенская, И. М. Исрафилов. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. 60 с.
9. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин, А. С. Автономов и др. М.: Инфра-М, 2019. 384 с.
10. Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пос. / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, А. А. Гравица, О. А. Зайцев и др. М.: Инфра-М, 2020. 392 с. DOI: 10.12737/1160944

REFERENCES

1. Gorenskaya E. V. [Characteristics of economic crimes in the field of oil production and transportation]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 2 (97). pp. 31–45. DOI 10.24412/2312-3184-2021-2-31-45
2. Gorenskaya E. V., Denisov N. L. [On the issue of ensuring the economic security of the fuel and energy complex by internal affairs bodies]. In: Kadnikov N. G., ed. *Ugolovno-pravovaya okhrana konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan, suvereniteta i territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii: sb. nauch. trudov* [Criminal law protection of constitutional rights and freedoms of citizens, sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation]. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya Publ., 2021. P. 146–151.
3. Gorenskaya E. V., Fomin V. V. *Kriminogennaya situatsiya v toplivno-energeticheskom komplekse* [Criminogenic situation in the fuel and energy complex]. Moscow, Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii Publ., 2013. 92 p.
4. Zaitsev O. A., Kashepov V. P., Nudel S. L. [Criminal policy against crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 2020, no. 37, pp. 40–56. DOI: 10.17223/22253513/37/4
5. Zaitsev O. A., Nudel S. L. [Criminal law situation in the field of ensuring economic security: state and prospects]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 2021, no. 42, pp. 34–49.
6. Lopatin D. A. [The main criminological aspects of modern attempts on oil pipelines]. In: *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Criminalistics: yesterday, today, tomorrow], 2017, no. 4 (4), pp. 46–50.
7. Nudel S. L. [Unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines: qualification problems]. In: *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* [Altai Legal Bulletin], 2019, no. 3 (27), pp. 93–97.
8. Nudel S. L., Malikov S. V., Gorenskaya E. V., Israfilov I. M. *Prestupnost' v sfere oborota nefii i nefteproduktov v Rossiyskoy Federatsii* [Crime in the sphere of oil and oil products turnover in the Russian Federation]. Moscow, Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii Publ., 2012. 60 p.
9. Ivanov S. B., Khabrieva T. Ya., Chikhanchin Yu. A., et al. *Protivodeystviye bolezni: novyye vyzovy* [Anti-corruption: new challenges]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 384 p.
10. Artemov V. Yu., Golovanova N. A., Gravina A. A., et al. *Ugolovnyy zakon i ekonomicheskaya deyatel'nost' (sootnosheniye proizvol'nykh i publichnykh interesov)* [Criminal law and economic activity (ratio of private and public interests)]. Moscow, Infra-M Publ., 2020. 392 p. DOI: 10.12737/1160944

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горенская Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

e-mail: elle1508@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Gorenskaya – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Senior Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

e-mail: elle1508@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горенская Е. В. К вопросу обеспечения органами внутренних дел экономической безопасности в сфере оборота нефти и нефтепродуктов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 79–88.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-79-88

FOR CITATION

Gorenskaya E. V. On the Issue of Ensuring Economic Security by the Internal Affairs Bodies in the Sphere of Oil and Petroleum Products Turnover. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 79–88.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-79-88

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.9; 343.23

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-89-99

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Антонян Ю. М.

*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать преступность, её главные особенности, составные части этого явления, функции и дать им адекватное определение.

Процедура и методы. В основу данной работы лёг 45-летний опыт криминологических исследований, включая не менее 300 клинических бесед с преступниками, лишёнными свободы. Проведён теоретический анализ криминологической литературы.

Результаты. Предложено понимание преступности, дано её определение, описаны основные признаки и элементы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Попытка совершенствования научного аппарата криминологии, выявления скрытых особенностей преступности. Теоретические поиски такого рода значимы для организации практической деятельности по борьбе с этим явлением и его прогнозирования.

Ключевые слова: преступность, эволюция преступности, вечность преступности, агрессия

MAIN FEATURES OF CRIME

Yu. Antonyan

*All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Povarskaya 25, Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate crime and its main features, components and functions; and give them an adequate definition.

Methodology. 45 years of experience in criminological research, including at least 300 clinical interviews with criminals deprived of their liberty are the basis of this research. Theoretical analysis of criminological literature was performed.

Results. An understanding of crime is proposed, its definition is given, the main features and elements are described.

Research implications. An attempt to improve the scientific apparatus of criminology, as well as to identify the hidden features of crime, is made. Theoretical searches of this kind are significant for organizing practical activities to combat this phenomenon and predict it.

Keywords: crime, evolution of crime, eternity of crime, aggression

Введение

Теоретический анализ понятия преступности и её основных черт всегда актуален, что определяется и теоретическими изысканиями, и фактическим её состоянием. Вот почему необходимо предложить собственные подходы к ней общетеоретического, общеметодологического характера. Очевидно, что преступность не должна восприниматься лишь как сумма определённого рода деяний, но именно так она в большинстве своём и предстаёт во многих криминологических сочинениях, особенно в учебниках.

Преступность есть неотъемлемая и органическая часть бытия человечества и выражается в грубом нарушении им же созданных правил. Но в этом нет ничего исключительного, поскольку беды людей очень часто являются результатом их же собственных действий. Не случайно поэтому преступления совершались с тех пор, как только появился человек, хотя общественно опасные поступки и назывались тогда по-иному. Человеку всегда надо больше, чем он имеет, например шкуру зверя, чтобы согреться, или роскошный автомобиль, который только что вошёл в моду; ему необходимо защищаться от реальной или мнимой опасности, либо самому нападать, желая сохранить своё добро, честь и достоинство, здоровье и жизнь. При этом в каждом случае приходится (и приходилось) действовать в соответствии с социально одобряемыми нормами, а иногда грубо нарушая их.

Эволюция преступности – это одна из составляющих истории развития общества, социальные, экономические и гуманитарные процессы в котором всегда вызывали изменения преступности, а также способов и средств совершения преступлений [3, с. 141].

Преступность во все времена изменялась не только от эпохи к эпохе, от страны к стране, но и, пусть и редко, от региона к региону. Территориальные различия в объёме, структуре и динамике, характере преступности тесно связаны с уровнем социально-экономического развития отдельных стран и народов, национальными

традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организации быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности и т. д. Это особенно хорошо видно на примере России с её огромной территорией, пёстрым составом населения, непохожими друг на друга регионами, наконец, её неоднозначной историей и особенностями экономики.

Состояние преступности изменяется во времени и в пространстве, также оно зависит от содержания, тенденций, причин и условий самой преступности. Так, после захвата власти большевиками преступность в России резко изменилась. Определяющими в её структуре стали преступления, совершаемые самим государством. Например, миллионы погибших от голода – это миллионы, один к одному, убийств.

С начала XXI в. в России наметилась устойчивая тенденция сокращения числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершавших [4, с. 111]. Такая же динамика характерна и для многих других стран.

Совершенно очевидно, что преступность имеет историческое происхождение, будучи причинно связанной с явлениями и процессами, происходящими в обществе. Её уровень и характер в различных социально-экономических системах и странах коррелируют с конкретными обстоятельствами жизнедеятельности членов общества.

Понимание преступности, её основные признаки и элементы

Говоря об эволюции преступности, мы имеем в виду изменения не только оценок отдельных поступков, но и значения тех или иных видов этих поступков. Иначе говоря, круг деяний, которые государства считают преступными, подвержен изменению: постоянно идут процессы криминализации деяний, которые оцениваются как общественно опасные, и декриминализация поступков, утрачивающих такую опасность. Появление новых видов пре-

ступлений связано с обретением определёнными деяниями более высокой степени общественной опасности.

На начальном этапе, в первобытном обществе, проступки, объективно являющиеся опасными для общества (убийства, кражи, разбои и т. д.), ещё не считаются уголовно-противоправными, поскольку нет уголовного права, но различные действия, тем не менее, караются. Повторяющиеся и получающие распространение вредоносные действия вызывают ответную реакцию со стороны общества, которая проявляется в том, что общественная опасность находит выражение в определённом запрете, устанавливаемом родом или племенем. Соответствующие нормы, не будучи записанными, существуют в устной форме, наряду с мифами, легендами, сказками и т. п., а с появлением письменной культуры оформляются на бумаге.

Эволюция преступности зависит от развития общественных отношений, в результате которого одни деяния становятся опасными для прежнего или нового господствующего порядка, а другие перестают быть таковыми. Например, в доиндустриальной Европе наиболее серьёзными (и наказуемыми) считались преступления религиозного характера либо преступления против собственности, особенно принадлежащей аристократии. В настоящее время религиозные нарушения в большинстве своём не воспринимаются в западном мире как преступления вообще (ввиду светской основы современного законодательства) либо рассматриваются как малозначительные нарушения закона. В эпоху античности и Средние века убийство одного простолюдина другим не считалось столь серьёзным преступлением, как преступные деяния против аристократической собственности. Преступник мог искупить вину, выплатив родственникам жертвы определённую сумму денег. Иногда семья погибшего брала восстановление справедливости в свои руки, убивая виновного. Кровная месть была особо распространённым явлением в первобытную эпоху. Проблема её заключалась в том,

что семья убийцы могла отреагировать равноценным способом, и это приводило к потенциально нескончаемой веренице убийств. В некоторых районах Южной Италии (о. Сицилия) практика кровавой мести существовала вплоть до XX в. Она существует и в настоящее время как способ восстановления справедливости между соперничающими «криминальными семьями» в Соединённых Штатах Америки, а также на Северном Кавказе и в других регионах мира.

Итак, поскольку преступность отражает те или иные грани общества, с изменением общества изменяется и преступность. Современное общество за последние несколько десятков лет существенно трансформировалось, что, как и было сказано, привело к появлению новых и отмиранию старых деяний, считающихся преступлениями. Изменившаяся преступность часто требует изменения идеологии борьбы с нею [1, с. 10; 2, с. 117].

Кроме того, именно исследование преступности в контексте анализа истории человечества (начиная с первобытных времён) позволяет не только проследить извилистый путь всей преступности, её структурные изменения, но и доказать, что она есть вечный и неизменный спутник людей.

Несмотря на довольно активное развитие криминологии как науки о преступности, последняя остаётся одной из главных социальных проблем. В этом смысле её можно приравнять к болезни и даже смерти, если их рассматривать не только с биологических и медицинских, но и философских позиций.

При изучении преступности нельзя забывать о её соотношении с преступлением, точнее, говоря криминологическим языком, преступным поведением, которое является единицей преступности. Они отличаются друг от друга своим содержанием, структурой, динамикой, влиянием на общество и, конечно, причинами. Известно, что общие причины преступности индивидуализируются в конкретных уголовно-наказуемых действиях. Изучать преступность, прослеживая её связь с реальным

поведением, очень сложная задача, поскольку эта связь включает в себя многие социальные, психологические, исторические и иные явления и процессы.

Преступное поведение во всех без исключения случаях богаче преступности за счёт своих индивидуально неповторимых особенностей, проявлений, признаков, то же относится и к причинам подобного поведения. Преступность же включает в себя наиболее общие черты отдельных преступлений и лиц их совершивших, и как один не может быть копией другого, также разнятся между собой их поведения.

Особую сложность представляют собой разграничения причин преступности и причин преступного поведения. Среди причин последнего, прежде всего, выделяются мотивы, в которых воплощается сама личность, причём они формируются, корректируются, заменяются другими в течение всей жизни человека. Мотивы принято считать стимуляторами индивидуального поведения, а не крупных и значительных социальных явлений. Однако можно полагать, что в некоторых измерениях о мотивах можно говорить и применительно к упомянутым явлениям, особенно к тем, которые порождаются в определённой группе людей. К ним можно отнести, например, межрасовые и межнациональные конфликты, этнорелигиозные террористические акты и др.

Один из наиболее сложных вопросов, имеющих прямое отношение к природе преступности, заключается в том, когда и на каком этапе истории человечества она появилась. Этот вопрос в наше время ставится редко. В советской криминологии он решался просто и однозначно: преступность возникла с расслоением общества и формированием классов, а значит, она исчезнет с исчезновением классов при коммунизме, поскольку социальной почвы для неё уже не будет. Такое положение принималось советскими криминологами, впрочем, они не очень задумывались об этом, т. к. среди них всегда было мало людей, глубоко разбирающихся в антропологии, этнологии и истории. Между тем на-

званное марксистско-ленинское положение было основано на незнании этих наук, т. е. незнании того, каким было доисторическое и первобытное человечество.

Такое незнание и сейчас держит многих криминологов в неведении относительно происхождения преступности и её длительного, сложного и противоречивого пути. Конечно, отдельные учёные отмечают, что преступность зародилась в древности. Об этом пишет, например, В.В. Лунеев, отмечая, что она зафиксирована в исторических документах с незапамятных времен, в законах Хаммурапи (Древнего Вавилона) или Законах Ману (Древней Индии) [6, с. 298]. Но дело в том, что преступность древнее любых писаных законов, любой письменной культуры; она возникла с появлением человека как социального существа.

А. З. Рыбак тоже ставит очень важный и, по его мнению, принципиальный вопрос: с какого или, если смотреть вглубь веков с высоты сегодняшних дней, до какого исторического момента нужно произвести в преступность экскурс? Когда человек «перестал» быть только биологическим, а стал ещё и социальным, мыслящим существом? Нельзя утверждать, что какими-то прототипами мышления не обладали наши весьма далёкие предки, и не обладают сейчас многообразные «братья наши меньшие», например, рыбы и рептилии [7, с. 31]. В своём поэтическом сравнении С. Есенин вряд ли имел в виду рыб или рептилий, тем более не полагал, что их нельзя «бить по голове». Не имея необходимых биологических и зоопсихологических знаний, невозможно оспорить или соглашаться с тем, что названные живые существа обладают прототипами мышления. На наш взгляд, следует исходить из того, что преступность возникла с социализацией людей, более того, она есть её часть.

А. З. Рыбак считает необходимым поделиться с самим подходом к понятию преступления, как формулировалось в праве – по наитию или с применением каких-то более сложных инструментов познания [3]. Этому вопросу посвящено

столько научных трудов специалистов в области уголовного права в России (СССР) и за рубежом, что их попросту невозможно перечислить. Их авторы не исследовали преступление по наитию, в этом нельзя сомневаться, соответствующие работы отличаются глубиной и фундаментальностью.

В любом обществе (сообществе) всегда будут отдельные люди или группы людей, недовольные своим положением (социальным статусом, заработком, непризнанием в глазах ближайшего окружения, неуспехом у женщин, бедностью и т. д.), а потому желающие изменить его любым путём, даже преступным. Есть люди, которые ощущают угрозы (подлинные и мнимые) и готовы защитить себя, совершая преступления.

В этой статье мы стремимся доказать, что подобные особенности всегда детерминировали преступном в прошлом и всегда будут существовать в будущем.

Преступность в истории человечества можно представить в виде змеи, которая движется не строго прямо, а извилистым и сложным путём. С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их сотрудничества или вражды для того, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твёрдо и неизменно идёт вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставят общество, государство и отдельные люди. Очень важно проследить её путь в России, объяснить происходящие в ней изменения, показать какова её структура и динамика.

Преступность возникла до появления цивилизации, однако уже давно является её неизменной частью, как и борьба с ней. Но нельзя, на наш взгляд, утверждать, что современная цивилизация способствует развитию преступности. Прежде всего, мы не знаем, каковы были её истинные масштабы в предыдущие эпохи, поскольку об этом нет почти никаких статистических данных. Весьма значительное число деяний (разграбление захваченных городов, уничтожение его жителей и т. д.) в Древнем

мире и Средневековье не считалось преступным. Но и на цивилизацию вообще ни в коем случае не стоит возлагать все надежды в противодействии преступности. Как оказалось, её слой весьма тонок и не способен надёжно вытравить человеческие пороки. Это доказала, например, нацистская Германия, народ которой всегда справедливо относился к числу самых цивилизованных, что отнюдь не помешало его представителям творить в XX в. неслыханные злодеяния.

Преступность обладает важной особенностью: насильственных преступлений всегда совершается и фиксируется меньше, чем корыстных и иных. Такая её структура существовала всегда и везде, при этом преступное насилие (например, в СССР) не всегда расценивалось как наиболее тяжкое, хотя и посягало на жизнь, здоровье, честь и достоинство людей. Важно отметить, что в условиях мира и спокойствия, тем более в отдельные годы, насильственных преступлений против человека совершается значительно меньше, чем во время войн и революций, в тоталитарных, тиранических странах всегда больше, чем в демократических. В политической борьбе деструктивные силы не ведают пощады по отношению к своим противникам, а захватив власть, создают тотальную машину уничтожения, в лучшем случае изоляции всех, кто может им угрожать.

Массовые репрессии тоталитарных государств против своих же граждан являются, разумеется, суммой каждого преступления с другими такими же. Так, смерть любого человека от голодомора в годы большевистской диктатуры есть его убийство – то же о гибели каждого китайца от экспериментов Мао и каждого жителя Камбоджи от руки Пол Пота, каждого советского человека, убитого гитлеровцами и т. д. Вот почему преступное насилие против человека в отдельные эпохи и не в мирной жизни может достигать чудовищных масштабов. Тогда имели место и другие, не только насильственные деяния, но и кражи, преступления против правосудия, общественного порядка и т. д. Поэтому

есть все основания настаивать на введении в отечественную криминологию раздела «Тоталитарная преступность». Вполне возможно полнокровное изучение преступности в локальных конфликтах, например, во время войны в Чечне. Одним словом, наш призыв заключается в том, чтобы исследовать не только «мирную» преступность, а её же в связи с крупными, судьбоносными событиями внутри страны и международного характера.

Оценивая состояние преступности, исследователь прежде всего опирается на официальную, государственную статистику, но она, как известно, не является полной. За её рамками находится множество и других преступлений, которые не отражены в отчётах по разным причинам: намеренно скрыты правоохранительными органами, о них никто не сообщал и т. д. Поэтому принято выделять латентную, скрытую преступность, её соотношение с зарегистрированной обнаруживает такую тенденцию: чем опаснее преступление, тем выше вероятность отражения его в криминальной статистике. По нашим наблюдениям, из каждых 10 насильственных преступлений фиксируется только 1, а из корыстных преступлений – тоже 1, но из каждых 100. Полнее других преступлений учитываются убийства, но здесь отнюдь не исключены случаи их сокрытия. Широкие возможности для злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и безнаказанного совершения преступлений даёт корыстная преступность – множество краж и преступлений в сфере экономики не влечёт за собой предусмотренного законом реагирования.

Уже многие годы остаётся аксиомой, что преступность представляет собой совокупность преступлений и что это массовое, исторически изменчивое, социальное явление. Именно так описывается преступность практически во всех учебниках, а потому нет необходимости ещё раз анализировать все эти признаки. Правда, в советский период ещё утверждалось, что это классовое явление (Ф. Н. Кузнецова), и такое было выгодно коммунистической иде-

ологии, поскольку означало, что при исчезновении классов, т. е. при коммунизме, преступности уже не будет. Однако преступность – явление вечное, она не появилась с классами и не с классами отомрет, а классы, само собой, вовсе и не намерены отмирать.

Утверждается, что преступность социально-правовое явление, однако право не знает понятие преступности, а только преступления. То, что преступность состоит только из преступлений, вовсе не доказывает, что и сама преступность – правовая категория. Это криминологическая категория. Но преступления, взятые вместе, приобретают другое качество – преступности¹.

Преступность расценивается как социальное явление и это её основной признак, поскольку оно порождается не биологической природой человека, хотя последняя может оказать определённое криминогенное влияние, а природой и содержанием общественных отношений и противоречий². Но при этом забывается психологическая природа человека, которая возникает и формируется под воздействием и среды, и биологических задатков человека. В этом таится субъективная причина преступного поведения. В детерминации преступности участвует самая таинственная сила – природа, именно она «вкладывает» в человека агрессивность, без которой его существование невозможно. Общество же решает, какие его агрессивные действия являются преступными. Выбор личностью преступного пути от неё и зависит, от её воспитания, социализации в целом.

Преступность, конечно, массовое явление, поскольку состоит из массы преступлений, однако далеко не каждое из них связано с другим. Так, сексуальные преступления совсем не связаны с экономическими или воинскими, но как преступления они обязательно имеют общие правовые черты. Как массовое явление преступность

¹ Криминология: учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2009. С. 73; Криминология: учеб. / под ред. А. И. Долговой. М., 2009. С. 56.

² Криминология: учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2009. С. 58.

изучается с помощью статистики и выборочных исследований.

Преступность не есть только сумма или совокупность преступлений, совершённых в данной стране (городе, регионе) в определённый отрезок времени, а вечное, исторически изменчивое, массовое, социальное явление, органически присущее человеку.

Преступность в широком смысле слова состоит не только из собственно преступлений, но и лиц, совершивших, и последствий преступного поведения, его цены. Преступность как масса, подобно смертоносному ядерному грибу, может покрывать общество в тоталитарной стране, или если государство длительные годы не способно справиться с преступностью (например, в послевоенной Италии или Колумбии). При этом верхний слой преступности, особенно если он носит государственный характер, активно подпитывает нижний, общеуголовный. Таким образом, происходит самодетерминация преступности, она имеет место и в лагерях смерти (концлагерях). Государственная преступность может процветать во время межэтнических и межконфессиональных войн. Самодетерминация преступности способна осуществляться и иным путём, через рецидивную преступность, что особенно чётко просматривается на примере отдельного преступника-рецидивиста.

Иногда общество, когда оно особенно сильно пресыщается преступным насилием, спохватывается, и люди начинают громко утверждать, что никогда больше не допустят подобного. Но спустя некоторое время, даже через долгие годы, как бы остывают, ужасающие картины разрушений и смерти тускнеют, отступают на задний план под давлением новых забот, кровавое прошлое даже приобретает романтическую окраску. Так, на товарах массового потребления в Италии изображаются портреты Муссолини и Гитлера, восхваляют пособников немецкого фашизма на Украине, а в Прибалтике издаются книги Гитлера, Геббельса, Розенберга. К счастью, широкомасштабных войн в

современном мире нет, но отдельных локальных конфликтов достаточно много.

При изучении преступности надо исходить из того, что это сложная система связанных друг с другом явлений, это и сумма преступных поведения (преступлений), и их совокупность, поскольку отдельные её части влияют друг на друга, это и система, имеющая свои подсистемы и входящая в глобальную систему – общество, но каждая подсистема – это самостоятельная единица, связанная, правда, с некоторыми другими подсистемами. Исследователи отмечают функциональную зависимость между объектами, когда состояние одного объекта в данный момент при определённых условиях влияет на другой объект. Так, высокий уровень преступности несовершеннолетних обязательно определяет такой же уровень преступности взрослых, женская преступность – преступность несовершеннолетних и т. д.

В глобальную систему – общество помимо преступности входят и другие негативные явления: мелкие поборы, проституция, пьянство, наркомания, бродяжничество и т. д. Но ни одна из них не входит в преступность, даже латентная её часть, поскольку неизвестно, сколько латентных преступлений действительно являются преступлениями – это может решить только суд. Но эти негативные социальные отклонения во многом имеют общую социальную природу, как бы один источник. Это и определяет, что некоторые неправомерные социальные отклонения в отдельных странах приобретают статус преступных. Например, в России ранее преследовалось потребление наркотиков. Но в целом эти отклонения менее опасны для общества.

Изложенное позволяет исследовать разные части преступности как целое: это её ядерная, никогда не отменяемая часть (убийства, телесные повреждения, изнасилования, кражи, грабежи, измена Родине и некоторые другие) и периферийная, куда входят менее опасные: скормливания хлеба скоту (в советское время), клевета, оскорбления и некоторые другие. Их

часто отменяют и вводят новые. Обычно такие «временные» нормы определяются социальной потребностью или прихотью правителя, но не всегда действительной опасностью деяния. Например, уголовная ответственность за спекуляцию не была вызвана особой опасностью этого деяния даже в советских условиях крайнего дефицита товаров весьма среднего качества.

Всегда ли преступность причиняет невосполнимый вред человеку и обществу, общественному порядку или государственной власти? В ряде случаев этот вред вполне восполним, в других – нет; он может быть нанесён преступными деяниями отдельного человека или группы людей и государственным органом, военными преступниками, уничтожающими бесценные сокровища архитектуры, скульптуры или живописи. Преступления геноцида – тоже из этого ряда. Но иногда бывает так, что даже жертва убийства вызывает возмущение, а сам убийца – симпатию и сочувствие. Не случайно люди, признанные судом преступниками, становятся героями художественных произведений, например, Жан Вальжан из романа В. Гюго «Отверженные», который украл несколько булок для голодающих детей своей сестры.

А. И. Гишинский большую группу нежелательных, отрицательных и порицаемых явлений – преступность, коррупцию, терроризм, болезни, проституцию, бродяжничество и ряд других (даже творчество) – объединил понятием *девиантности* [3, с. 51], хотя они совсем разной природы. Однако можно с этим и согласиться – ведь все это нечто, выходящее за рамки нормального. Но тогда и в смерти есть нечто непременно осуждаемое, хотя К. Г. Юнг и утверждал, что не хотел бы просидеть 10 тыс. лет на облаке и играть на арфе. Есть большие сомнения в том, что преступность представляет собой что-то из ряда вон выходящее, хотя она нежелательна и порицаема. Она вечна и уже по этой причине отрицаема как необыкновенное явление. Она вполне естественна для общества, как зачатие, рождение и смерть.

Давно известно, что наша колыбель стоит в нашей могиле, а люди не только добры, доброжелательны и благородны, но и злы, жестоки и подлы. Такова жизнь. Банально, очень банально, но что поделаешь.

Мы верим в то (и знаем это), что, несмотря ни на какие природные задатки, только жизнь делает нас злыми, жестокими и подлыми. Наверное, лучше всего было бы воспитывать всех добрыми, доброжелательными и благородными, о чём мечтали коммунисты, но делали это самыми извержескими бесчеловечными методами. До этого то же самое пытался сделать бродячий проповедник Иисус Христос, основоположник идеологии ненасилия, любви и милосердия. Но когда христианство стало в Западной Европе государственной религией её распространение и укрепление стали очень похожи на методы внедрения «добра» коммунистами – огнём и мечём.

Жизнь, как известно, состоит из добра и зла, это её сущность, это то, что движет её вперед. Никогда не будет так, чтобы люди не совершали наказуемых поступков, не болели бы и были бы бессмертны как боги, которым они и делегировали бессмертие, т. е. отдали то, чем не могут отличиться сами. Сделать это в отношении богов очень просто – никто не в состоянии проверить, приняли ли они этот дар.

Изучая преступность необходимо учитывать, что конфликты между обществом и личностью, конфликты в самой личности (внутренние конфликты), тоже порождаемые обществом, существовали всегда, их можно назвать постоянными причинами преступности. Они в принципе определяют то, что преступность существует, что она вечна и искоренить её невозможно, а состояние экономики, образования, нравственности, политического развития общества и т. д. определяют её состояние, динамику и структуру. Понятно, что чем хуже состояние экономики или нравственности, тем будет выше уровень преступности, общественная опасность совершаемых преступлений. Причинно-следственные связи между конфликтами в личности и общества, конфликты самой личности и

вечностью преступности, с одной стороны, и между состоянием экономики, образования и состоянием, динамикой и структурой преступности – с другой, ни при каких обстоятельствах не являются случайными. Названные связи действуют с неумолимой необходимостью, им не может быть никакой альтернативы. Это объективная данность.

Для лучшего понимания преступности и её причин, а также причин преступного поведения следует пересмотреть понимание агрессивных и корыстных преступлений. Можно предположить, что и те преступления, которые традиционно считают только корыстными, поскольку при их совершении отсутствует насилие, включают в себя агрессию. Разве вор, проникая в чужую квартиру, не реализует агрессию в отношении его владельца, посягая на имущество? Разве незаконный оборот драгоценных металлов не агрессия против государства? Такой перечень можно продолжить, исходя при этом из того, что преступник всегда агрессивен, когда устремлён на захват того, что ему не принадлежит. Напомним, что некоторые виды преступлений, традиционно относимые к насильственным, например, убийства с помощью отравления, совершаются тайно, без насилия. То же самое можно сказать о доведении до самоубийства путём клеветы, здесь агрессия заключается в самой лжи и её распространении.

Неосторожные преступления тоже способны вмещать в себя агрессию, например, при повышении скорости автомобиля на шоссе.

Заключение

Преступность не равнозначна злу, хотя они во многом совпадают: не всякое деяние, расцениваемое законом как преступление, есть зло, и наоборот. Преступление имеет свои вполне постижимые для понимания основания и истоки, оно, как и зло, привнесено в мир человеком. В качестве проявления зла преступность всё время находится в определённом соответствии

с добром, но опыт человечества, в т. ч. современный, со всей очевидностью доказывает, что порой, в короткие исторические эпохи, преступления очень мощно определяют ход истории и развитие социальной жизни.

Через первородное падение Адама грех вошёл в наш мир, писал С. Кьеркегор [5]. Но так мог бы сказать не только христианский мыслитель. Мифология разных религиозных культур сохранила для нас множество примеров совершения недолжных поступков легендарными предками, из-за чего зло пришло в мир. Но, строго говоря, отсчёт преступлений надо вести, конечно, не от Адама, он просто не послушался доброго совета Яхве и уступил давлению Евы, а от Каина, который, как ни странно, был прощён богом. С тех пор множество каинов без угрызений совести жили в процветании и в своё удовольствие, в т. ч. совсем недалеко от Эдема.

Преступность в ряде случаев выступает объектом психологического, социологического, этического, психиатрического интереса, каждая из соответствующих наук освещает в ней то, что относится к её предмету, находится в пределах её методологии и возможностей, но ни одной из них преступность не принадлежит, а только криминологии. Даже в постоянном и системном взаимодействии с ними криминология не должна претендовать на то, что преступность даже только в России ею понята до конца и без остатка, что не означает принципиальной непознаваемости этого объекта. Просто всё движение к её глубинам постоянно открывает новые возможности и горизонты. Научный поиск природы и причин преступности будет вестись всегда, но они не находятся в пределах сфер, которые недоступны пониманию и о которых можно лишь строить предположения и догадки, а истинные смыслы и механизмы никогда не откроются разуму. Отсюда следует, что борьба с преступностью вполне в пределах человеческих возможностей, только не надо ставить абсурдную задачу её искоренения.

Преступность нарушает условия существования общества, его согласие по поводу тех правил, которые регулируют жизнь его и отдельных граждан, способов реагирования на нарушения этих правил. Это максимально сближает преступление, преступность и право. Наличие права писанного или не писанного означает стремление людей к организации, а не хаосу. Кокетливое и глупое суждение о том, что единственной причиной преступности является уголовный закон, препятствует пониманию такой сложной проблемы, как природа преступности.

Исследование преступности должно исходить из того, что она – онтологическая реальность, она и объект, и продукт уголовной политики. Эта реальность состоит из отдельных преступлений – преступных поведений, которые есть не что иное как

сплав результатов влияний социальных, индивидуально-психологических и социально-психологических факторов. Хотя преступление и представляет собой продукт и объект уголовно-правовой политики государства, оно, тем не менее, не всегда вольно решить вопрос о том, признавать или не признавать какие-то деяния в качестве преступных. Например, государство обречено всегда считать преступными убийства, кражи, изнасилования и другие поступки, относящиеся к ядерной части преступности, даже если оно само убивает и грабит своих граждан. Иными словами, уголовную ответственность за эти преступления определяет их природа, точнее степень их общественной опасности. Так было в древние времена, так будет всегда.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев М. М. Риски законотворчества и противоречия в уголовной политике // Общество и право. 2020. №2 (72). С. 9–14.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. М.: Юрлитинформ, 2020. 200 с.
3. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб.: Алетейя, 2013. 214 с.
4. Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних: социология преступности. М.: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2013. 351 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. Лунев В. В. Курс мировой и отечественной криминологии: учеб. М.: Юрайт, 2011. 450 с.
7. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении. Новая методология. М.: Юрлитинформ, 2020. 296 с.

REFERENCES

1. Babaev M. M. [Risks of lawmaking and contradictions in criminal policy]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2020, no. 2 (72), pp. 9–14.
2. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Rossiyskaya ugolovnaya politika XXI veka* [Russian criminal policy of the 21st century]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 200 p.
3. Gilinsky Ya. I. *Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol* [Deviance, crime, social control]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2013. 214 p.
4. Zabryansky G. I. *Kriminologiya nesovershennoletnikh: sotsiologiya prestupnosti* [Criminology of minors: sociology of crime]. Moscow, Rossiyskaya akademiya advokatury i notariata Publ., 2013. 351 p.
5. Kierkegaard S. Fear and awe (Rus. ed.: Isaeva N. V., Isaev S. A., transl. *Strakh i trepet*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p.
6. Lunev V. V. *Kurs mirovoy i otechestvennoy kriminologii* [Course in world and domestic criminology]. Moscow, Yurite Publ., 2011. 450 p.
7. Fisherman A. Z. *Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii. Novaya metodologiya* [Criminology in the human dimension. New methodology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонян Юрий Миранович – заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России; почетный доктор Московского государственного областного университета;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury M. Antonyan – Honored Scientist of the RSFSR, Dr. Sci. (Law), Prof., Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Honorary Dr., Moscow Region State University;
e-mail: antonyaa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 89–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-89-99

FOR CITATION

Antonyan Yu. M. The Main Features of Crime. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 89–99.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-89-99

УДК 343.35

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-100-106

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗООЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВЛАСТИ

Плешаков А. М.*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности уголовно-правовой оценки применения зоологического насилия к представителю власти при совершении деяния, предусмотренного ст. 318 УК РФ.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания общественных явлений. В ходе исследования были использованы методы анализа и синтеза, системный и комплексный методы.

Результаты. Дана характеристика зоологического насилия как одного из способов применения насилия к представителю власти. Отдельное внимание уделено квалификации анализируемых деяний. На основе результатов обобщения судебной практики выделено 2 наиболее типичные ситуации применения зоологического насилия к представителям власти.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты углубляют и расширяют существующие научные знания в части уголовно-правового противодействия применению насилия в отношении представителя власти, если подобное совершается посредством зоологического насилия. Они могут быть использованы в деятельности правоприменительных органов и для проведения дальнейших научных изысканий.

Ключевые слова: зоологическое насилие, представитель власти, уголовная ответственность, использование животных

CRIMINAL LIABILITY FOR THE USE OF ZOOLOGICAL VIOLENCE AGAINST A REPRESENTATIVE OF POWER

A. Pleshakov*Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
15a Narvskaya ul., Moscow 125130, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the peculiarities of the criminal law assessment of the use of zoological violence against a representative of power in the commission of the act under Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of social phenomena. In addition, in the course of the study the author used methods of analysis and synthesis, systemic and comprehensive methods.

Results. The characteristic of zoological violence as one of the methods of application of violence against a representative of power is given. Special attention is paid to the qualification of the analyzed acts. On the basis of the results of generalization of the judicial practice, two most typical situations of zoological violence use against the representatives of power were singled out.

Research implications. The results of the study obtained by the author deepen and expand the existing scientific knowledge in terms of criminal law counteraction to the use of violence against a representative of power, if such is committed by means of zoological violence. They can be used in the activities of law enforcement agencies and for further scientific research.

Keywords: zoological violence, representative of power, criminal liability, use of animals

Введение

В ст. 318 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. В уголовно-правовой норме содержится указание на 2 вида насилия, которые различаются по степени общественной опасности: насилие неопасное (ч. 1) и опасное для жизни и здоровья (ч. 2). По месту в составе преступления любой из этих видов является основным признаком объективной стороны, т. е. и в том, и в другом случае это само по себе общественно опасное деяние [4, с. 30].

В свою очередь, словосочетание «применение насилия» означает, что оно осуществляется реально, т. е. проявляется в действительности [9, с. 12]. Подобное «применение» представляет собой форму принуждения к чему-либо с помощью физического воздействия на телесную неприкосновенность представителя власти (или его близких).

Применение насилия мы будем анализировать только в качестве активных физических действий. Такой подход обусловлен тем, что в диспозиции ч. 1 ст. 318 УК РФ предусмотрена ответственность за другой самостоятельный состав преступления – угрозу применения физического насилия. Об этом подробнее мы поговорим ниже.

В словаре по уголовному праву физическое насилие определяется как безнаказанное применение силы, принудительное воздействие на другое лицо, совершённое против его воли¹. Иными словами, это активные действия, совершённые любым способом, с применением любых средств или орудий, направленные против человека.

В связи с этими общими теоретическими установлениями выделим такую необычную и достаточно редкую форму преступного поведения, которую условно определим как «зоологическое насилие». Никакой нравственной оценки в этом словосочетании нет. Под данным понятием мы будем

подразумевать непосредственное *использование мускульной силы животных* (их энергетического потенциала) в отношении представителя власти с целью принудительного воздействия на него [7, с. 33–45].

Зоологическое насилие в уголовном праве

Зоологическое насилие можно охарактеризовать и как вид инструментального принуждения, т. е. как действия, которые осуществляются с помощью «инструмента» (животного). В законодательном плане такие животные определяются как предметы, используемые как оружие, что и характеризует способ совершения преступления (насильственный).

Зоологическое насилие, как правило, осуществляется с применением домашних собак. Использование других животных, опасных для жизни и здоровья человека, в судебно-следственной практике фиксируется в единичных случаях. В механизме преступного поведения действия виновного совершаются последовательно и состоят из 2-х этапов: натравливание биологической особи на человека и в дальнейшем её поощрение для нападения.

Натравливание (травля) представляет собой побуждение собаки к враждебным действиям по отношению к потерпевшему, т. е. это всегда усилия человека. Нападение физически осуществляет животное, однако с юридических позиций это «нападение» виновного. Разумеется, в этих случаях ни о каком «соучастии» или «опосредованном исполнении» речи не идёт. Соответственно натравливание есть предтеча (причина) нападения животного. Такой акт агрессии всегда осуществляется по воле человека и по его целенаправленной команде.

Так, например, в уголовном деле, рассмотренном Слободским городским судом Кировской области, содержалось заключение судебно-кинологической экспертизы об использовании неким К. собаки для совершения общественно опасных действий. Эксперт указал, что для выработки у собаки условного рефлекса для нападения

¹ Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М., 1997. С. 247.

необходимо формировать нужное поведение на команды. Длительность обучения зависит от знаний, умений и опыта конкретного человека. Команда – это условный раздражитель, который вырабатывает определённые действия. Команда может подаваться и жестом, который показывается человеком для уточнения действий животного. Случайность выполнения наработанного рефлекса исключается, поскольку собака обучается на протяжении всей своей жизни. Команда «Фас!» воспринимается собакой как указание для нападения на соответствующий объект. Животное бросается и кусает для того, чтобы получить поощрение хозяина.

В приговоре суда было отмечено, что проявление собакой агрессии – это последствие действий виновного К., который отдал команду для нападения¹. Иными словами, суд зафиксировал наличие элементарной причинно-следственной связи между враждебными действиями животного и поведением человека.

Последствия физического нападения животного проявляются в том, что жертва, как правило, получает телесные повреждения различной тяжести, т. е. в диапазоне от лёгкого до тяжкого вреда здоровью. Собаки, например, могут нанести рваные или лоскутные раны, неизгладимо обезобразить лицо потерпевшего, откусить пальцы, кисти, уши, нос, половые органы и т. п.

Уголовно-правовая оценка применения зоологического насилия к представителю власти

При зоологическом насилии опасном для жизни или здоровья представителя власти не требуется дополнительной квалификации ни по п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ, ни по п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ или по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ (причинение лёгкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью потерпевшего в связи с осуществлении

ем им служебной деятельности). Подобные общие действия полностью охватываются специальной нормой (ч. 2 ст. 218 УК РФ).

В отношении такого квалифицирующего признака как причинение тяжкого вреда здоровью с применением предмета, используемого как оружие, положение иное. В тех случаях, когда лицо задевает собак в подобном качестве, требуется дополнительная квалификация по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Квалификация по совокупности преступлений обусловлена тем, что в диспозиции ч. 2 ст. 318 УК РФ нет указания на орудия или средства или на предметы, используемые как оружие, и такие действия не подпадают под юрисдикцию уголовно-правовой нормы. В подтверждение вывода о необходимости дополнительной квалификации могут послужить и другие аргументы, высказанные в юридической литературе. Так, отмечалось, что поскольку санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ менее строгая, чем санкция ч. 2 ст. 111 УК РФ (последняя предусматривает и дополнительное наказание в виде ограничения свободы), то умышленное причинение тяжкого вреда здоровью представителя власти по своему характеру не охватывается общей нормой (ч. 2 ст. 111 УК РФ), и её квалифицированные виды образуют совокупность преступлений [9, с. 289].

Использование животных может проявляться и в форме насилия неопасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 318 УК РФ). Последствия подобных действий не должны достигать даже уровня лёгкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ). Применение такого «неопасного» насилия в отношении представителя власти является специальной нормой по отношению к другим преступлениям против здоровья и, соответственно, не требуется дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ, но по ч. 1 ст. 117 УК РФ (в форме иных насильственных действий, причинивших физическую боль). Насилие, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, как более тяжкое поглощает менее тяжкие виды [5, с. 109].

В судебно-следственной практике применение зоологического насилия, не-

¹ Приговор Слободского городского суда Кировской области по уголовному делу № 1-252/2019 от 04.12.2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.06.2022).

опасного для жизни или здоровья, достаточно редкое явление. Судя по всему, это обусловлено тем, что укусы собак почти всегда причиняют «серьёзные» телесные повреждения. Соответственно уголовно-правовая оценка такого «лёгкого» насилия фиксируется объективно, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Это возможно, например, когда собака не сумела разорвать плотную одежду потерпевшего; опрокинула человека на землю, но не успела укусить; сдерживала представителя власти на месте, вцепившись в него, но причинила лишь физическую боль и т. п.

Вместе с тем в зависимости от силы, размера и породы собаки, интенсивности её усилий, такие действия могут оцениваться и как опасные для жизни и здоровья потерпевшего. В сам момент нападения подобная агрессия животного, хотя и не причиняет вреда, но может создавать наличную и реальную опасность для человека.

Самостоятельным составом преступления является угроза применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ). В теории уголовного права эта форма преступного поведения имеет обобщённое название – психическое насилие [1; 2; 10]. Соответственно, угроза использования животного – это психологическое воздействие на представителя власти с целью вызвать у него страх (опасение) за свою жизнь или здоровье [8, с. 126]. С позиций грамматического толкования угроза определяется как обещание причинить зло, несчастье¹ вот сейчас, в данный момент или в ближайшем будущем.

Общий смысл подобных «обещаний» в том, чтобы так или иначе воспрепятствовать исполнению лицом своих должностных обязанностей. Воспрепятствование, в частности, может выражаться в принуждении к определённым действиям (например, покинуть жилище виновного), либо к воздержанию от совершения действий (например, не производить арест имущества) и т. п. [3]. Соответственно, угроза нападением животного – это стремление вино-

вного установить господство над ситуацией, императивным образом диктовать представителю власти свои требования.

В объективном плане запугивание человека агрессией собаки может происходить различными способами, но всегда это вербальная передача информации о решимости виновного причинить существенный вред («зло») потерпевшему. Психологическое воздействие осуществляется либо устно (например, «сейчас спущу кобеля»), либо конклюдентно (виновный жестом показывает собаке объект атаки), либо демонстрацией животного, которое находится в возбужденном, агрессивном состоянии. В некоторых случаях виновные подкрепляют свою решимость комбинацией действий: активно натравливают собаку, но тут же сдерживают её, оставляя на цепи или на поводке.

В судебно-следственной практике, как правило, фиксируются 2 типичные ситуации применения зоологического насилия (как физического, так и психического) к представителям власти. В первой из них преступное поведение осуществляется для противодействия любой законной деятельности должностного лица правоохранительного органа. Виновный отказывается выполнять требования представителя власти при: наложении ареста на имущество; проведении обыска или выемки; установлении личности; при своём задержании; установлении лица, подозреваемого в совершении преступления или административного правонарушения; при проведении оперативно-розыскного мероприятия в форме гласного обследования зданий или сооружений и т. п.

Так, например, в уголовном деле, рассмотренном Вытегорским районным судом Вологодской области, некто И. была признана виновной в применении неопасного действия для жизни или здоровья в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. И., желая воспрепятствовать законной деятельности судебного пристава и понятых по наложению ареста на имущество, натравила на них принадле-

¹ Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. И. Крутских. М., 1998. С. 336.

жавшую ей собаку. Когда пристав и понятые вошли во двор, виновная отцепила карабин от ошейника и отпустила возбуждённое и агрессивное животное, т. е. использовала его как орудие преступления. Крупная собака (рост в холке 55 см), видимо, «дворняга» (сложный полигибрид – помесь), набросилась на пристава и причинила ему укушенную рану локтевого сустава. Потерпевший испытывал сильную физическую боль и, защищаясь от нападения, применил газовый баллончик.

И. была задержана и в дальнейшем осуждена к 1 году лишения свободы¹.

Вторая типичная ситуация применения зоологического насилия связана с нападением собак или угрозой такого нападения по отношению к полицейским, исполняющим свои служебные обязанности. Наиболее часто это происходит, когда сотрудники правоохранительных органов пресекают хулиганские действия виновных. По существу, такие случаи представляют собой частные варианты противодействия законной деятельности представителя власти. Однако мы выделили их из всей группы преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, поскольку они имеют ряд особенностей объективного и юридического характера.

Специфика противоправного поведения заключается в том, что виновные, как правило, находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и, грубо нарушая общественный порядок, направляют своих собак, прежде всего, на окружающих граждан. На требования прибывших сотрудников правоохранительных органов о прекращении противоправных действий они обычно не реагируют и как бы «по инерции» направляют животных уже на самих полицейских.

В свою очередь, особенность юридического характера заключается в том, что такого рода энергичное противодействие

законным требованиям сотрудников полиции подпадает под понятие «сопротивление». Данная правовая категория содержится в ФЗ «О полиции» (пп. 3, 5 ч. 1 ст. 21) и означает противодействие насилию, принуждению со стороны органов власти, которое выражается в активном уклонении лица от задержания.

Когда виновный сопротивляется с помощью силы животных, то эта ситуация фактически «перерастает» в вооружённое нападение на сотрудника полиции. В соответствии с федеральным законодательством под вооружённым нападением следует понимать действия, совершённые с использованием предметов, способных причинить тяжкий вред здоровью или смерть (ч. 2 ст. 23 ФЗ «О полиции»). С юридической позиции животные представляют собой имущество (материальный субстрат, вещь) и могут признаваться предметами, замещающими оружие.

Так, например, Долматовским районным судом Курской области было рассмотрено уголовное дело в отношении некоего В., который обвинялся в применении насилия к представителям власти. Обстоятельства дела следующие: соседи В., который находился в сильной степени опьянения, вызвали полицию, чтобы прекратить хулиганские действия виновного. После того как подъехала служебная автомашина, В. отдал своей собаке, которая была без намордника, команду для нападения на сотрудников полиции. Опасная и мощная собака породы питбультерьер повела себя агрессивно, прыгнула на дверцу автомобиля, засунула морду в салон, т. к. окно было наполовину открыто, рычала, скалилась, пыталась вцепиться в полицейского. Животное упорно выполняло неоднократные команды В. на нападение. На постоянные требования правоохранителей убрать собаку виновный не реагировал. Один из полицейских из салона автомашины применил оружие и ранил питбультерьера. Затем сотрудники ОВД вышли из автомобиля и надели наручники на виновного.

¹ Приговор Вытегорского районного суда Вологодской области по уголовному делу № 1-57/2013 от 27.06.2013 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JCqmB9cakwdt/> (дата обращения: 06.06.2022).

Однако В., лежа на земле, вновь стал отдавать приказы на нападение своей раненой собаке. Животное опять начало двигаться в сторону полицейских, хотя и не столь быстро. Сотрудник полиции во второй раз был вынужден стрелять и убил питбультерьера.

В суде действия полицейских по уничтожению собаки были признаны правомерными¹.

В юридической литературе по этому поводу было высказано правильное, на наш взгляд, мнение, что если нападение животного спровоцировано человеком, то речь идёт о необходимой обороне [5, с. 14]. В этих случаях собака выполняет роль инструмента для осуществления воли виновного, который с её помощью осуществляет насильственное посягательство (вооруженное нападение) на жизнь или здоровье представителей власти.

Заключение

«Инструментальное принуждение» (зоологическое насилие) к представителю власти, хотя и применяется редко – от случая к случаю, иррегулярно, – однако фиксируется постоянно. Совершение преступлений с использованием животных виновный осуществляет для противодействия любой законной деятельности должностных лиц. Такое сопротивление охватывает широкий диапазон противоправных действий лица, которые сопряжены с его задержанием, обезоруживанием, нарушением общественного порядка, противодействием аресту имущества и т. д.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 16–20.
2. Гребенкин Ф. Б. Психическое насилие в преступлениях против собственности (сравнительно-правовой анализ). Киров, 2008. 188 с.
3. Денисов Н. Л. Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 109–113.
4. Зурушев А. К. Категория «насилие» в нормах Особенной части УК РФ и проблемы судебно-правовой оценки // Российский судья. 2008. № 9. С. 29–30.
5. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2002. 169 с.
6. Орешкина Т. Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 13–17.
7. Плешаков А. М. Зоологические преступления (общественно опасные деяния с использованием животных). М.: Проспект, 2021. 272 с.
8. Плешаков А. М. Преступное психическое насилие с использованием животных // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 122–129.
9. Применение насилия. Понятие и квалификация: научно-практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Российский государственный университет правосудия, 2016. 326 с.
10. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 18 с.

REFERENCES

1. Gertel E. V. [Types of mental violence]. In: *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs], 2012, no. 3, pp. 16–20.
2. Grebenkin F. B. *Psikhicheskoye nasiliye v prestupleniyakh protiv sobstvennosti (sravnitel'no-pravovoy analiz)* [Mental violence in crimes against property (comparative legal analysis)]. Kirov, 2008. 188 p.

¹ Приговор Долматовского районного суда Курской области по уголовному делу № 1-26/2013 от 05.04.2013 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.06.2022).

3. Denisov N. L. [Issues of qualifying an attempt on the life of a person exercising justice or a preliminary investigation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 6, pp. 109–113.
4. Zurushev A. K. [The category «violence» in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the RF and the problems of judicial and legal assessment]. In: *Rossiyskiy sudya* [Russian judge], 2008, no. 9, pp. 29–30.
5. Inogamova-Khegay L. V. *Konkurenciya ugolovno-pravovyh norm pri kvalifikatsii prestupleniy* [The competition of criminal-legal norms in qualification of crimes]. Moscow, Infra-M Publ., 2002. 169 p.
6. Oreshkina T. Y. [Extreme necessity as a circumstance excluding criminality of a deed]. In: *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 1999, no. 3, pp. 13–17.
7. Pleshakov A. M. *Zoologicheskiye prestupleniya (obshchestvenno opasnyye deyaniya s ispolzovaniyem zhivotnykh)* [Zoological crimes (socially dangerous acts with the use of animals)]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 272 p.
8. Pleshakov A. M. [Criminal mental violence with the use of animals]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Urisprudenciya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 1, pp. 122–129.
9. Galakhova A. V., ed. *Primeneniye nasiliya. Ponyatiye i kvalifikatsiya* [The use of violence. The concept and qualification]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya Publ., 2016. 326 p.
10. Serdyuk L. V. *Psikhicheskoye nasiliye kak predmet ugolovno-pravovoy otsenki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mental violence as a subject of criminal-legal assessment: abstract of Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 1979. 18 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плешаков Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: pam7185@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pleshakov Alexander Mikhailovich – Dr. Sci. (Law), Prof., Chief Researcher, Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service,
e-mail: pam7185@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плешаков А. М. Уголовная ответственность за применение зоологического насилия к представителю власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 100–106.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-100-106

FOR CITATION

Pleshakov A. M. Criminal Liability for the Use of Zoological Violence against a Representative of Power. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 100–106.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-100-106

УДК 351.74

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-107-112

ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА УСТАНОВЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА УГОЛОВНО-ОХРАНЯЕМОМУ ОБЪЕКТУ ПРИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Теренков И. Е.

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности, существующие на этапе установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда уголовно-охраняемому объекту, при применении уголовно-правовых норм, регламентирующих необходимую оборону, применительно к ситуациям использования сотрудниками полиции огнестрельного оружия, что должно позволить избежать совершения квалификационных ошибок.

Процедура и методы. В исследовании применялись диалектический подход к раскрытию правовых явлений и процессов, общенаучные (системный, логический, анализ и синтез) и частнонаучные методы (формально-юридический, лингво-юридический). Были подвергнуты анализу нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительная практика.

Результаты. В теоретическом плане сформулированы положения, позволяющие повысить эффективность применения норм, регламентирующих необходимую оборону, применительно к ситуациям использования сотрудниками полиции огнестрельного оружия.

Теоретическая и/или практическая значимость. В практическом плане реализация выводов, сформулированных в данной статье, может способствовать созданию дополнительных гарантий правильного применения норм в отношении юридической оценки действий сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие.

Ключевые слова: применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, необходимая оборона, нормы Федерального закона Российской Федерации «О полиции», предусматривающие право на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, особенности применения норм, регламентирующих необходимую оборону

PECULIARITIES OF THE STAGE OF ESTABLISHING AND STUDYING THE ACTUAL CIRCUMSTANCES OF INFLECTING HARM TO THE CRIMINAL PROTECTED OBJECT DURING THE LEGAL ASSESSMENT OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS IN A STATE OF NECESSARY DEFENSE

I. Terenkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117437, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the peculiarities existing at the stage of establishment and research of actual circumstances of causing damage to the criminally protected object during the application of criminal law standards regulating necessary defense, with reference to the situations of use of firearms by police officers that will allow avoiding qualification mistakes.

© CC BY Теренков И. Е., 2022.

Methodology. During the study a dialectical approach to the disclosure of legal phenomena and processes was used. General scientific (systemic, logical, analysis and synthesis) and private scientific methods (formal-legal, linguistic-legal) were used. Norms of criminal and criminal-procedural legislation, Resolutions of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and law enforcement practice were subjected to analysis.

Results. From the theoretical point of view the provisions are formulated, which allow increasing the efficiency of application of the norms regulating necessary defense, with regard to the situations of use of firearms by police officers.

Research implications. In practical terms the implementation of conclusions formulated in this article can contribute to the creation of additional grants for correct application of norms in respect of legal assessment of the actions of police officers, who used firearms.

Keywords: use by police officers of firearms in a state of necessary defense, necessary defense, norms of the Federal Law of the Russian Federation «On Police», providing the right to use firearms by police officers, features of application of norms regulating necessary defense

Введение

Особое значение этапа установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда при применении уголовно-правовых норм, регламентирующих необходимую оборону, определяется тем, что именно в процессе его осуществления происходит сбор и закрепление доказательств, позволяющих принять процессуальное решение о правомерности или преступности деяния. Этим обуславливается актуальность и своевременность проведения исследования особенностей этого этапа при установлении правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны.

Особенности установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда уголовно-охраняемому объекту

Применение норм, как форма их реализации, отличается от соблюдения и исполнения тем, что она всегда предполагает «властную деятельность компетентного органа, которому государство дало полномочие на самостоятельную, творческую реализацию норм в применении к отдельному случаю...» [1, с. 28]. Также в общей теории права отмечается такой обязательный признак применения норм как вынесение на их основе и соответствующих фактических обстоятельств индивидуально-конкретных правовых предписаний (индивидуальных правоприменительных актов) [8, с. 19].

А. П. Дмитренко [4; 5] выделяет ряд признаков, присущих применению уголовно-правовых норм, предусматривающих необходимую оборону:

а) это прерогатива только государства;

б) составляющими процесса применения являются: 1) изучение и установления признаков деяния, причинившего вред отношениям, охраняемым уголовным законом; 2) определение (выбор) и изучение правовых норм, регулирующих отношения по применению сотрудником полиции огнестрельного оружия в анализируемой конкретной ситуации;

в) вынесение в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, правоприменительного индивидуально-правового акта, в котором содержится принятое по делу решение.

Смежная позиция была высказана Я. М. Брайниным, указавшем, что норму уголовного закона о необходимой обороне применяет тот государственный орган, который признаёт совершённое деяние необходимой обороной [3, с. 101].

Применяют уголовно-правовые нормы, регламентирующие право на необходимую оборону, лица, наделённые соответствующими полномочиями уголовно-процессуальным законодательством – дознаватель, следователь, прокурор и суд.

Вопросом, подлежащим разрешению в настоящей работе, является выявление особенностей применения уголовно-правовых норм, регламентирующих необхо-

димую оборону, применительно к ситуациям применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны. Поскольку такие особенности могут проявляться на всех стадиях правоприменительного процесса, то следует рассмотреть каждый из них.

Соответственно первый этап заключается в установлении и изучении фактических обстоятельств дела.

В соответствии с требованиями, предусмотренными на уровне международных конвенций, правительства должны устанавливать эффективные процедуры представления и разбора рапортов в отношении всех инцидентов, связанных с применением огнестрельного оружия представителями власти¹. В Российской Федерации сложилась практика проведения служебных проверок по фактам применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия². Они осуществляются в соответствии с приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации»³. Вместе с тем в соответствии п. 9 запрещается

сотрудникам, проводящим служебную проверку, совершать действия, входящие в компетенцию предварительного следствия или органов дознания. Иначе говоря, сотрудники МВД РФ, проводящие служебную проверку, могут установить наличие в действиях сотрудника полиции, применившего огнестрельное оружие, состава дисциплинарного проступка либо его отсутствие, если они в полной мере соответствуют только положениям ФЗ РФ «О полиции» [9].

Согласно п. 11, указанного нормативно-правового акта, в случае обнаружения в действиях сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, признаков состава преступления или события административного правонарушения указанная информация подлежит регистрации и проверке в установленном порядке⁴. Соответственно, если на первом правоприменительном этапе будут собраны фактические данные, свидетельствующие о том, что при применении сотрудником полиции огнестрельного оружия не соблюдены все требования, установленные в нормах ФЗ «О полиции», то дальнейшее собирание фактических данных о событии переходит в компетенцию следователя СК РФ.

Вместе с тем в абсолютном большинстве случаев, где при применении сотрудниками полиции огнестрельного оружия причинялись последствия в виде вреда здоровью либо смерти человеку, проводилась доследственная проверка данного факта следователями СК РФ. Такой подход вполне обоснован, поскольку применение норм уголовного законодательства о необходимой обороне, субъектом которой являлся сотрудник полиции, находится согласно уголовно-процессуальному законодательству в их компетенции. В обозначенных ситуациях следователь в ходе доследственной

¹ Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml (дата обращения: 19.09.2021).

² Служебная проверка проводится в соответствии с: Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020; Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 14.10.2012 № 1377 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808.

³ Приказ МВД РФ от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Министерство Внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/23844?items=10> (дата обращения: 19.09.2021).

⁴ Приказ МВД РФ от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Министерство Внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/23844?items=10> (дата обращения: 19.09.2021).

проверки, регламентированной ст.ст. 140–145 УПК РФ, определяют круг фактов, необходимых для последующей юридической оценки деяния, осуществляет их сбор в установленных процессуальных формах, проводит проверку их достаточности и достоверности, устанавливает их истинность.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что на данном этапе должны собираться все фактические сведения, которые могут в последующем составить признаки, характеризующие деяние как преступное либо как уголовно-правовое деяние (ст.ст. 37–42 УК РФ). А. В. Наумов, анализируя эту стадию правоприменительного процесса, также указывает на то, что изначально определять правовую норму, подлежащую применению, а потом изучать признаки совершённого деяния. Он отмечает, что когда на первый этап переносится отыскание следователем правовой нормы, охватывающей исследуемый им случай, то повышается риск неправильной квалификации, поскольку могут быть упущены данные, свидетельствующие о том, что применению подлежит иная норма [7, с. 47].

Такие случаи были выявлены диссертантом в ходе анализа судебно-следственной практики. Показательным является пример, когда сотрудник милиции *П.*, причинивший в результате применения огнестрельного оружия смерть *С.* и тяжкий вред здоровью *Ш.*, был признан районным судом виновным в совершении убийства и покушения на убийство. Вышестоящая судебная инстанция не внесла изменений в приговор, а Президиум Московского городского суда признал действия *П.* необходимой обороной¹. О сохраняющейся актуальности этого дела свидетельствует то, что это постановление в настоящее время размещено на официальном сайте Верховного Суда РФ. Данный факт следует отметить как положительно влияющий на

формирование единообразной практики применения норм уголовного законодательства в отношении сотрудников полиции, применивших огнестрельное оружие.

Минимизации подобных ошибок, а также созданию возможности их исправления, способствует качественный сбор и закрепление фактических данных, подтверждающих различные версии произошедшего: необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, убийства или причинения вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны и т. д. С. В. Борисов и Н. Г. Андрияхин указывают, что односторонний сбор доказательств в указанных случаях может привести к уменьшению объёма доказательственной информации, подтверждающей факт наличия необходимой обороны, либо к полной её утрате и как следствие, к вынесению обвинительного приговора в отношении лица, защищавшего себя или других лиц от преступных посягательств [2, с. 82].

Если же ещё учесть, что ряд внешних признаков причинения вреда в состоянии необходимой обороны имеет сходство с признаками конкретных составов преступлений, то можно констатировать, что за время проведения доследственной проверки не всегда представляется возможным собрать достаточное количество фактических данных, свидетельствующих о том, что лицо причинило вред в состоянии необходимой обороны. В таких случаях, если собранные доказательства позволяют следователю усмотреть в действиях лица признаки какого-либо состава преступления, возбуждается уголовное дело [6]. Однако наличие версии о том, что сотрудник полиции применил оружие в состоянии необходимой обороны, обязывает следователя продолжать сбор подтверждающих её доказательств, в т. ч. и в ходе проведения всего предварительного расследования.

Эта обязанность вытекает из положений ст. 73 УПК РФ. Обязанность собирать доказательства, подтверждающие наличие признаков необходимой обороны в

¹ Действия сотрудника милиции признаны совершёнными в состоянии необходимой обороны (Извлечение) // Верховный суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/11506/> (дата обращения: 20.09.2021).

действиях лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, вытекает и из положений ч. 2 ст. 6 УПК РФ, согласно которым «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Следовательно, факт возбуждения уголовного дела в отношении сотрудника полиции, применившего огнестрельное оружие, не предполагает собирание следователем только доказательств, подтверждающих его виновность в совершении инкриминируемого преступления, наличие версии о том, что он действовал в состоянии необходимой обороны, обязывает следователя собрать фактические данные её подтверждающие или опровергающие. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ, обобщив практику по делам о необходимой обороне, в качестве фактических данных, которые могут повлиять на вывод о применении ч. 2.1 ст. 37 УК РФ указывает «время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т. п.)»¹.

Заключение

Процесс применения уголовно-правовых норм, регламентирующих необходимую оборону, как форма их реализации, включает этап установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда уголовно-охраняемому объекту. В отношении фактов применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны его может осуществлять только следователь следственного комитета. На этом этапе должны собираться фактические данные не только о соответствии либо несоответствии действий сотрудника полиции как требованиям, установленным в нормах ФЗ «О полиции», так и положениям уголовного законодательства о необходимой обороне. Возможный вывод следователя на данном этапе о наличии в действиях сотрудника полиции признаков состава преступления не освобождает его от обязанности собирать и закреплять фактические данные, подтверждающие версию о наличии в его действиях признаков необходимой обороны. Невыполнение этого требования может привести к неправильному применению норм уголовного закона и, как следствие, к незаконному привлечению к ответственности невиновного лица.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С., Дюрягин И. Я. Функция применения права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1972. № 2. С. 25–37.
2. Борисов С. В., Андрюхин Н. Г. Отдельные проблемы применения положений уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 78–82.
3. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
4. Дмитренко А. П. Применение уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, как форма их реализации // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 127–131.
5. Дмитренко А. П., Сарницкий С. Н. Объективные и субъективные критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны, при защите от длящихся и продолжаемых общественно опасных посягательств // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 112–117.
6. Дорогин Д. А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. М.: Юрлитинформ, 2020. 240 с.

¹ Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Консультант Плюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 16.09.2021).

7. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм: учеб. пособие. Волгоград, 1973. 176 с.
8. Правоприменение в Советском государстве / А. С. Пиголкин, М. Н. Николаева, М. С. Студеникина и др. М.: Юридическая литература, 1985. 303 с.
9. Условия и пределы правомерности необходимой обороны: проблемы теории и практики / С. В. Борисов, М. М. Дайшутов, А. П. Дмитренко, Е. А. Рускевич. М.: Московский университет, 2018. 89 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S., Dyuryagin I. Ya. [The function of the application of law]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence], 1972, no. 2, pp. 25–37.
2. Borisov S. V., Andryukhin N. G. [Separate problems of application of the provisions of the criminal law on the circumstances precluding the criminality of the act]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2019, vol. 5 (71), no. 2, pp. 78–82.
3. Brainin Ya. M. *Ugolovnyy zakon i yego primeneniye* [Criminal law and its application]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1967. 240 p.
4. Dmitrenko A. P. [Application of criminal law norms regulating circumstances that exclude the criminality of an act, as a form of their implementation]. In: *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad* [Russian criminological view], 2007, no. 2, pp. 127–131.
5. Dmitrenko A. P., Sarnitskiy S. N. [Objective and subjective criteria that determine the moments of the beginning and end of the state of necessary defense, while protecting against ongoing and ongoing socially dangerous encroachments]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 7, pp. 112–117.
6. Dorogin D. A. *Ispolneniye zakona kak obstoyatelstvo, isklyuchayushcheye ugolovnyuyu otvetstvennost* [Execution of the law as a circumstance excluding criminal liability]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2020. 240 p.
7. Naumov A. V. *Primeneniye ugolovno-pravovykh norm* [Application of criminal law]. Volgograd, 1973. 176 p.
8. Pigolkin A. S., Nikolaeva M. N., Studenikin M. S., et al. *Pravoprimeneniye v Sovetskom gosudarstve* [Law enforcement in the Soviet state]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1985. 303 p.
9. Borisov S. V., Daishutov M. M., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. *Usloviya i predely pravomernosti neobkhodimoy oborony: problemy teorii i praktiki* [Conditions and limits of the legitimacy of necessary defense: problems of theory and practice]. Moscow, Moskovskiy unive Publ., 2018. 89 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теренков Игорь Евгеньевич – преподаватель кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;
e-mail: stvkup@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor E. Terenkov – Lecturer, Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot;
e-mail: stvkup@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Теренков И. Е. Особенности этапа установления и изучения фактических обстоятельств причинения вреда уголовно-охраняемому объекту при юридической оценке применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 107–112.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-107-112

FOR CITATION

Terenkov I. E. Peculiarities of the Stage of Establishing and Studying the Actual Circumstances of Inflicting Harm to the Criminal Protected Object During the Legal Assessment of the Use of Firearms by Police Officers in a State of Necessary Defense. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 2, pp. 107–112.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-2-107-112

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2022. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Глузунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 30.06.2022. Дата выхода в свет: 25.07.2022. Заказ № 2022/06-21.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А